

ISSN: 2074-1944

ВОЕННОЕ ПРАВО

<http://www.voennoepravo.ru>

№ 5 (87) 2024

Редакционный совет

1. **Бараненков Вячеслав Вячеславович**, доктор юридических наук, профессор
2. **Глухов Евгений Александрович**, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры ФГКВУ ВО «Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии»
3. **Ермолович Ярослав Николаевич**, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации
4. **Корякин Виктор Михайлович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры военной администрации, административного и финансового права ФГВКУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Минобороны России
5. **Маликов Сергей Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, председатель диссертационного совета по специальности «Военное право», профессор кафедры криминалистики Военного университета
6. **Свинных Евгений Анатольевич**, доктор юридических наук, доцент
7. **Сморчкова Лариса Николаевна**, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН
8. **Туганов Юрий Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор Российской таможенной академии
9. **Холиков Иван Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Издается с 2001 г.
Научные направления
периодического издания:
— Военные науки
— Юридические науки

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
Эл 77-4305 от 16.01.2001 г.
Номер ISSN: 2074-1944

Издание включено в систему Российско-
го индекса научного цитирования
(РИНЦ)

Решением президиума Высшей аттеста-
ционной комиссии при Минобрнауки
России от

26 апреля 2019 г. издание
с 7 мая 2019 г. по 28 февраля 2023 г. бы-
ло включено в **Перечень**

**рецензируемых научных изданий, в
которых должны быть опубликованы
основные научные результаты дис-
сертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, ученой степени док-
тора наук по группе научных специаль-
ностей**

20.00.00 — Военные науки

С 4 сентября 2023 г. издание включено
в указанный Перечень по группе
научных специальностей 6.0.0 — Во-
енные науки (№ 903 Перечня по состо-
янию на 10.06.2024)

Главный редактор —
КОРЯКИН
Виктор Михайлович,
доктор юридических наук,
профессор
e-mail: Korjakinmiit@rambler.ru

Ведущий редактор —
ГУСЕЙНОВА
Альбина Джабаровна

Адрес в интернете
<http://www.voennoepravo.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

Указатель сокращений 6

Правовое обеспечение национальной безопасности

1. **Боброва О.Г.**
Военно-правовые аспекты обеспечения безопасности
Государственной границы Российской Федерации в условиях
специальной военной операции и современных вооруженных конфликтов 9

Теория и история военного права

2. **Гребенской Д.С.**
История и развитие правового регулирования отношений, связанных
с привлечением граждан, имеющих судимость, к участию в боевых действиях 18

3. **Кахкцян А.С.**
Структура норм военного права Республики Армения 25

Военно-административное право

4. **Воробьев А.А., Шнякина Т.С.**
К вопросу о месте добровольческих формирований в российской
системе правового регулирования благотворительной и добровольческой
(волонтерской) деятельности 29

5. **Денисов Д.И.**
Формально-юридическое исследование значения приграничной
территории, её роли в контексте реализации полномочий
пограничными органами ФСБ России 38

6. **Коробков В.С.**
О некоторых изменениях в правовом регулировании доступа
в Вооруженных Силах Российской Федерации к сведениям,
составляющим государственную тайну 45

7. **Наумов П.Ю.**
Тезисы о видах судопроизводства при обжаловании заключений (решений)
по итогам проведения военно-врачебной экспертизы 55

8. **Некрасов А.А.**
Правовые основы пропуска через государственную границу
Российской Федерации российских граждан, имеющих
двойное (множественное) гражданство 62

9. **Обуховский И.Н.**
Совершенствование правовых механизмов применения физической силы военнотру-
дящими Вооруженных Сил Российской Федерации
при осуществлении административного задержания 69

Военные аспекты гражданского права

10. **Корякин В.М.**
Правовые аспекты применения специальных экономических мер
в целях обеспечения проведения специальной военной операции 74

Юридическая ответственность военнослужащих

11. **Минтягов С.А., Азовцев А.А.**
Об особенностях применения дисциплинарного ареста командирами
и начальниками в отношении военнослужащих, принимающих участие
в специальной военной операции: анализ законодательства 84

12. Рыбалкин А.Н., Харитонов С.С.	
Привлечение военнослужащих к материальной ответственности: обзор решений военных судов	92
13. Чукин Д.С.	
Некоторые аспекты юридической ответственности за коррупционные правонарушения	100

Уголовное право и криминология

14. Борисов А.В.	
О некоторых проблемах квалификации преступлений против военной службы	110
15. Закомолдин Р.В.	
Актуальные проблемы военно-уголовного законодательства на современном этапе	115
16. Камышанский Д.Ю.	
Транснациональный характер преступлений коррупционной направленности	123
17. Кириченко Н.С., Александрова Н.Г.	
Понятие и сущность военного экоцида	128
18. Соловьев И.Ю.	
О некоторых аспектах разграничения умышленного уничтожения или повреждения военного имущества с иными преступлениями против военной службы.....	133
19. Чучулаева А.И.	
Уголовно-правовые основы военной безопасности Российской Федерации: актуальные изменения	138

Уголовный процесс и криминалистика

20. Докучаев О.О., Чуркин А.В.	
К вопросу о критериях разграничения процессуальных оснований привлечения к участию в уголовном деле эксперта и специалиста	145
21. Раков А.В., Харитонов С.С.	
Судебный порядок рассмотрения жалоб в соответствии со ст. 125 УПК РФ: обзор по материалам практики военных судов	154
22. Чушенко Д.Н.	
О квалификации действий должностных лиц Вооруженных Сил Украины в ходе проведения специальной военной операции	160

Зарубежное военное законодательство. Военные проблемы международного права

23. Баймышев В.Г.	
О теоретико-правовых особенностях ответственности международных организаций в международном праве	167
24. Редкоус В.М.	
Основы организации и обеспечения обороны страны по законодательству Республики Молдова	179
25. Шестак В.А.	
Правовое регулирование противодействия финансированию терроризма и отмыванию доходов, полученных преступным путем: опыт Китайской Народной Республики	193

Рецензии на военно-правовые издания

26. Боброва О.Г., Левенец Е.В.	
Современное военное право в зеркале учебной литературы: в помощь курсанту, слушателю, нормотворцу и правоприменителю	198

27. Сидоркин А.И

Теория и практика конституционализации военного права современной России..... 203

Указатель сокращений

абз. — абзац

АО — акционерное общество

АПК РФ — Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации

БПЛА — беспилотный летательный аппарат

БРИКС — сокращение от Brazil, Russia, India, China, South Africa) — межгосударственное объединение, союз девяти государств: Бразилии, России, Индии, КНР, Южной Африки, ОАЭ, Ирана, Египта и Эфиопии. Организация (содружество государств) была основана в июне 2006 г. (как БРИК, BRIC) в рамках Петербургского экономического форума с участием министров экономики Бразилии, России, Индии, Китая.

ВВСиТ — вооружение, военная и специальная техника

ВМФ — Военно-Морской Флот

ВПК — военно-промышленный комплекс

ВСНП — Всекитайское собрание народных представителей

ВСУ — Вооруженные силы Украины

ВУ — Военный университет имени князя Александра Невского Минобороны России

ГК РФ — Гражданский кодекс Российской Федерации

гл. — глава

ГОЗ — государственный оборонный заказ

ГПК РФ — Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации

ГЭС — гидроэлектростанция

ДНР — Донецкая Народная Республика

ДРГ — диверсионно-разведывательная группа

ДУ ВС РФ — Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Российской Федерации

ЕАЭС — Евразийский экономический союз

КАС РФ — Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации

КМП ООН — Комиссия по международному праву Организации Объединенных Наций

КНР — Китайская Народная Республика

КоАП РФ — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях

ЛНР — Луганская Народная Республика

МГП — международное гуманитарное право

МВД России — Министерство внутренних дел Российской Федерации

МИД России — Министерство иностранных дел Российской Федерации

Минздрав России — Министерство здравоохранения Российской Федерации

Минобороны России — Министерство обороны Российской Федерации

млн. — миллион

МС — Миротворческие силы

МЧС России — Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий

НАТО — Организация Североатлантического Договора (англ. North Atlantic Treaty Organization, NATO)

ОАО — открытое акционерное общество

ОДКБ — Организация договора о коллективной безопасности

ООН — Организация Объединенных Наций

ООО — общество с ограниченной ответственностью

ОПК — оборонно-промышленный комплекс

п. — пункт

ПВО — противовоздушная оборона

подп. — подпункт

РАВ — ракетно-артиллерийское вооружение

РАН — Российская Академия Наук

РВСН — Ракетные войска стратегического назначения

РМ — Республика Молдова

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

руб. — рубль, рублей

РЭБ — радиоэлектронная борьба

СБУ — Служба безопасности Украины

СВО — специальная военная операция

СК России — Следственный комитет Российской Федерации

СМИ — средства массовой информации

СНГ — Содружество Независимых Государств

СПС — справочная правовая система

ССО — Силы специальных операций

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

ст. — статья

США — Соединенные Штаты Америки

ТК РФ — Трудовой кодекс Российской Федерации

тыс. — тысяча

ТЭС — тепловая электростанция

ТЭЦ — тепловая электроцентраль

УВП ВС РФ — Устав военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации

УВС ВС РФ — Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации

УГиКС ВС РФ — Устав гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации

УК РФ — Уголовный кодекс Российской Федерации

УПК РФ — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

ФГАОУ ВО — федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

ФГБУН — федеральное государственное бюджетное учреждение науки

ФГБУ — федеральное государственное бюджетное учреждение

ФГКВОУ ВО — федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования

ФГКОУ ВО — федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования

ФГКУЗ — федеральное государственное казенное учреждение здравоохранения

ФКУ — федеральное казенное учреждение

ФСБ России — Федеральная служба безопасности Российской Федерации

ФСИН России — Федеральная служба исполнения наказаний

ч. — часть

ЧВК — частная военная компания

ШОС — Шанхайская организация сотрудничества

Правовое обеспечение национальной безопасности

Военно-правовые аспекты обеспечения безопасности Государственной границы Российской Федерации в условиях специальной военной операции и современных вооруженных конфликтов

© Боброва Ольга Геннадьевна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий 20 кафедрой (военного права) ФГКВООУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Минобороны России

Аннотация. В статье представлены доктринальные и практические подходы к совершенствованию правового обеспечения военной безопасности Государственной границы и приграничных субъектов Российской Федерации в условиях специальной военной операции и современных вооруженных конфликтов. Сформулированы предложения о совершенствовании в военном законодательстве правового статуса Государственной границы; о введении новых правовых режимов приграничной территории и военной безопасности; о правовой регламентации информационного противоборства на приграничной территории; о повышении эффективности межведомственного правового регулирования взаимодействия Вооруженных Сил Российской Федерации, пограничных органов и войск национальной гвардии.

Ключевые слова: Вооруженные Силы; пограничные органы; Государственная граница Российской Федерации; военная безопасность; пограничная безопасность; специальная военная операция; оборона.

Исключительная важность обеспечения военной безопасности Государственной границы и приграничных территорий обусловлена генезисом современных вооруженных конфликтов¹. Кардинальное изменение характера современных войн и военных угроз предопределяет необходимость решения военно-правовой наукой «стратегической задачи — исследование форм и видов современной войны, в том числе с позиций международного права»².

¹ Военное право: монография: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. I: История и теория военного права (с предисловием). М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. С. 12; Operational Environment 2024—2034: Large-Scale Combat Operations. U.S. Army Training and Doctrine Command (TRADOC). <https://lieber.westpoint.edu/isis-detentions-syria-responsibility-supporting-states/> (дата обращения: 20.08.2024 г.).

² Бараненков В.В. О некоторых актуальных проблемах правового обеспечения обороны страны и безопасности государства в новых условиях//

Вооруженное нападение на территорию Курской области, регулярные попытки прорыва обороны Государственной границы на территории Брянской и Белгородской областей в августе 2024 г., как и совершенные ранее в 2022 и 2023 гг. нападения на участки Государственной границы в районе г. Грайворон и с. Козинка Белгородской области, с. Любечане Брянской области, милитаризация приграничных с Российской Федерацией территорий иностранных государств свидетельствуют об исключительной актуальности поиска научно-обоснованных подходов к формулировке новой парадигмы обеспечения военной безопасности Государственной границы и приграничных субъектов Российской Федерации.

Проведенный анализ складывающихся в период вооруженного конфликта обще-

Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 1. С. 7—17.

ственных отношений позволяет сформулировать следующие предложения о направлениях развития военного законодательства, комплементарного современным военным опасностям и угрозам Государственной границе и приграничным территориям.

Первое. Малые группы вместо больших фронтов. Повышается роль мобильных межвидовых группировок войск, действующих в едином разведывательно-информационном пространстве за счет использования новых возможностей систем управления и обеспечения. Военные действия становятся более динамичными, активными и результативными. Новые информационные технологии позволили значительно сократить пространственный, временной и информационный разрыв между войсками и органами управления¹.

Указанный фактор предопределяет необходимость придания особой значимости Государственной границе и приграничной территории как самостоятельным объектам обороны. В свою очередь, это предопределяет необходимость скоординированных действий Вооружённых Сил, пограничных органов и войск национальной гвардии, преодоление межведомственной разобщенности и создания единой межведомственной информационной системы ситуационной осведомленности².

¹ Турко Н.И. Критические оценки характера будущих войн. <https://avnrf.ru/index.php/component/content/article/145-rezerv-vremennno-snyatyie-s-publikatsii-materialy/1201-turko-ni> (дата обращения: 14.08.2024 г.).

² Концепция ситуационной осведомленности (CO — situation(al) awareness) описывает наиболее общие принципы подготовки и обработки информации для реализации ситуационного подхода в динамических предметных областях. Ситуационная осведомленность включает в себя осознание того, что происходит в окружающей среде, чтобы понять, как информация, события и собственные действия будут влиять на цели и задачи в текущий момент и в ближайшем будущем. (См.: Афанасьев А.П., Батурич Ю.М., Еремченко Е.Н., Кириллов И.А., Клименко С.В. Информационно-аналитическая система принятия решений на основе сети распределенных ситуационных центров // Информационные технологии и вычислительные системы. 2010. № 2. С. 3—14.

Опыт СВО показывает, что у вооруженных сил Украины (ВСУ) при прямом руководстве и на основании закрепленных нормами военного права стандартов стран НАТО подобные подходы внедрены:

1. Сформированы объединенные органы военного управления, в подчинении которых находится несколько объединенных оперативных группировок войск, а также командование и силы различных ведомств: МВД, национальной гвардии, государственной пограничной службы, национальной полиции, службы безопасности Украины (СБУ) и др. Указанные подразделения разнородных сил и ведомств осуществили вооруженное вторжение на территорию Курской области и попытки прорыва обороны Государственной границы России на участках в Брянской и Белгородской областях³.

2. Создано и используется единое разведывательно-информационное пространство посредством функционирования Межведомственной системы ситуационной осведомленности «Дельта» (МССО «Дельта»). К системе подключены ВСУ, МВД, войска национальной гвардии, СБУ, пограничная служба. Информационная система получает данные от космических аппаратов, авиационной разведки, БПЛА, радаров, камер наблюдения, чатов и других источников. Чтобы не подвергать Delta риску уничтожения российскими ракетами или атакам хакеров, ее разместили в облачном сервисе, расположенном за пределами украинской территории. «Дельта» предназначена для межведомственного взаимодействия войск воинских формирований и органов, а также для информационного обмена ВСУ с государствами-членами НАТО, что

³ Сводка Минобороны России о ходе отражения попытки вторжения ВСУ на территорию Российской Федерации. Официальный сайт Министерства обороны Российской Федерации. https://z.mil.ru/spec_mil_oper/news/more.htm?id=12525737@egNews (дата обращения: 17.08.2024 г.).

позволяет получать от них разведывательные сведения¹.

Указанный фактор необходимо учитывать при совершенствовании правового регулирования межведомственного взаимодействия Вооруженных Сил, войск национальной гвардии и пограничных органов в ходе обороны Государственной границы. В частности, требуется восстановление пограничных войск и создание в их составе мотоманевренных групп и десантно-штурмовых маневренных групп; установление правового статуса Государственной границы как самостоятельного объекта обороны в Федеральном законе «Об обороне»². Для повышения эффективности обеспечения безопасности Государственной границы, слаженности работы Вооруженных Сил, пограничных органов и войск национальной гвардии обоснованным считаем введение специального правового режима приграничной территории. Обусловлено это необходимостью ограничения прав граждан и предоставления дополнительных полномочий Вооруженным Силам, пограничным органам и войскам национальной гвардии. При этом экстраординарный правовой режим выступает «правовой рамкой», «каркасом», позволяющим в пространственно-временном измерении «вместить» общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением военной безопасности (обороной, защитой и охраной) Государственной границы. С учетом ключевого значения безопасности Государственной границы в системе военной безопасности в условиях СВО и постконфликтный период такой экстраординарный режим приграничной

территории жизненно важен, поскольку вдоль Государственной границы долгое время будут, в соответствии с концепцией гибридной войны, которую ведет коллективный Запад против России, сконцентрированы диверсионно-разведывательные группы (ДРГ), лагеря подготовки террористов, экстремистов, незаконные воинские формирования, которые в любой момент могут вторгнуться на территорию Российской Федерации, совершить теракты и диверсии. Такую ситуацию можно наблюдать с самого начала СВО. Схожая обстановка сложилась на Государственной границе Республики Беларусь с Польшей и прибалтийскими странами. Опыт СВО необходимо учитывать при совершенствовании системы обеспечения безопасности государственных границ Союзного государства России и Белоруссии, а в перспективе и для государств-членов ОДКБ.

Второе. Фронтальные столкновения крупных группировок войск (сил) на стратегическом и оперативном уровне постепенно уходят в прошлое³. Такое положение дел подвергает особому риску именно приграничные районы ввиду протяженности Государственной границы и риска нарушения ее неприкосновенности не только ДРГ небольшой численности, но и крупными группировками войск (сил), о чем свидетельствует прорыв ВСУ обороны Государственной границы в Курской области и атаки в Белгородской области в августе 2024 г.

Третье. Дистанционное бесконтактное воздействие на противника становится главным способом достижения целей боя и операции. Поражение его объектов осуществляется на всю глубину территории. Стираются различия между стратегическим, оперативным и тактическим уровнем, наступательными и оборонительными действиями⁴. В течение СВО наблюдаются систематические обстрелы приграничных и тыловых субъектов Российской Федерации

¹ Украинские военные активно пользуются системой ситуационной осведомленности Delta // Военное обозрение. <https://topwar.ru/210320-ukrainskie-voennye-aktivno-polzujutsja-sistemoj-situacionnoj-osvedomlennosti-delta.html> (дата обращения: 24.08.2024 г.).

² Боброва О.Г. Оборона Государственной границы Российской Федерации в системе военной безопасности: международно-правовой аспект // Военное право. 2024. № 4(86). С. 9—21.

³ Турко Н.И. Указ. соч.

⁴ Там же.

(Московская, Ленинградская, Воронежская, Брянская, Белгородская, Липецкая, Волгоградская области, Республика Крым и Севастополь, Краснодарский край) с помощью артиллерии и БПЛА. В целях предотвращения подобных ударов требуется создание демилитаризованной зоны безопасности на территории государства-агрессора, которая отодвинет линию запуска ракет малой и средней дальности, не позволив им достигать территории Российской Федерации.

Кроме того, относительно небольшими силами ВСУ при поддержке государств-членов НАТО, оккупировав 30 населенных пунктов¹ на территории Курской области, начав создавать оборонительные рубежи, продолжают попытки атаковать Белгородскую область. В ходе отражения атаки Вооруженные Силы Российской Федерации артиллерийским огнем и авиацией уничтожают объекты на территории граничащей с Курской Сумской области Украины, тем самым создавая плацдарм для освобождения территории Сумской области и формирования демилитаризованной зоны безопасности.

Очевидно, что будущие вооруженные конфликты будут характеризоваться такими нападениями с прорывом обороны Государственной границы и попыткой оккупации части территории, которая будет выступать источником постоянных военных угроз для приграничной территории (диверсии, теракты, обстрелы). Такое положение дел необходимо учитывать при определении направления строительства и развития Вооруженных Сил на долгосрочную перспективу, четко представляя перспективные формы и способы их применения в части обороны Государственной границы и приграничных территорий.

¹ Сводка Минобороны России о ходе отражения попытки вторжения ВСУ на территорию Российской Федерации. https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12525737@egNews (дата обращения: 28.08.2024 г.).

Четвертое. Боевые действия дополнены военными мерами скрытого характера, в том числе реализацией мероприятий информационного противоборства и действиями сил специальных операций². В приграничных субъектах Российской Федерации в ходе вооруженного вторжения в Курскую область противником систематически скоординированно проводятся информационно-психологические операции, направленные на создание мнения об иллюзорном превосходстве над Вооруженными Силами Российской Федерации. Применение указанных инструментов психологической борьбы осуществляется во исполнение нормативно-правовых актов государств-членов НАТО³, носит централизованный и плановый характер, что позволяет управлять информационными потоками даже в случае отступления противника за линию фронта. В информационное пространство противник будет вбрасывать многочисленные фото и видео материалы, заготовленные ранее. Российская сторона будет вынуждена оперативно такую ложную информацию опровергать.

Таким образом, с точки зрения права, противник искусственно мультиплицирует состояние правовой неопределенности в отношении личного состава и гражданского населения в части их поведения, стремясь от сподвигнуть переход законопослушного к противоправному. В России информационное противодействие носит децентрализованный характер: каждое ведомство выполняет задачи по информационному противоборству или учитывает информационное воздействие стран Запада на российское общество в процессе своей деятельности. Деятельность федеральных органов исполнительной власти в сфере обороны и безопасности по данному направлению носит непубличный характер; документы

² Турко Н.И. Указ. соч.

³ ADP 3-13 Army's foundational doctrine for information <https://irp.fas.org/doddir/army/adp3-13.pdf>. Joint Publication 3-13. Information Operations. 20 November 2023 (дата обращения: 14.08.2024 г.).

стратегического планирования — оборонительный характер. Опираясь на метод системного анализа и положения теории управления, целесообразным видится консолидация управления информационным противоборством путем создания единого органа, координирующего деятельность всех федеральных органов исполнительной власти по вопросам информационного противоборства. К его компетенции могут быть отнесены следующие полномочия:

- 1) анализ возникающих угроз;
- 2) принятие своевременных мер по их нейтрализации и противодействию;
- 3) формирование основ государственной политики и системы нормативно-правового регулирования проведения мероприятий по информационному противоборству;
- 4) деятельность указанного государственного органа должна быть в итоге направлена на сбережение народов России, укрепление их психического здоровья, критического мышления и развития качественного фундаментального образования в условиях постоянного деструктивного воздействия на социум, организованного на основании нормативных актов и закрепленных в них полномочий органов противника. Целесообразным видится принятие Боевого устава или Руководства по применению подразделений информационного противоборства.

Пятое. К открытому применению силы зачастую под видом миротворческой деятельности и кризисного урегулирования переходят только на каком-то этапе, в основном для достижения окончательного успеха в конфликте. Одной из форм применения воинских формирований за границей является миротворческая операция. В ее содержание кроме традиционных способов действий войск могут входить и специфические: специальные, гуманитарные, спасательные, эвакуационные, санитарно-кордонные и другие. В настоящее время их классификация, сущность и содержание четко не определены. Кроме того, сложные и многоплановые задачи миротворчества,

которые, возможно, придется решать регулярным войскам, подразумевают создание принципиально иной системы их подготовки. Ведь задача миротворческих сил состоит в том, чтобы развести конфликтующие стороны, защитить, спасти мирное население, содействовать снижению потенциала враждебности и наладить мирную жизнь. Все это требует фундаментальной научной проработки¹.

Государства-члены НАТО активно используют миротворческие силы и некоммерческое неправительственные организации как прикрытие для военных операций, разведывательной и диверсионной деятельности. Деятельность миротворческих сил (МС) Российской Федерации, напротив, всегда была направлена на реализацию норм МГП. Более того, опыт МС Вооруженных Сил Российской Федерации в Таджикистане, Абхазии, Южной Осетии, Нагорном Карабахе, Сирии показывает, что в условиях современных вооруженных конфликтов деятельность МС может носить комплексный характер, в том числе направлена на обеспечение безопасности государственной границы и внешних границ государств-членов интеграционных объединений с ее участием в условиях современных вооруженных конфликтов (на примере государств-членов ОДКБ). Миротворческие силы (МС) являются частью сил коллективной безопасности в рамках интеграционного объединения. Особенности общественных отношений, складывающихся на различных стадиях вооруженных конфликтов, определяют специфику деятельности миротворческого контингента на территории различных государств, в том числе выделение такой функции МС, как прикрытие государственной границы, ее оборона и защита.

В части постконфликтного урегулирования и гуманитарного содействия опыт МС Вооруженных Сил России в Сирии и первого этапа СВО показал, что необходимы новые его формы, например, гуманитарный бартер на

¹ Турко Н.И. Указ. соч.

освобожденных территориях (в демилитаризованных зонах безопасности). Он позволяет подразделениям Вооруженных Сил не только выполнять нормы МПП, но и поддерживать законность и правопорядок на освобожденных территориях, заниматься превенцией угроз военной безопасности, исходящих с указанных территорий.

Шестое. Акцент используемых методов противоборства смещается в сторону широкого применения политических, экономических, информационных, гуманитарных и других невоенных мер. Возросла роль невоенных способов в достижении политических и стратегических целей, которые в ряде случаев по своей эффективности значительно превосходили силу оружия. Противник рассматривает огромную протяжённость Государственной границы Российской Федерации и недостаточную организацию ее обороны, защиты, охраны как уязвимость нашей страны. Поэтому на разных участках границы он скоординированно применяет комплексные действия: от вооруженного нападения, оккупации и деятельности ДРГ, до таможенной и пограничной блокады. Следовательно, актуальным являются методика Скоординированного управления границей, подразумевающая взаимодействие пограничных и таможенных органов в мирное на участках границы, которые не прилегают к зоне боевых действий, но на через которые противник пытается осуществить контрабанду оружия, взрывчатых веществ, элементов оружия массового поражения, организованную преступную деятельность, направленную на подрыв безопасности России. Кроме того, методика Скоординированного управления границей (СУГ) позволяет повысить эффективное взаимодействие с пограничными и таможенными органами Союзного государства, ЕАЭС и СНГ в целях обеспечения бесперебойного импорта комплектующих для оборонно-промышленного комплекса. В условиях эскалации военных угроз СУГ позволяет повысить эффективность

информационного взаимодействия контролирующих органов (прежде всего, пограничных и таможенных) для ускорения пересечения государственных границ личным составом войск, воинских формирований, бесперебойного перемещения воинских грузов и импортных поставок комплектующих для военно-промышленного комплекса в угрожаемый период и в условиях вооруженного конфликта.

Седьмое. Разработка и внедрение США новых военных и невоенных методов противодействия России на территории граничащих с ней государств. Так, с 2013 г. США разрабатывали «Оперативную концепцию сопротивления» (ROC, Resistance Operating Concept)¹, опубликованную в 2020 г. и ставшей новой парадигмой деятельности сил специальных операций в условиях глобального противостояния государств. «Сопротивление» (Resistance), по мнению оборонного ведомства США, представляет собой организованные усилия всего общества, охватывающие весь спектр действий от ненасильственных до насильственных, под руководством законно созданного правительства (потенциально изгнанного, перемещенного или теневого) по восстановлению независимости и автономии на своей суверенной территории, которая была полностью или частично оккупирована иностранной державой².

«Оперативная концепция сопротивления» формирует основы тотальной обороны — подхода, основанного на общегосударственных и общественных принципах, который включает оперативную совместимость между национальными войсками, союзниками партнерами, включая гражданское население.

По мнению США и при поддержке США, «реальность угрозы со стороны Рос-

¹ Resistance Operating Concept (ROC). The JSOU Press MacDill Air Force Base, Florida, 2020.

² Support to Resistance: Strategic Purpose and Effectiveness. Joint Special Operations University. JSOU Report 19-2 The JSOU Press MacDill Air Force Base, Florida 2019.

сии заставляет многие страны Северной и Восточной Европы, а также Кавказа разрабатывать стратегии тотальной обороны, включающие подготовку движений сопротивления». То же самое происходит и в Азии, где США рассматривают наращивание потенциала сопротивления как ключевой компонент противодействия растущему влиянию Китая. Так, странам, которые поддерживают Тайвань, США рекомендуют создать правовые и организационные основы сопротивления и обеспечить их контроль со стороны вооруженных сил»¹.

К государствам, принимающим активное участие в разработке и внедрении Концепции, относятся помимо США Великобритания, Германия, Нидерланды, Швеция, Дания, а также граничащие с Россией Эстония, Латвия, Литва, Польша, Финляндия, Норвегия. С 2017 г. ежегодно проводятся учения с участием подразделений сил специальных операций, войск национальной гвардии, территориальной обороны, добровольческие формирования, должностных лиц МВД, МИД.

Создана сеть добровольческих формирований Северной и Восточной Европы, которые выступают институциональной основой движения сопротивления в приграничных с Россией государствах: Союз обороны Эстонии («Кайтселийт»), Добровольческие силы национальной обороны Литвы, Силы территориальной обороны Латвии («Земессардзе»), Войска территориальной обороны Польши, Силы национального сопротивления и территориальной обороны Украины.

На Украине США обрабатывали основные элементы указанной оперативной концепции с 2018 г. в рамках внутреннего вооруженного конфликта на Донбассе. С 2018 г. США регулярно проводят семинары об интеграции сил специальных операций в систему комплексной обороны Украины, взаимодействия ССО с другими видами и родами войск (сил), совместимость ССО Украины с подразделениями стран НАТО.

Организационно-правовыми основами сопротивления на Украине под руководством США стал закон «Об основах национального сопротивления» (вступивший в силу с 1 января 2022 г.), согласно которому ведущая роль в организации и выполнении задач территориальной обороны Украины принадлежит силам территориальной обороны ВСУ. Составляющими национального сопротивления Украины являются: территориальная оборона, движение сопротивления и подготовка населения. Для отражения вооруженной агрессии вводится принцип всеобъемлющей обороны. Обеспечивается усиления охраны участков государственной границы, подготовки граждан Украины к национальному сопротивлению, обеспечение условий для стратегического развертывания войск (сил) и их перегруппировки, участие в охране важных государственных, военных объектов и объектов инфраструктуры, участие в борьбе с ДРГ и незаконными вооруженными формированиями на подконтрольной территории².

Характер вооруженного вторжения ВСУ на территорию Курской области, вооруженного нападения на Белгородскую область в августе 2024 г., захват 30 населенных пунктов, попытки организовать линию обороны и создать военную комендатуру на оккупированных российских территориях свидетельствуют о том, что ВСУ под руководством США начали использовать Оперативную концепцию сопротивления.

Об этом же свидетельствуют распространяемые среди должностных лиц исполнительной власти областей и органов местного самоуправления на территории Украины и на освобожденных территориях методических рекомендаций об организации подпольной деятельности против Вооруженных Сил Российской Федерации, а также разработка и применение мобильного приложения «Дія» для сбора и передачи сведений о

¹ Will Irwin. Decision-Making Considerations in Support to Resistance. Joint Special Operations University. JSOU Report 20-1. MacDill Air Force Base, Florida 2020.

² На Украине идет подготовка движения сопротивления при участии ССО Украины и стран НАТО// Телеграмм-канал «Поисковик ЗВИ» @poisk_mil (дата обращения: 14.08.2024 г.).

местах дислокации российских воинских частей и подразделений¹.

Цель вооруженного вторжения ВСУ на территорию приграничных субъектов Российской Федерации — создать плацдарм для регулярных террористических нападений на территорию России, превратить указанные территории в «серую зону», зону отчуждения, на которой будет искусственно мультиплицироваться состояние правовой неопределенности, выплескиваемое на субъекты Российской Федерации, которые до вооруженного вторжения были тыловыми.

Такая правовая неопределенность выражается в трех параметрах: по кругу лиц, в пространстве и во времени:

а) в части субъектного состава (по кругу лиц) — наряду с регулярными вооруженными силами использование незаконных вооруженных формирований, в том числе иностранных наемников, для терактов и диверсий на территории Российской Федерации, ранее бывшей тыловой и ставшей прифронтовой;

б) в части территории (в пространстве) — распространение юрисдикции противника, превращение оккупированной территории в необитаемую, непригодную для жизни, «зону отчуждения». Таким образом, постепенно прилегающие к оккупированным субъекты также становятся ввиду постоянных военных угроз зоной вынужденного переселения и целью для дальнейшей оккупации противником. Итогом такой эскалации, по мнению враждебных государств коллективного Запада, должно стать стратегическое поражение России, демонтаж ее суверенитета и распад на множество «самостоятельных» (управляемых США и их союзниками) государств;

в) в части периода оккупации (во времени) — начало ознаменовано закреплением на оккупированных территориях, окончание — это

образование «независимой территории», образование «самопровозглашенного государства» (по типу «Республики Косово»).

Таким образом, можно говорить о теоретической и практической значимости выделения особой роли государственной границы и приграничных территорий в системе военной безопасности государства и (или) военно-политического союза государств, определяющей направления строительства и развития Вооруженных Сил на долгосрочную перспективу. Игнорирование этой роли ведет к обострению военных угроз суверенитету, территориальной целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации, существованию ее как независимого государства.

Библиография

1. Бараненков, В.В. О некоторых актуальных проблемах правового обеспечения обороны страны и безопасности государства в новых условиях / В.В. Бараненков // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 1. — С. 7—17.
2. Боброва, О.Г. Оборона Государственной границы Российской Федерации в системе военной безопасности: международно-правовой аспект / О.Г. Боброва // Военное право. — 2024. — № 4(86). — С. 9—21.
3. Военное право : монография : в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. — Т. I : История и теория военного права (с предисловием). — Москва: Центр правовых коммуникаций, 2021. — 342 с.

¹ Американский цифровой ошейник для Незалежной.

<https://zvezdaweekly.ru/news/2023771051-Zhe1v.html>
(дата обращения: 20.08.2024 г.).

Military-legal aspects of ensuring the security of the State Border of the Russian Federation in the context of a special military operation and modern armed conflicts

© **Bobrova O.G.**,

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the 20th Department (Military Law) of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Prince Alexander Nevsky Military University"

Annotation. The article presents doctrinal and practical approaches to improving the legal provision of military security of the State border and border subjects of the Russian Federation in the context of a special military operation and modern armed conflicts. Proposals are formulated on improving the legal status of the state border in military legislation; on the introduction of new legal regimes of the border territory and military security; on the legal regulation of information warfare in the border territory; on improving the effectiveness of interdepartmental legal regulation of interaction between the Armed Forces, border authorities and National Guard troops.

Keywords: Armed Forces; border authorities; State border of the Russian Federation; military security; special military operation; defense.

Теория и история военного права

История и развитие правового регулирования отношений, связанных с привлечением граждан, имеющих судимость, к участию в боевых действиях

© Гребенской Дмитрий Сергеевич,
адъюнкт Военного университета имени князя
Александра Невского

Аннотация. В статье с использованием историко-правового анализа рассматриваются вопросы участия граждан, совершивших преступления, отбывающих наказание в местах лишения свободы, в вооруженной защите Отечества на опыте Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. и в настоящее время. Уделено внимание развитию законодательной базы по привлечению лиц, осужденных за совершение преступлений и отбывающих наказание в местах лишения свободы, к участию в специальной военной операции.

Ключевые слова: национальная безопасность, специальная военная операция, СВО, специальный контингент, осужденные, преступления небольшой и средней тяжести, отсрочка от отбывания наказания, освобождение от исполнения наказания.

События, которые произошли за последние несколько лет в стране и мире, показали, что уголовно-исполнительная система должна быть достаточно гибкой, готовой к быстрым изменениям, которые происходят в настоящее время в условиях проведения нашей страной специальной военной операции.

Специальная военная операция, которую проводит Российская Федерация, вскрыла многие проблемы современного российского общества, что привело к необходимости внесения корректировок в законодательные и иные правовые акты, пересмотра некоторых сложившихся правовых институтов.

Остановимся на вопросе привлечении лиц, осужденных за совершение преступлений и отбывающих наказание в местах лишения свободы, к участию в СВО.

Одной из главных проблем для Российской Федерации в настоящее время является обеспечение национальной безопасности, а также защита от посягательств других стран на государственные интересы России. Что же понимается под «национальной безопасностью»? Согласно Стратегии национальной безопасности

Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, под национальной безопасностью понимается состояние защищенности национальных интересов России от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и территориальной целостности, социально-экономическое развитие страны.

В связи с проведением специальной военной операции Российской Федерацией было принято решение о привлечении различных категорий населения страны для участия в ней — от военнообязанных до лиц, нарушивших законы России. Это решение вызвало повышенный интерес к обсуждению и изучению законодательных перспектив привлечения к участию в специальной военной операции лиц, имеющих судимость.

Сама идея о привлечении осужденных граждан к защите интересов государства путем участия в военных действиях не нова, ведь в 1941 г. осужден-

ные принимали участие в боевых действиях¹. В начале Великой Отечественной войны возникло множество проблем, по которым необходимо было принять решение в кратчайшие сроки, и уголовно-исполнительная система активно участвовала в этом процессе². Большое количество осужденных, которые отбывали наказание за малозначительные преступления, передали на фронт, и они сражались в рядах Красной Армии. Война позволила лицам, которые были осуждены за прогулы, бытовые и должностные преступления, исправиться, помогая своему государству в борьбе с фашистской Германией³. Одной из основных задач в это время было строительство стратегически важных заводов, чем и занималась некоторая часть осужденных граждан, однако нельзя не обратить внимание на то, что большое число лиц, совершивших небольшие преступления, воевало, миллионы заключенных защищали наше государство⁴.

Рассмотрим с помощью оценочного исторического анализа периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. вопрос по привлечению граждан, отбывающих наказание в местах лишения свободы, к вооруженной защите государства.

В годы Великой Отечественной войны Советским Союзом было принято решение об отправке на фронт лиц, отбывавших наказание в исправительных учреждениях. Уже 12 июля 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «Об освобождении от наказания осужденных по некоторым категориям

преступлений». Подобный же указ, расширивший действие первого в отношении категорий лиц, к которым он мог быть применен, был издан 24 ноября 1941 г. Согласно этим документам «из мест лишения свободы были досрочно освобождены бывшие военнослужащие, осужденные в годы массовых репрессий, военачальники и другие категории командного состава. Также подлежали освобождению и лица, осужденные за прогулы, мелкие хищения, незначительные должностные и бытовые преступления, мелкое хулиганство, а также судимые впервые»⁵.

В первые месяцы Великой Отечественной войны около 480 тыс. осужденных были отправлены на фронт для службы в действующей армии. Кроме того, еще примерно 200 тыс. осужденных были освобождены из заключения для участия в оборонительных работах.

В период с 1942 по 1943 г. Государственный комитет обороны принял специальные решения о досрочном освобождении около 157 000 человек, осужденных за незначительные преступления, с последующим призывом их в ряды Красной Армии⁶.

Также, согласно утвержденному ГУЛАГом в то время порядку, все освобожденные заключенные, отбывшие сроки наказания и годные к военной службе, были переданы в армию.

За три года Великой Отечественной войны в Красную Армию было отправлено около 975 000 новобранцев, имеющих судимости.

В начале 1942 г. Секретариатом Президиума Верховного Совета СССР был разработан порядок снятия судимости с осужденных — Инструкция о порядке снятия судимости с военнослужащих, отличившихся в боях с немецко-

¹ Оганесян С.М. Пенитенциарная система государства (историко-теоретический и правовой анализ) : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005.

² Кузьмин С.И. Политико-правовые основы становления и развития системы исправительно-трудовых учреждений Советского государства (1917—1985 гг.) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992.

³ Смыкалин А. С. Пенитенциарная система советской России 1917 — начала 1960-х гг. (Историко-юридическое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005.

⁴ Лелюх В.Ф. Уголовно-исполнительная система: социальные проблемы реформирования : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Кемерово, 2006.

⁵ Кузьмин С.И., Дорофеев Н.К. Исправительно-трудовые учреждения в годы Великой Отечественной войны // Закон и армия. 2005. № 6. С. 24—26.

⁶ Кузьмин С.И. Исправительно-трудовые учреждения в годы Великой Отечественной войны в 1941—1945 гг. М.: Изд. Академии МВД СССР, 1991.

фашистскими захватчиками. Она снималась по ходатайству командиров частей (кораблей) решением военных советов фронтов, флотов и отдельных армий от имени Президиума Верховного Совета СССР с последующим его утверждением¹.

Заключенные были отправлены на комплектование штрафных батальонов, которые направляли на самые трудные и опасные участки фронта. Практика использования штрафных батальонов для укрепления дисциплины в армии известна с принятием приказа И.В. Сталина от 28 июля 1942 г. № 227, который предписывал меры по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещал самовольный отход с позиций. Основной целью этих подразделений, которые были сформированы из совершивших правонарушения офицеров и солдат, было предоставление правонарушителям возможности доказать исправление и преданность Родине. Штрафные батальоны были сформированы из тех, кто симулировал болезнь, занимался членовредительством, мародерством или мелкими хищениями. Этот приказ получил название "Ни шагу назад!" и был связан с критической ситуацией на фронте и отступлением Красной Армии во время Великой Отечественной войны, что привело к потере важных позиций на фронтах.

В сентябре 1942 г. Наркомат обороны СССР принял Положение о штрафных батальонах и Положение о штрафных ротах армии, а затем был выпущен приказ № 298 «О введении Положений о штрафных батальонах и ротах, а также штатов штрафного батальона, роты и заградительного отряда действующей армии». Согласно этому Положению, осужденные воины за проявленное в бою мужество могли быть раньше освобождены от дальнейшего отбывания наказания в штрафном батальоне по представ-

лению командования штрафного батальона, утвержденному военным советом фронта, или по окончании назначенного срока наказания.

Таким образом, участие заключенных в боевых действиях во время Великой Отечественной войны было нормативно регулировано. Однако следует отметить, что это регулирование проводилось вне уголовного законодательства, поскольку в УК РСФСР 1926 г. не было внесено никаких изменений во время войны (последнее изменение до войны было датировано ноябрем 1940 г., а первое послевоенное — июнем 1947 г.), хотя правовые акты Президиумом Верховного Совета СССР по уголовному законодательству издавались не раз.

С момента начала специальной военной операции, объявленной Президентом России В.В. Путиным 24 февраля 2022 г., прошло уже более двух с половиной лет. В летний период 2022 г. во время активных боевых действий возникла необходимость увеличения численности Вооруженных Сил Российской Федерации и пополнения их мобилизованными гражданами и военнослужащими, проходящими службу по контракту для участия в СВО. В то время задачи СВО выполняли Вооруженные Силы Российской Федерации, части и подразделения других войск, воинских формирований и органов, добровольческие батальоны, подразделения народной милиции, народного ополчения, частные военные компании. С начала мая 2022 г. в специальной военной операции участвовала частная военная компания «Вагнер». С лета того же года сотрудники компании начали посещать тюремные объекты, предлагая осужденным возможность служить в их рядах. Заключенным предлагалось заключить контракт на шесть месяцев службы с последующим помилованием в рамках программы «Проект К».

«Проект К» был программой, запущенной в 2022 г. с целью привлечения осужденных, отбывающих наказания в исправительных учреждениях, для участия в специальной военной операции. Основная задача программы заключалась

¹ Лысенков С.Г., Вележев С.И., Молдабаев С.С. Уголовная ответственность военнослужащих в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2003. № 1 (17). С. 26—29.

в увеличении численности штурмовых подразделений компании, чтобы эффективно выполнить поставленные военные задачи в рамках СВО.

Выбранные участники, которые присоединялись к частной военной компании, проходили медицинский осмотр и специализированную интенсивную подготовку к предстоящим боевым операциям в составе штурмовых групп. Те, кто успешно завершил подготовку, направлялись в зону проведения спецоперации для выполнения боевых задач. По имеющимся данным, через названную программу прошли примерно 78 тыс. бойцов, из них примерно 49 тыс. — из мест лишения свободы.

Из этого можно сделать выводы о том, что данная программа имела серьезные последствия для России. Рассматриваемый проект внес определенный раскол в наше общество, поскольку участвующие в нем заключенные, которым судом было назначено законное наказание за совершенные ими преступления в виде изоляции от общества и которые выполнили условия контракта в рядах частной военной компании, вернулись на свободу раньше назначенного срока, определенного приговором суда, и вернулись на свободу обратно в общество, от которого их изолировали.

Помилование представляет собой особое право, предоставленное Президенту Российской Федерации и закрепленное в Конституции Российской Федерации. У каждого заключенного есть возможность обратиться к главе государства за помилованием, и Президент Российской Федерации может это помилование предоставить, принимая решение по каждому прошению.

Акт помилования, так же, как акт об амнистии, не устраняет факт преступления и вины в его совершении, не отменяет и не ставит под сомнение приговор суда. Помилование, как и амнистия, не является формой реабилитации, а применяется к лицам, которые были законно осуждены за совершенные ими преступления.

Помилование применяется к определенному лицу или группе лиц и может быть предоставлено осужденному за любое совершенное преступление.

Таким образом, помилование является ограниченной формой по сравнению с амнистией, которая применяется ко всем лицам, подпадающим под определенные критерии. Таким образом, помилование не может быть применено к лицам, находящимся под подозрением или следствием, следовательно, оно не может служить основанием для освобождения от уголовной ответственности.

Человек, который отбывает наказание, может быть освобожден от его дальнейшего отбывания, а назначенное ему наказание может быть уменьшено или заменено менее строгим. С лица, отбывшего наказание, актом помилования может быть снята судимость¹.

В декабре 2021 г. Президентом Российской Федерации был подписан Указ № 787 «О некоторых вопросах деятельности комиссий по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации». Согласно данному Указу помилование по каждому осужденному рассматривается индивидуально, хотя данный Указ имеет общий характер. Обычно указы о помиловании публикуются, но в случае участия граждан в специальной операции, информация о процессе и участниках операции носит конфиденциальный характер. Согласно общему правилу, указы и постановления Президента Российской Федерации, а также постановления Правительства Российской Федерации должны быть опубликованы официально, за исключением актов, содержащих государственную тайну или конфиденциальную информацию. Перечень информации, относящейся к государственной тайне, утвержден Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203 «Об утверждении Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне». Эти данные могут оказать влия-

¹ Ст. 85 УК РФ.

ние на безопасность страны и рассматриваются в особом порядке.

Из этого можно сделать заключение, что необходимость создания оптимального численного состава военнослужащих для участия в специальной военной операции и результаты выполнения программы «Проект К» послужили основанием для принятия закона о возможности поступления на военную службу по контракту граждан с судимостью. Таким образом, можно предположить, что «Проект К» в рамках специальной военной операции стал своеобразным экспериментом, который показал возможность привлечения осужденных для участия в боевых действиях и привел к принятию нормативно-правового акта, разрешающего использование специального контингента в боевых действиях.

Таким актом стал Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 269-ФЗ. Данным законом в Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» внесены изменения, которые позволяют заключать контракты о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения и в военное время с гражданами, имеющими судимость (за исключением судимости за совершение некоторых видов преступлений), с гражданами, совершившими преступления небольшой или средней тяжести (за исключением некоторых видов преступлений), в отношении которых предварительное расследование приостановлено по ходатайству командования воинской части, а также с гражданами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, судимость которых снята или погашена.

Согласно внесенным поправкам в действующее федеральное законодательство, предусматривается организация воинского учета в отношении граждан, которые отбывают наказание в виде лишения свободы. Порядок и специфика ведения воинского учёта данных граждан установлены в соответствии с Положением о воинском учёте.

Также Федеральным законом устанавливается, что Министерство обороны Российской Федерации определяет особенности заключения контрактов о прохождении военной службы в Вооружённых Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения и в военное время с гражданами, имеющими судимость, совершившими преступления небольшой или средней тяжести, в отношении которых предварительное расследование приостановлено, а также с гражданами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, судимость которых снята или погашена. Федеральный закон также устанавливает основания для увольнения таких лиц с военной службы.

Согласно Федеральному закону, в период мобилизации, в период военного положения и в военное время для граждан мужского пола, заключающих (заключивших) со дня вступления в силу Федерального закона контракт о прохождении военной службы в Вооружённых Силах Российской Федерации, устанавливается следующий предельный возраст пребывания на военной службе: имеющих воинское звание высшего офицера до генерал-полковника, адмирала включительно, — 70 лет; имеющих иное воинское звание, — 65 лет.

Кроме того, в Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» внесены изменения, уточняющие виды преступлений, за совершение которых граждане с неснятой или непогашенной судимостью не могут быть призваны на военную службу по мобилизации.

Данным Федеральным законом также были внесены изменения в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, который регулирует процедуру освобождения от отбывания наказания лиц, призванных на военную службу по мобилизации или в военное время в Вооружённые Силы Российской Федерации, а также тех, кто заключил контракт о военной службе в период мобилизации, военного положения или военного времени.

Согласно Федеральному закону от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» предусмотрено освобождение от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а также в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время.

Согласно ст. 78.1 УК РФ лицо, совершившее преступление, за исключением тех, кто совершил преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, против общественной безопасности, основ конституционного строя и безопасности государства, а также виновен в контрабанде и акте международного терроризма в указанные периоды или время, предварительное расследование в отношении которого приостановлено, освобождается от уголовной ответственности:

— со дня награждения государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы;

— со дня увольнения с военной службы по достижению предельного возраста пребывания на военной службе; по состоянию здоровья — связи с признанием не годным к военной службе (за исключением проходящего военную службу по контракту и изъявившего желание ее продолжить); в связи с окончанием периода мобилизации, отменой военного положения и (или) истечением военного времени — для граждан, указанных в п. 5.1 ст. 34 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» (в том числе имеющими судимость, отбывшими наказание в виде лишения свободы, судимость которых снята или погашена), заключивших контракт.

Статьей 80.2 УК РФ определены основания, согласно которым лицо, отбывающее наказание за совершение преступления, призванное на военную служ-

бу в период мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации либо заключившее в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы освобождается от наказания условно. Контроль за поведением такого лица осуществляется командованием воинской части (учреждения).

Кроме этого, УПК РФ дополнен статьей 28.2, в которой закреплен порядок прекращения уголовного преследования в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время.

В соответствии с п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ предварительное следствие приостанавливается на основании ходатайства командования воинской части (учреждения) в случае призыва подозреваемого или обвиняемого на военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации либо заключение ими в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а также прохождения ими военной службы в указанные периоды или время.

Определен порядок взаимодействия командования воинских частей (учреждений) и следственных органов (органов дознания) по вопросам прекращения уголовного преследования и приостановления предварительного расследования.

Вопросы, связанные с возмещением вреда, причиненного противоправными действиями лицами, освобождаемыми от уголовной ответственности и наказания, разрешаются в порядке гражданского судопроизводства.

Данный закон регулирует правоотношения, связанные с тем, что граждане, которые отбывают наказание в виде обязательных, исправительных или принудительных работ, а также лица,

которые отбывают наказание в виде ограничения свободы, по факту получают отсрочку от исполнения наказания или освобождения от наказания путем призыва на военную службу по мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации.

Правовое регулирование отношений с участием граждан, имеющих судимость, привлекаемых к участию в боевых действиях в период проведения СВО в настоящее время остается достаточно острой проблемой. Законодательство, действующее в отношении граждан, имеющих судимость, постоянно совершенствуется и уточняется. Таким образом, в обществе в настоящее время назрела необходимость рассмотрения перспектив оптимизации правового регулирования участия отдельных категории лиц в вооруженной защите интересов Российской Федерации.

Библиография

1. Кузьмин, С.И. Исправительно-трудовые учреждения в годы Великой Отечественной вой-

ны / С.И. Кузьмин, Н.К. Дорофеев // Закон и армия. — 2005. — № 6. — С. 24—26.

2. Кузьмин, С.И. Исправительно-трудовые учреждения в годы Великой Отечественной войны в 1941—1945 гг. / С.И. Кузьмин. — Москва: Изд. Академии МВД СССР, 1991. — 130 с.

3. Кузьмин, С.И. Политико-правовые основы становления и развития системы исправительно-трудовых учреждений Советского государства (1917—1985 гг.) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / С.И. Кузьмин. — М., 1992.

4. Лелюх, В.Ф. Уголовно-исполнительная система: социальные проблемы реформирования : автореф. дис. ... д-ра социол. наук / В.Ф. Лелюх. — Кемерово, 2006.

5. Лысенков, С.Г. Уголовная ответственность военнослужащих в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. / С.Г. Лысенков, С.И. Вележев, С.С. Молдабаев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2003. — № 1 (17). — С. 26—29.

6. Оганесян, С.М. Пенитенциарная система государства (историкотеоретический и правовой анализ) : дис. ... д-ра юрид. наук / С.М. Оганесян. — Санкт-Петербург., 2005.

7. Смыкалин, А.С. Пенитенциарная система советской России 1917 — начала 1960-х гг. (Историко-юридическое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук / А.С. Смыкалин. — Екатеринбург, 2005.

The history and development of legal regulation of relations related to the involvement of citizens with criminal records to participate in hostilities

© Grebenskoi D.S.,

Associate Professor at the Prince Alexander Nevsky Military University

Annotation. Using historical and legal analysis, the article examines the issues of participation of citizens who have committed crimes and are serving sentences in places of deprivation of liberty in the armed defense of the Fatherland based on the experience of the Great Patriotic War of 1941-1945 and at the present time. Attention is paid to the development of the legislative framework for attracting persons convicted of crimes and serving sentences in places of deprivation of liberty to participate in a special military operation.

Keywords: national security, special military operation, OWN, special contingent, convicts, crimes of small and medium gravity, postponement from punishment, release from punishment.

Структура норм военного права Республики Армения

© Кахкцян Арсен Сейранович,
Генеральный Штаб Вооруженных Сил
Республики Армения

Аннотация. Статья посвящена теоретико-правовому исследованию структуры норм военного права Республики Армения. Автор обосновывает относительную самостоятельность отрасли военного права; формирует понятие военно-правовой нормы, под которой понимает общеобязательное правило поведения, установленное, признанное и гарантированное государством, обеспеченное возможностью государственного принуждения, регулирующие военно-правовые отношения.

Ключевые слова: военное право, военно-правовые нормы, гипотеза, диспозиция, санкция.

Одно из важнейших требований, предъявляемых к любой правовой системе, состоит в том, что право должно быть внутренне согласованно, то есть в нем должны исключаться внутренние противоречия. По верному наблюдению С.С. Алексеева, «юридическая согласованность правовой системы каждого государства имеет две стороны: а) внешнюю — непротиворечивость, систематизированность, недопустимость наличия в праве положений, которые не были согласованы; б) внутреннюю — единство, целостность правовой системы государства, подчинение ее единым началам, сквозным юридическим принципам»¹. Следовательно, именно компонент системности определяет главным образом такую согласованность определенной отрасли права.

Кроме того, существует совокупность признаков, которые позволяют выделить подразделения соответствующей структуры и их виды. В юридической литературе об этом указывается, что «применительно к праву можно указать на два таких признака. Во-первых, данное явление (норма, институт, отрасль) должно отличаться цельностью, т.е. выступать на определенном уровне структуры в качестве «нерасчленяемого целого». Это значит, что все части данного явления связаны такой степенью внутренней организации, общности, которая делает их нерасторжимыми, образующими свою прочную системную структуру. Во-вторых, данное явление

должно обладать способностью взаимодействия с другими явлениями на соответствующем уровне, такого взаимодействия, в результате которого оно вместе с иными явлениями образует структуру следующего, более высокого уровня»².

Общепринято, что первым элементом структуры любого права выступает правовая норма. Не исключением является и военное право.

Военно-правовая норма представляет собой общеобязательное правило поведения, установленное, признанное и гарантированное государством, обеспеченная возможностью государственного принуждения, регулирующие воинские правоотношения. Юридическая структура военно-правовой нормы не проста. Военно-правовая норма может включать в себя три основных структурных элемента: *гипотеза, диспозиция и санкция*.

Гипотеза представляет собой условия (конкретные обстоятельства), наличие которых открывает возможность реализовать соответствующее правило поведения. В качестве примера можно привести условие о порядке присвоения очередного воинского звания. Так, в ч. 1 ст. 15 Закона Республики Армения «О военной службе и статусе военнослужащего» указывается, что очередное воинское звание присваивается в последовательном порядке, если группе занимаемой военнослужащим воинской должности соответствует воинское звание, равное или более высокое, чем присваиваемое воинское звание.

¹ Алексеев С.С. Собрание сочинений : в 10 т. Том 2: Специальные вопросы правоведа. М.: Статут, 2010. С. 14.

² Там же. С. 22.

Что касается норм уголовного закона, то гипотеза уголовно-правовой нормы — это перечень условий наступления уголовной ответственности за совершение преступления. Соответственно, уголовно-правовая норма имеет двухэлементную структуру, исключающую так называемую гипотезу. Как в свое время отметил российский профессор А.В. Наумов, гипотезой уголовно-правовой нормы «является в первую очередь положение об основании уголовной ответственности»¹. Представляется, что подобная ситуация имеет место и в уголовном законодательстве Республики Армения, регламентирующем ответственность за воинские преступления.

Диспозиция отображает само правило поведения, которое адресует субъекту, как следует поступать в той или иной ситуации.

Общепринято, что в зависимости от формы выражения выделяются *управомочивающие, обязывающие и запрещающие диспозиции*. В ряде случаев они все имеют регулятивную правовую сущность.

В качестве примера управомочивающей нормы стоит привести ч. 4 ст. 55 Закона Республики Армения «О военной службе и статусе военнослужащего», в силу которой военнослужащим по контракту, безупречно прослужившим на военной службе 20 и более лет, а также имеющим особые заслуги перед Республикой Армения, вне зависимости от общего срока службы, приказом имеющего правомочие на увольнение начальника может быть представлено право на ношение военной формы одежды после увольнения. Соответственно, усматривается диспозитивный характер нормы, которая предоставляет определенный круг прав, выбор которых напрямую зависит от волеизъявления начальника.

Обязывающие нормы наиболее ярко прослеживаются в процессе формулирования норм о воинской обязанности. Так, согласно ст. 22 Закона Республики Армения «Об обороне» граждане по достижении возраста, предусмотренного ч. 3 ст. 21

указанного закона, обязаны являться в свой военный комиссариат по месту проживания для постановки на воинский учет. Наряду с этим, в ч. 2 ст. 20 Закона Республики Армения «О военной службе и статусе военнослужащего» подчеркивается, что после объявления призыва на обязательную военную службу граждане, имеющие обязанность прохождения обязательной военной службы и подлежащие призыву, обязаны явиться в военный комиссариат по месту их учета в срок, указанный в повестке, а при невозможности — в наиболее близком расположенный военный комиссариат.

Запрещающие военно-правовые нормы также встречаются довольно часто в военном законодательстве. К примеру, в соответствии с ч. 8 ст. 15 Закона Республики Армения «Об обороне» в политических вопросах Вооруженные Силы обладают нейтральностью, запрещается создание в Вооруженных Силах и других войсках партий, объединений, религиозных организаций и профессиональных союзов, а также запрещена партийная или религиозная агитация на территории воинских частей, военных организаций, военно-учебных заведений. Кроме того, в нормепринципе, закрепленной в п. 6 ч. 1 ст. 4 Закона Республики Армения «О военной службе и статусе военнослужащего», устанавливается запрет на дискриминацию военнослужащих по национальному и расовому признакам.

Санкция обозначает обеспечивающий механизм нормы права. Иными словами, в ней отображаются неблагоприятные последствия, которые могут возникнуть у правонарушителя такого правила поведения. Наиболее ярко санкции в отношении военнослужащих усматриваются в Уголовном кодексе Республики Армения от 5 мая 2021 г. (УК РА), а именно в разделе 15 «Преступления против установленного порядка военной службы».

В теории права принято выделять *абсолютно-определенные санкции*, которые устанавливают точный вид и точный раз-

¹ Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М., 1996. С. 97.

мер наказания¹. Таковых в УК РА нет. Иная позиция складывается вокруг *относительно-определенных санкций*, где указывается либо минимальный размер наказания, либо максимальный, или указываются и минимальный, и максимальный размер наказания.

К примеру, доведение военнослужащего по неосторожности до самоубийства или попытки самоубийства другим военнослужащим в воинской части или в другом месте несения военной службы путем угрозы военнослужащему, жестокого отношения к нему, или унижения его чести и достоинства наказывается лишением свободы на срок от четырех до восьми лет (ч. 1 ст. 522 УК РА).

Предусматривается также и большое количество *альтернативных санкций*, которые указывают на два или более вида наказания, которые могут быть назначены за совершение преступления. Так, ч. 1 ст. 525 УК РА предусматривает, что за временное уклонение военнослужащего от военной службы (самовольное оставление воинской части или места службы, а также неявка своевременно в место службы без уважительной причины более 72 часов, но продолжительностью не более 240 часов, а также трижды и более раз продолжительностью от одного часа до 72 часов в течение трех месяцев) предусмотрены санкции в **виде** краткосрочного лишения свободы максимально на срок один месяц, или содержание в дисциплинарном батальоне максимально на срок один год, или лишение свободы максимально на срок один год.

В зависимости от конкретной роли встречаются также и специализированные военно-правовые нормы, а именно: *дефинитивные, декларативные (нормы-принципы), обеспечительные, оперативные и коллизионные*.

Дефинитивные нормы раскрывают содержание той или иной правовой категории. Наиболее ярко они прослеживаются в ст. 3 Закона Республики Армения «Об

обороне», где, в частности, под обороной (п. 1) понимается единство применения политических, военных, экономических, информационных, социальных, правовых мер и мер иного характера и осуществления мероприятий в мирное время и в условиях военного положения в целях обеспечения территориальной целостности, неприкосновенности границ и безопасности, в том числе защиты граждан и защиты от военных угроз Республики Армения.

Что же касается *декларативных (норм-принципов) норм*, то они отражают основные руководящие идеи, которые должны неукоснительно выполняться. Прежде всего, они закреплены в Конституции Республики Армения. Это не означает, что в законах их нет. К примеру, ст. 4 Закона о военной службе и статусе военнослужащего определяет, что принципами организации военной службы являются:

- единоличное и централизованное руководство;
- верховенство Конституции и законов Республики Армения;
- всецелая преданность военнослужащих обороне Республики Армения;
- профессионализм военнослужащих;
- приоритетность прав и свобод военнослужащих;
- уважение чести и достоинства военнослужащих и запрещение дискриминации;
- правовая и социальная защищенность военнослужащих и членов их семей.

Обеспечительные нормы в ряде случаев направлены на защиту прав, свобод и интересов субъектов воинских правоотношений. В основном такие нормы определяют социальные аспекты защиты военнослужащих и членов их семей. Так, согласно Закону Республики Армения «О военной службе и статусе военнослужащего» подразделения государственных уполномоченных органов, регулирующих задачи в сфере социального обеспечения, обязаны обеспечить военнослужащих (приравненных к ним лиц) и членов их семей (по их требованию) документами, необходимыми для пользования правами и гарантиями социального обеспечения (ч. 4 ст. 71). К примеру, в случае если военнослужащие

¹ Кругляков Л.Л. Классификация уголовно-правовых санкций // Советское государство и право. 1983. № 5. С. 63.

по контракту нуждаются в улучшении жилищных условий по месту службы, они обеспечиваются служебными квартирами в порядке, установленном приказом руководителя государственного уполномоченного органа (ч. 1 ст. 65).

Оперативные нормы определяют начало действия иных правовых норм. К примеру, ч. 3 ст. 30 Закона Республики Армения «Об обороне» гласит, что правовые акты, вытекающие из принятия данного закона, подлежат принятию в течение шести месяцев после вступления в силу закона «Об обороне».

Коллизионные нормы указывают на нормы, применимые в определенном случае при столкновении нескольких правовых положений. Прежде всего, здесь стоит обратить внимание на п. 3 ст. 5 Конститу-

ции Республики Армения, согласно которому, в случае противоречия между нормами международных договоров, ратифицированных Республикой Армения, и законов Республики Армения применяются нормы международных договоров. Отсюда следует, что это применимо к международно-военному сотрудничеству.

Библиография

1. Алексеев, С.С. Собрание сочинений : в 10 т. — Том 2: Специальные вопросы правоведения / С.С. Алексеев. — Москва: Статут, 2010.
2. Кругляков, Л.Л. Классификация уголовно-правовых санкций / Л.Л. Кругляков // Советское государство и право. — 1983. — № 5. — С. 59—64.
3. Наумов, А.В. Российское уголовное право. Общая часть : Курс лекций / А.В. Наумов. — Москва, 1996.

The structure of the norms of military law of the Republic of Armenia

© Kaghktsyan A.S.,

General Staff of the Armed Forces of the Republic of Armenia

Annotation. The article is devoted to the theoretical and legal study of the structure of the norms of military law of the Republic of Armenia. The author substantiates the relative independence of the branch of military law; forms the concept of a military legal norm, which means a generally binding rule of conduct established, recognized and guaranteed by the state, provided with the possibility of state coercion, regulating military legal relations.

Keywords: military law, military legal norms, hypothesis, disposition, sanction.

Военно-административное право

К вопросу о месте добровольческих формирований в российской системе правового регулирования благотворительной и добровольческой (волонтерской) деятельности

© **Воробьев Андрей Алексеевич**,
преподаватель 25 кафедры ФГКВОУ ВО
«Военный университет имени князя
Александра Невского» Минобороны России
© **Шнякина Татьяна Сергеевна**,
кандидат юридических наук, доцент, доцент
25 кафедры ФГКВОУ ВО «Военный
университет имени князя Александра
Невского» Минобороны России

Аннотация. На современном этапе развития российского общества наблюдается тенденция к росту социальной активности граждан, организаций, которые учувствуют в добровольческой (волонтерской) и благотворительной деятельности в различных сферах жизни общества. Актуальным остается вопрос правового регулирования этой деятельности в условиях действия различных правовых режимов, особенно в периоды мобилизации, действия военного положения, военного времени, вооруженных конфликтов, проведения контртеррористических операций. В связи с этим авторы акцентируют внимание на необходимости научного осмысления правовых основ добровольного содействия граждан в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации. Приходят к выводу, что следует различать понятия «добровольческая (волонтерская) деятельность» и «пребывание граждан в добровольческом формировании».

Ключевые слова: добровольчество; благотворительность; благотворительная и добровольческая (волонтерская) деятельность; добровольческие формирования; граждане, пребывающие в добровольческих формированиях; добровольцы; волонтеры; мобилизация; военное положение; вооруженный конфликт.

Действующей в современных непротых геополитических условиях Стратегией национальной безопасности Российской Федерации¹ отмечается тот факт, что в настоящее время усиливается сплоченность российского общества, укрепляется гражданское самосознание, растет осознание необходимости защиты традиционных духовно-нравственных ценностей, возрастает социальная активность граждан, их вовлеченность в решение наиболее актуальных задач местного и государственного значения (п. 11).

Соответственно в Российской Федерации наблюдается устойчивый рост числа

граждан и организаций, участвующих в добровольческой деятельности, расширяются масштабы реализуемых программ и проектов с их участием. Данная деятельность охватывает самые разные сферы жизни общества: образование, здравоохранение, культуру, социальную поддержку и социальное облуживание населения, физическую культуру и спорт, охрану окружающей среды, предупреждение и ликвидацию последствий чрезвычайных ситуаций.

Кроме того, в последние годы многократно увеличивается интенсивность волонтерства и добровольческой гражданской деятельности по обеспечению выполнения отдельных задач государства в области обороны страны и все чаще в условиях вооруженного конфликта, а зачастую —

¹ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

непосредственно в районах боевых действий.

Практически во всех российских новостных лентах можно увидеть информацию о том, как простые граждане самостоятельно, порой стихийно, а порой тщательно и целенаправленно, сплачиваются и объединяют частные усилия в целях оказания содействия и помощи в обеспечении решения задач, поставленных Президентом Российской Федерации перед Вооруженными Силами Российской Федерации в обращении о начале специальной военной операции¹ (далее также — СВО).

К примеру, в 2023 г. в Тимирязевском районе города Москвы по инициативе жителей, при поддержке Совета ветеранов, Управы и Местного отделения Всероссийской политической партии «Единая Россия» был создан волонтерский штаб «ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ». За год деятельности были организованы 4 доставки грузов в зону специальной военной операции общим весом более 5 тонн. В настоящее время данный штаб работает как самостоятельное благотворительное движение, оказывая помощь всем обратившимся военнослужащим². Общественным движением «Народный фронт «За Россию» реализуется федеральный проект по сбору средств в поддержку фронта и мирного населения новых регионов России. За 9 месяцев проекта было собрано 5 млрд. 229 млн. 271 тыс. 822 руб., которые перечислили 1,6 млн. человек и организаций. От россиян было принято и направлено в зону специальной операции 1,1 млн. вещей³.

2 декабря 2023 г. Президент России, выступая на церемонии награждения премией «Волонтер года», заявил, что четверть населения страны объединились в организации, которые работают как добровольцы и волонтеры, поблагодарил участников

форума за помощь бойцам СВО и их семьям⁴.

В этой связи особую значимость приобретают поддерживаемые и регулируемые именно государством правоотношения, связанные с добровольческой деятельностью (волонтерскими движениями). Соответственно требуется максимально возможная и оперативная научная проработка на базе уже имеющегося эмпирического опыта правовых основ участия граждан в содействии выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, в такие особые периоды, как мобилизация, военное положение, военное время, вооруженные конфликты, контртеррористические операции. Тем более — в случаях использования Вооруженных Сил за пределами территории Российской Федерации.

Указанные случаи добровольного участия граждан в выполнении отдельных задач в области обороны согласно п. 8.1 ст. 1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» именуется участием граждан в добровольческих формированиях.

Являясь неотъемлемой частью общества, добровольческое (волонтерское) движение активно развивается и становится значимым ресурсом в экономике страны, тем более, как отметил Президент России, расходы на военную экономику нашего государства выросли в разы. 15 мая 2024 г., выступая на встрече с командующими войсками военных округов, глава государства отметил, что совокупные расходы на оборону и безопасность в 2024 г. составят примерно 8,7 % валового внутреннего продукта⁵.

¹ Обращение Президента Российской Федерации от 24 февраля 2022 г. // Рос. газ. 25 фев. 2022. № 41.

² Все для победы // Режим доступа: <https://напобеду.рф/> (дата обращения: 16.06.2024).

³ Надежный тыл и доброе слово. Как волонтеры со всей страны помогают участникам СВО // Режим доступа:

<https://tass.ru/obschestvo/17122401?ysclid=lxezwroqv5633307044> (дата обращения: 16.06.2024).

⁴ Путин: Россия готова сотрудничать для формирования справедливой для всех системы прав человека / Российская газета. 04 дек. 2023 // Режим доступа: <https://rg.ru/turbopages.org/turbo/rg.ru/s/2023/12/04/putin-rossiiu-po-pravu-nazyvaiut-stranoj-dobrovolcev.html> (дата обращения: 16.06.2024).

⁵ Путин призвал рачительно и эффективно распорядиться средствами на оборону // Режим доступа: URL:

<https://tass.ru/turbopages.org/turbo/tass.ru/s/politika/20806205> (дата обращения: 16.06.2024).

Не случайно Федеральным конституционным законом от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», вступившим в силу с 4 июля 2020 г. после одобрения в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г., статье 114 Конституции Российской Федерации заблаговременно придали новый смысл и значение, дополнив ее пунктом «е.2». Согласно новой редакции данной статьи на Правительство Российской Федерации возлагаются полномочия по осуществлению мер по поддержке добровольческой (волонтерской) деятельности, то есть данной поправкой впервые в конституционно-правовой оборот введено понятие «добровольческая (волонтерская) деятельность».

Необходимо отметить, что в Российской Федерации до конституционного закрепления на федеральном уровне и ранее использовался термин «добровольческая (волонтерская) деятельность». В частности, Федеральным законом от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» (далее — Закон № 135-ФЗ) установлены основы правового регулирования благотворительной и добровольческой (волонтерской) деятельности, определены возможные формы ее поддержки органами государственной власти и органами местного самоуправления, особенности создания и деятельности благотворительных организаций в целях широкого распространения и развития благотворительной и добровольческой (волонтерской) деятельности в Российской Федерации.

Однако наименование «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» Закон № 135-ФЗ вместо своего первоначального «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» получил лишь с 1 мая 2018 г. в связи со вступлением в силу Федерального закона от 5 февраля 2018 г. № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты по вопросам добровольчества (волонтерства)».

Данным Федеральным законом также помимо переименования Закона № 135-ФЗ

были внесены существенные изменения и дополнения в само содержание и структуру Закона № 135-ФЗ. Так, в новой редакции Закона № 135-ФЗ впервые появилась сама связка «благотворительная и добровольческая (волонтерская) деятельность» через дополнение текста Закона № 135-ФЗ после слов «благотворительная» словами «и добровольческая (волонтерская)». Ст. 1 и 5 Закона № 135-ФЗ были дополнены определениями понятий «добровольческая (волонтерская) деятельность», «организаторы добровольческой (волонтерской) деятельности», «добровольческая (волонтерская) организация». В ст. 5 Закона № 135-ФЗ появилось право государственных органов и органов местного самоуправления привлекать добровольцев (волонтеров) к осуществлению добровольческой (волонтерской) деятельности. А также в Закон № 135-ФЗ был введен раздел III.1 «Условия и порядок осуществления добровольческой (волонтерской) деятельности».

Вместе с тем необходимо отметить, что понятие «добровольцы» определялось еще первоначальной редакцией Закона № 135-ФЗ как граждане, осуществляющие благотворительную деятельность в форме безвозмездного труда в интересах благополучателя, в том числе в интересах благотворительной организации. В то время, как с 1 мая 2018 г. часть четвертая ст. 5 Закона № 135-ФЗ изложена в следующей редакции: добровольцы (волонтеры) — физические лица, осуществляющие добровольческую (волонтерскую) деятельность в целях, указанных в п. 1 ст. 2 Закона № 135-ФЗ, или в иных общественно полезных целях.

Следует отметить, что по тексту с 1 мая 2018 г. и в действующей редакции Закона № 135-ФЗ по большей части используется словосочетание «благотворительная и добровольческая (волонтерская) деятельность» как общее понятие к двум видам деятельности — благотворительной деятельности, а также добровольческой (волонтерской) деятельности, а добровольческая деятельность стала использоваться в связке с волонтерской (зачастую синонимично).

При этом статьей 1 действующей редакции Закона № 135-ФЗ предлагается понимать под благотворительной деятельно-

стью добровольную деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки. А под добровольческой (волонтерской) деятельностью, согласно той же статье, понимается добровольная деятельность в форме безвозмездного выполнения работ и (или) оказания услуг в целях, указанных в п. 1 ст. 2 Закона № 155-ФЗ для благотворительной и добровольческой (волонтерской) деятельности:

1) социальной поддержки и защиты граждан, включая улучшение материального положения малообеспеченных, социальную реабилитацию безработных, инвалидов и иных лиц, которые в силу своих физических или интеллектуальных особенностей, иных обстоятельств не способны самостоятельно реализовать свои права и законные интересы;

2) подготовки населения к преодолению последствий стихийных бедствий, экологических, промышленных или иных катастроф, к предотвращению несчастных случаев;

3) участия в ликвидации чрезвычайных ситуаций и их последствий, профилактике и тушении пожаров, проведении аварийно-спасательных работ, а также оказания помощи пострадавшим в результате стихийных бедствий, экологических, промышленных или иных катастроф, социальных, национальных, религиозных конфликтов, жертвам репрессий, беженцам и вынужденным переселенцам;

4) содействия укреплению мира, дружбы и согласия между народами, предотвращению социальных, национальных, религиозных конфликтов;

5) содействия укреплению престижа и роли семьи в обществе;

6) содействия защите материнства, детства и отцовства;

7) содействия деятельности в сфере образования, науки, культуры, искусства, просвещения, духовному развитию личности;

8) содействия деятельности в сфере профилактики и охраны здоровья граждан, а также пропаганды здорового образа жизни, улучшения морально-психологического состояния граждан;

9) содействия деятельности в области физической культуры и спорта (за исключением профессионального спорта), участия в организации и (или) проведении физкультурных и спортивных мероприятий в форме безвозмездного выполнения работ и (или) оказания услуг физическими лицами;

10) охраны окружающей среды и защиты животных;

11) охраны и должного содержания зданий, объектов и территорий, имеющих историческое, культовое, культурное или природоохранное значение, и мест захоронения;

12) подготовки населения в области защиты от чрезвычайных ситуаций, пропаганды знаний в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций и обеспечения пожарной безопасности;

13) социальной реабилитации детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, безнадзорных детей, детей, находящихся в трудной жизненной ситуации;

14) оказания бесплатной юридической помощи и правового просвещения населения;

15) содействия добровольческой (волонтерской) деятельности;

16) участия в деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;

17) содействия развитию научно-технического, художественного творчества детей и молодежи;

18) содействия патриотическому, духовно-нравственному воспитанию детей и молодежи;

19) поддержки общественно значимых молодежных инициатив, проектов, детского и молодежного движения, детских и молодежных организаций;

20) содействия деятельности по производству и (или) распространению социальной рекламы;

21) содействия профилактике социально опасных форм поведения граждан;

22) участия граждан в поиске лиц, пропавших без вести;

23) содействия в оказании медицинской помощи в организациях, оказывающих медицинскую помощь;

24) содействия органам внутренних дел (полиции) и иным правоохранительным органам в охране общественного порядка в соответствии с законодательством Российской Федерации;

25) участия в проведении мероприятий по увековечению памяти погибших при защите Отечества;

26) оказания поддержки соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности.

Указанные цели также претерпели изменения. Так в первоначальной редакции Закона № 135-ФЗ их насчитывалось одиннадцать, затем с 7 января 2011 г. (дата вступления в силу Федерального закона от 23 ноября 2010 г. № 383-ФЗ) их увеличили до двадцати одной, с 1 января 2023 г. (дата вступления в силу Федеральных законов от 14 июля 2022 г. № 340-ФЗ и от 7 октября 2022 г. № 394-ФЗ) — двадцать четыре и с 1 января 2024 г. (дата вступления в силу Федерального закона от 27 ноября 2023 г. № 558-ФЗ) — двадцать шесть.

При этом цели благотворительной деятельности — содействие укреплению мира, дружбы и согласия между народами, предотвращению социальных, национальных, религиозных конфликтов, а также оказания помощи пострадавшим в результате социальных, национальных, религиозных конфликтов, жертвам репрессий, беженцам и вынужденным переселенцам — предусматривались с первой редакции Закона № 135-ФЗ. А вот цели содействия добровольческой (волонтерской) деятельности были введены Федеральным законом от 5 февраля 2018 г. № 15-ФЗ.

Необходимо отметить, что вышеуказанный перечень целей благотворительной и добровольческой (волонтерской) дея-

тельности, исходя из совокупного толкования статей 1, 2 и 5 Закона № 135-ФЗ, не является исчерпывающим. В частности, в определении добровольца (волонтера) (ч. 7 ст. 5 Закона № 135-ФЗ) имеется расширительная оговорка: «... в целях, указанных в пункте 1 статьи 2 ... или в иных общественно полезных целях».

Опираясь на цели добровольческой (волонтерской) деятельности, можно выделить в данной сфере основные направления реализации, часть из которых неминуемо связана с участием граждан в выполнении отдельных задач государства в области обороны.

Так, согласно Военной доктрине Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976, форма разрешения межгосударственных или внутригосударственных противоречий с применением военной силы является военным конфликтом, а само понятие вооруженного конфликта охватывает все виды вооруженного противоборства, включая крупномасштабные, региональные, локальные войны и вооруженные конфликты. А с обеспечением выполнения отдельных задач в области обороны, возложенных на Вооруженные Силы в период, условиях вооруженного конфликта или период постконфликтного урегулирования, помимо прочих, напрямую коррелируются такие цели добровольчества (волонтерства), как участие граждан в поиске лиц, пропавших без вести; содействие патриотическому, духовно-нравственному воспитанию детей и молодежи; участие в ликвидации чрезвычайных ситуаций и их последствий, профилактике и тушении пожаров, проведении аварийно-спасательных работ, а также оказание помощи пострадавшим в результате катастроф, социальных, национальных, религиозных конфликтов, жертвам репрессий, беженцам и вынужденным переселенцам; содействие укреплению мира, дружбы и согласия между народами, предотвращению социальных, национальных, религиозных конфликтов.

Право на участие граждан Российской Федерации в выполнении отдельных задач, возложенных на Вооруженные Силы, вве-

дено Федеральным законом от 4 ноября 2022 г. № 419-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» через дополнение ст. 9 Федерального закона «Об обороне» пунктом 3.1: «Граждане Российской Федерации ... могут поступать в добровольческие формирования».

Одновременно ст. 1 Федерального закона «Об обороне» была дополнена пунктом 8.1 следующего содержания: «Для выполнения отдельных задач в области обороны привлекаются добровольческие формирования, содействующие выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, в период мобилизации, в период действия военного положения, в военное время, при возникновении вооруженных конфликтов, при проведении контртеррористических операций, а также при использовании Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации (далее – добровольческие формирования)».

При этом п. 8.1 успел претерпеть изменения, согласно которым с 25 декабря 2023 г. граждане Российской Федерации помимо содействия выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы, получили право участвовать в добровольческих формированиях, создаваемых и для содействия выполнению задач, возложенных на войска национальной гвардии Российской Федерации.

Также Федеральным законом от 4 ноября 2022 г. № 419-ФЗ была введена ст. 22.1 «Добровольческие формирования». Действие положений данной статьи в редакции названного Федерального закона № 419-ФЗ распространяется на правоотношения, возникшие с 24 февраля 2022 г.

Согласно п. 3 ст. 22.1 Федерального закона «Об обороне» в состав добровольческих формирований входят граждане Российской Федерации, добровольно поступившие в добровольческие формирования, а также могут входить военнослужащие, направленные в них Министерством обороны Российской Федерации (военнослужащие и сотрудники, направленные Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации).

Пунктом 10 этой же статьи установлено, что граждане Российской Федерации, пребывающие в добровольческих формированиях, имеют статус (совокупность прав, обязанностей и ответственности), устанавливаемый федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. На таких граждан в случаях и порядке, которые предусмотрены федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, распространяется статус военнослужащих.

Исходя из изложенного, именно Федеральный закон «Об обороне» составляет основу правового регулирования деятельности добровольческих формирований (порядок создания, численность, состав и др.) и правового положения граждан Российской Федерации, поступивших в добровольческое формирование (поступление, пребывание, статус и др.). В ряде случаев может применяться Федеральный закон от 27 мая 1998 г. №76-ФЗ «О статусе военнослужащих».

Согласно же п. 2 ст. 3 Закона № 135-ФЗ нормы, регулирующие благотворительную и добровольческую (волонтерскую) деятельность и содержащиеся в других законодательных актах, не должны противоречить Закону № 135-ФЗ. А пунктом 1 этой же статьи 3 Закона № 135-ФЗ в составе законодательства о благотворительной и добровольческой (волонтерской) деятельности перечислены соответствующие положения Конституции Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации, Закона № 135-ФЗ, иных федеральных законов и законов субъектов Российской Федерации. При этом частями два, три и четыре цитируемого пункта для ряда отношений предусмотрены особенности правового регулирования, установленные Федеральными законами от 30 декабря 2006 г. № 275-ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» (для благотворительной деятельности), от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (для привлечения добровольцев (волонтеров) для осуществления деятельности религиозных

организаций), от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (для участия добровольцев (волонтеров) в работах по сохранению объектов культурного наследия, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, выявленных объектов культурного наследия).

Следовательно, целесообразно было бы дополнить ст. 3 Закона № 135-ФЗ частью пятой следующего содержания: «Особенности поступления и пребывания граждан в добровольческих формированиях, содействующих обеспечению выполнения отдельных задач государства в области обороны страны, определяются Федеральным законом от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ "Об обороне"».

Итак, Законом № 135-ФЗ в действующей редакции благотворительная и добровольческая (волонтерская) деятельность признаются тождественными в доброй воле и целях, перечисленных в ст. 2 Закона № 135-ФЗ, а также могут иметь схожие формы осуществления — безвозмездное выполнение работ и (или) оказание услуг. Одновременно благотворительная деятельность может осуществляться также в формах выполнения работ и (или) оказания услуг на льготных условиях, передачи гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстного оказания иной поддержки. При этом статьей 1 Закона № 135-ФЗ бескорыстие характеризуется как безвозмездность реализуемых форм деятельности или предоставление их на льготных условиях. То есть по характеру и условиям осуществления благотворительная деятельность Законом № 135-ФЗ характеризуется шире, чем добровольческая (волонтерская) деятельность.

В свою очередь, добровольческая (волонтерская) деятельность Законом 195-ФЗ характеризуется шире, чем благотворительная по целям (помимо указанных в ст. 2 Закона № 135-ФЗ допускаются иные общественно полезные цели) и кругу лиц,

осуществляющих соответствующий вид деятельности.

В частности, благотворительная деятельность осуществляется гражданами и юридическими лицами. При этом органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также государственные и муниципальные унитарные предприятия, государственные и муниципальные учреждения не могут выступать учредителями благотворительной организации (ст. 8 Закона № 135-ФЗ). Под участниками благотворительной деятельности для целей Закона №-135 ФЗ понимаются граждане и юридические лица, осуществляющие благотворительную деятельность, в том числе путем поддержки существующей или создания новой благотворительной организации, а также граждане и юридические лица, в интересах которых осуществляется благотворительная деятельность: благотворители, добровольцы (волонтеры), благополучатели (ст. 5 Закона).

Участниками же добровольческой (волонтерской) деятельности являются добровольцы (волонтеры), организаторы добровольческой (волонтерской) деятельности, объединения (ассоциации, союзы) добровольческих (волонтерских) организаций, ресурсные центры добровольчества (волонтерства) и добровольческие (волонтерские) организации (п. 1 ст. 5 Закона № 135-ФЗ).

При этом организаторы добровольческой (волонтерской) деятельности — это юридические и физические лица (*авторское прим.*: то есть даже гражданство не требуется), которые привлекают на постоянной или временной основе добровольцев (волонтеров) к осуществлению добровольческой (волонтерской) деятельности в целях, указанных в п. 1 ст. 2 Закона № 135-ФЗ, и осуществляют руководство их деятельностью. А также пунктом 9 ст. 5 Закона № 135-ФЗ специально установлено, что государственные органы и органы местного самоуправления вправе привлекать добровольцев (волонтеров) к осуществлению добровольческой (волонтерской) деятельности.

Соответственно Закон № 135-ФЗ разделяет участников по форме осуществления их деятельности. Так, к участникам благо-

творительной деятельности отнесены граждане, юридические лица, осуществляющие благотворительную деятельность или в интересах которых осуществляется благотворительная деятельность: благотворители, добровольцы (волонтеры), благополучатели. А к участникам добровольческой (волонтерской) деятельности — добровольцы (волонтеры), организаторы добровольческой (волонтерской) деятельности, объединения (ассоциации, союзы) добровольческих (волонтерских) организаций, ресурсные центры добровольчества (волонтерства) и добровольческие (волонтерские) организации.

Кроме того, понятие доброволец (волонтер), исходя из его определения Законом № 135-ФЗ и целей добровольческой (волонтерской) деятельности, предусмотренных этим же Законом, может являться общим, родовым понятием для категории «гражданин, пребывающий в добровольческом формировании», но не идентичным.

В связи с этим требуется обозначить различия между добровольческой (волонтерской) деятельностью и пребыванием граждан в добровольческом формировании.

Во-первых, согласно ст. 1 Закона № 135-ФЗ добровольческая (волонтерская) деятельность осуществляется в форме безвозмездного выполнения работ и (или) оказания услуг. Однако в ст. 13.2 Федерального закона «О статусе военнослужащих» определено, что денежное содержание граждан, пребывающих в добровольческих формированиях, и его размеры устанавливаются Минобороны России не ниже размеров денежного довольствия военнослужащих, проходящих военную службу по контракту и занимающих соответствующие (аналогичные) воинские должности.

Наряду с денежным содержанием гражданам, пребывающим в добровольческих формированиях, Минобороны России могут устанавливаться другие денежные выплаты. Пунктом 5.1 ст. 2 данного Закона

для граждан, пребывающих в добровольческих формированиях, и членов их семей закреплено право на социальные гарантии и компенсации, предусмотренные федеральными законами.

Во-вторых, в силу ст. 4 Закона № 135-ФЗ граждане и юридические лица вправе беспрепятственно осуществлять добровольческую (волонтерскую) деятельность на основе добровольности и свободы выбора ее целей. При этом эта деятельность может осуществляться как индивидуально, так и коллективно, с образованием или без образования организации.

Федеральным же законом «Об обороне» установлено, что добровольческие формирования могут создаваться Минобороны России или Росгвардией по решению Президента Российской Федерации для выполнения отдельных задач в области обороны. Добровольческая деятельность граждан в этой связи признается законной только тогда, если она осуществляется в созданном установленным порядком добровольческом формировании.

Таким образом, добровольческим формированиям, участвующим в обеспечении выполнения отдельных задач государства в области обороны страны, в российской системе правового регулирования благотворительной и добровольческой (волонтерской) деятельности должно быть отведено особое место. Для современной России в силу её специфики, а также динамичности развития геополитических событий существует настоятельная потребность разработки научно-правовых основ добровольного содействия граждан в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, так как пока что фактическое развитие событий опережает как научно-теоретическое осмысление, так и правовое регулирование участия в обеспечении выполнения отдельных задач государства в области обороны страны добровольцев и волонтеров.

On the issue of the place of volunteer formations in the Russian system of legal regulation of charitable and voluntary activities

© Vorobyev A.A.,

teacher of the 25 Department, Military University, Moscow

© Shnyakina T.S.,

candidate of law, academic title associate professor, associate professor of the 25 Department, Military University, Moscow

Abstract. At the present stage of development of the Russian society there is a tendency to the growth of social activity of citizens, organizations that participate in volunteer and charitable activities in various spheres of society. The question of legal regulation of these activities in the conditions of different legal regimes remains relevant. Especially in the periods of mobilization, martial law, wartime, participation in armed conflicts, counter-terrorist operations. In this regard, the authors emphasize the need for scientific understanding of the legal foundations of voluntary assistance of citizens in the performance of tasks assigned to the Armed Forces of the Russian Federation. They come to the conclusion that it is necessary to distinguish the concepts of "volunteer activity" and "stay of citizens in a volunteer formation".

Keywords: volunteerism; charity; charitable and volunteer activity; volunteer formations; citizens staying in volunteer formations; volunteers; mobilization; martial law of the State; armed conflict; military conflict.

Формально-юридическое исследование значения приграничной территории, её роли в контексте реализации полномочий пограничными органами ФСБ России

© Денисов Денис Ильич,
юрист, г. Петрозаводск

Аннотация. В настоящей работе проведен формально-юридический анализ пространственных пределов полномочий пограничной службы ФСБ России. Выделены области, которые разграничивают полномочия ведомства по территориальному признаку. Основное направление в работе сосредоточено на понимании природы приграничной территории и её пределов. На этом направлении выделены соответствующие проблемы, которые возможно решить сегодня. Вместе с тем, в ходе анализа законодательства выделен вопрос понимания термина «административный район», который не имеет официального толкования, а его уяснение строится на предположениях и подразумеваемых.

Ключевые слова: приграничная территория, пограничная зона, пятикилометровая полоса местности, административный район, муниципальное образование.

Защита и охрана Государственной границы является неотъемлемой частью обеспечения безопасности страны и государства. Такая важная и ответственная задача, поставленная перед государством, требует повышенного внимания к правовому регулированию данной правовой отрасли. Основной массив данной работы возложен на плечи наших доблестных пограничников, которые ежедневно выполняют эту сложную работу по всему периметру нашей Родины. Переведя взор с переднего плана, где пограничники несут службу на границе, увидим, что в обеспечении безопасности нашей страны также принимают участие и другие федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, а также органы местного самоуправления. Участвуют они путем принятия в рамках отведенной компетенции различных решений — политических, организационно-правовых, дипломатических, экономических, оборонных, пограничных, разведывательных, контрразведывательных, оперативно-розыскных, таможенных, природоохранных, санитарно-эпидемиологических, экологических и иных Законом Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе

Российской Федерации» (далее — Закон о Государственной границе) отведено свое почетное место в мероприятиях по защите границы и гражданам. Отмечаем, что защита и охрана границы — это не одно и то же. Есть защита, в которой принимают участие в рамках отведенных полномочий федеральные органы исполнительной власти, органы местного самоуправления, организации и граждане. А есть охрана государственной границы, которая является составной частью защиты. Именно здесь находится компетенция пограничных органов ФСБ России и Вооруженных Сил России в подводной среде и воздушном пространстве. Пограничники, в первую очередь, охраняют границу, а уже потом участвуют в её защите.

Выполнение мероприятий пограничной деятельности можно встретить лишь в тех субъектах нашей страны, административные границы которых сопряжены с территорией иностранного государства. Академик А.Г. Гранберг обозначил «приграничный регион» как территорию, на которую оказывают существенное влияние государственная граница, основными функциями которой являются барьерная,

фильтрующая, контактная¹. Но и в таких субъектах пограничная деятельность реализуется не повсеместно, а в конкретных муниципальных образованиях. Рассмотрим на примере Республики Карелия. Из 16 муниципальных образований только по границам семи территорий проходит Государственная граница с Финляндией (Лохский, Калевальский, Костомукшский городской округ, Муезерский, Суоярвский, Сортавальский и Ланденпохский районы).

Теперь перейдем к пространственной стороне вопроса реализации полномочий пограничниками, которому посвящена данная работа. Пространство — один из основных, базисных факторов, воздействующих на формирование и функционирование политических систем². Какие пространственные пределы местности на суше отведены пограничникам для реализации своих полномочий?

Разобраться в данном вопросе помогут два нормативно-правовых документа: Закон о Государственной границе и приказ ФСБ России от 7 августа 2017 г. № 454 «Об утверждении правил пограничного режима». Весь вопрос привязки полномочий к местности в области охраны границы вращается вокруг четырех основных пространств, которые следует уяснить.

По направлению от линии Государственной границы в тыл страны, это:

1. Стометровая полоса местности, прилегающая к Государственной границе на суше, нахождение в которой запрещено. Исключение составляют земли населенных пунктов, которые прилегают к границе (характерно для установленных границ с бывшими советскими республиками), земельные участки и жилые помещения граждан и организаций, расположенных в данной полосе местности. Ведение хозяйственной и иной деятельности в данной местности возможно только со специального письменного разрешения

пограничного органа. Любопытно, что на местности стометровая полоса от линии границы зачастую никак не обозначается.

2. Пятикилометровая полоса местности. Легальная дефиниция, к сожалению, как в законодательных актах, так и в ведомственных приказах ФСБ России отсутствует. Правовой анализ, проведенный автором статьи, в качестве результата предлагает выделить следующие квалифицирующие признаки этой полосы:

— въезд в данную местность осуществляется строго по документам, удостоверяющим личность и индивидуальным или коллективным пропускам;

— для физических и юридических лиц возможность ведения хозяйственной и иной деятельности предусмотрена только на основании специализированного разрешения, выдаваемого пограничными органами ФСБ России по заявлению лиц;

— ведение хозяйственной и иной деятельности возможно в светлое время суток. Ведение работ в темное время суток возможно по рассмотрению пограничными органами мотивированного заявления от заинтересованных лиц.

3. Пограничная зона — установленная приказами ФСБ России полоса местности вдоль Государственной границы Российской Федерации, предназначенная исключительно для создания благоприятных условий охраны Государственной границы Российской Федерации³. Вероятно, что данный термин носит название зона, а не полоса, ввиду того, что её границы не имеют императивного расстояния от линии границы. Она включает в себя более широкие участки местности и варьируется по-разному от 5 до 35 км от линии Государственной границы в тыл страны. Данная зона имеет некоторые послабления в части ведения хозяйственной деятельности. Для её ведения достаточно лишь письменного уведомления подразделений пограничных органов от граждан и организаций. В отличие от пя-

¹ Гранберг А.Г. Основы региональной экономики / Гос. ун-т Высш. шк. экономики. М., 2000.

² Божко Л.Л. Концептуальные подходы к определению приграничных территорий // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 4. С. 47—54.

³ Денисов Д.И. Аутентичный взгляд на правила въезда (пребывания) в пограничную зону гражданами Российской Федерации // Военное право. 2020. № 2. С. 43—50.

тикилометровой полосы местности, нет ограничения по времени ведения деятельности, т.е. можно производить работы круглосуточно. Основным правилом при проведении работ в пограничной зоне является то, чтобы они не создавали помехи содержанию Государственной границы и выполнению задач пограничными органами.

Для закрепления информации выделим, что пограничная зона соотносится со стометровой и пятикилометровой полосами местности как целое и его части. Нельзя находиться в стометровой или пятикилометровой полосе местности, не находясь при этом в пограничной зоне.

За нарушение правил въезда (прохода), пребывания, передвижения лиц и транспортных средств, ведения хозяйственной и иной деятельности в пограничной зоне установлена административная ответственность, предусмотренная ч. 1, 2 ст. 18.2 КоАП РФ. Таким образом, все дозволенные действия граждан в пограничной зоне выделены в одну группу общественных отношений под названием «Правила пограничного режима». Эти правила содержатся в приказе ФСБ России от 7 августа 2017 г. № 454. Важно, что данный свод правил имеет привязку к конкретной местности — пограничной зоне, которая устанавливается отдельным приказом ФСБ России.

Но существует еще один пространственный предел, четвертый, где пограничная служба также реализует свои полномочия, — приграничная территория. Её рассмотрим подробнее. Данная территория не является частью правил пограничного режима, и как самостоятельного свода правил приграничной территории по аналогии с правилами пограничного режима не существует. Разумеется, что, имея полномочия на приграничной территории, должна существовать какая-либо административная ответственность за созданные препятствия её реализации. И такая ответственность действительно есть — ст. 18.7 КоАП РФ «Неповиновение законному распоряжению или требованию военнослужащего в связи с исполнением им обязанностей по охране Государ-

ственной границы Российской Федерации». Например, требование пограничника предъявить документы, находясь на приграничной территории (даже вне пределов пограничной зоны), вполне законны. И отказ со стороны гражданина будет являться квалифицирующим признаком при привлечении к административной ответственности. Внимательный читатель заметит, что статья в качестве одного из субъектов правоотношений рассматривает военнослужащего, исполняющего обязанности по *охране* (выделено автором) Государственной границы. А охрана границы лежит на плечах не только пограничных органов ФСБ России, но и Вооруженных Сил Российской Федерации в подводной среде и воздушном пространстве.

Компетенция пограничников на приграничной территории очерчена целым набором инструментов. Ст. 30 Закона о Государственной границе предоставляет пограничникам весьма широкие права на исследуемой нами территории. Обозначим некоторые из них, которые позволят создать представление о действительно серьезных прерогативах.

Пограничники вправе возводить различные инженерно-технические сооружения, линии связи, коммуникации. Использовать вооружение и военную технику для выполнения своих задач. Вправе находиться и свободно передвигаться на любых участках местности в пределах приграничной территории, а также требовать от собственников земельных участков выделения мест для передвижения пограничных нарядов. Вправе применять такие меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, как: административное задержание, личный досмотр лиц, их доставление, досмотр транспортных средств и перевозимых на них грузов. Вправе ограничить или запретить движение лиц и транспортных средств в районе проведения пограничных поисков, иных розыскных действий, а также действий по уголовным делам и делам об административных правонарушениях. Имеют право входить в любое время суток в жилые и иные помещения граждан, на территории и в поме-

щения различных форм организаций, осматривать их в целях обнаружения лиц, в отношении которых имеются достаточные основания подозревать их в нарушении режима Государственной границы. А вместе с тем, на приграничной территории имеют право производить проверку необходимых документов у лиц и документы транспортных средств в целях предотвращения и пресечения нарушений режима Государственной границы, пограничного режима, режима в пунктах пропуска через Государственную границу.

В контексте понимания природы приграничной территории, определения, а также поиска её пределов следует обратиться к ст. 3 Закона о Государственной границе. Как ни странно, статья не содержит дефиницию приграничной территории, а только в скобках перечисляет некоторые пространства, входящие в пределы приграничной территории: пограничная зона, пункты пропуска через Государственную границу, *территории административных районов и городов* (выделено автором), российская часть вод пограничных рек, озер, их берега, иные водные объекты, внутренние морские воды, территориальное море, санаторно-курортные зоны, особо охраняемые природные территории, объекты и другие территории, прилегающих к государственной границе.

Данное перечисление наталкивает на мысль о том, что приграничная территория, видимо, значительно больше, чем обозначенные через запятую пространства. Будто бы норма обозначает некоторые части приграничной территории, отведенные для реализации полномочий пограничниками.

Продолжим исследование, направленное на понимание приграничной территории, а к выделенному автором понятие «территории административных районов и городов», вернемся немного позже.

Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 179-ФЗ «Об основах приграничного сотрудничества» присвоил новые статусы некоторым субъектам Российской Федерации:

1. Приграничные субъекты Российской Федерации — субъекты Российской

Федерации, территории которых прилегают к Государственной границе Российской Федерации;

2. Муниципальные образования приграничных субъектов Российской Федерации — муниципальные образования, расположенные на территориях приграничных субъектов Российской Федерации.

Таким образом, новый статус под названием «субъект приграничного сотрудничества» присвоен как приграничным субъектам Российской Федерации (например, Республика Карелия), так и всем муниципальным образованиям, входящих в данный субъект.

Помимо близкого созвучия к словосочетанию «приграничная территория», прочей ясности в понимании исследуемого термина Федеральный закон не вносит.

Однозначна и строга норма ст. 15 Земельного кодекса Российской Федерации в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства. Она лишает данную категорию обладания на праве собственности земельными участками, расположенными на приграничных территориях. А Указ Президента Российской Федерации от 9 января 2011 г. № 26 «Об утверждении перечня приграничных территорий, на которых иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица не могут обладать на праве собственности земельными участками» (далее — Указ Президента № 26), конкретизирует те самые приграничные территории в границах некоторых муниципальных образований. Попадают в этот список те территории муниципальных образований, которые имеют в наличии хотя бы одно условие, указанное в скобках в ст. 3 Закона о Государственной границе. О них мы писали чуть выше (территории административных районов и городов санаторно-курортных зон, особо охраняемых природных территорий, объектов и других территорий, прилегающих к Государственной границе, российская часть вод пограничных рек, озер, их берега, иные водные объекты, внутренние морские воды, территориальное море, санаторно-курортные зоны, особо охраняемые при-

родные территории, объекты и другие территории, прилегающих к Государственной границе).

7 октября 2020 г. Правительство Российской Федерации издает распоряжение № 2577-р, которым утверждает концепцию приграничного сотрудничества. Данный акт Правительства представляет интерес в той части, в которой он «пролил свет» на перечень территорий, которые включает в себя приграничная территория, а именно, территории приграничных субъектов Российской Федерации и муниципальных образований этих субъектов, а также определенные международными договорами иные территории Российской Федерации.

Но приведенный акт Правительства не может устанавливать норму права для широкого применения, так как документ лишен нормативного характера на основании ч. 2 ст. 5 Федерального конституционного закона от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации». Грубо обобщая, закрепим, что, определяя цели, факторы и направления деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в сфере приграничного сотрудничества, Правительство Российской Федерации под приграничной территорией подразумевает территории приграничного субъекта Российской Федерации и входящие в него территории муниципальных образований.

Исходя из изложенного выше, автор работы пришел к выводу, что природа приграничной территории не содержит терминологической чистоты и ясности, а, напротив, таит туманность и двусмысленность. Приграничные субъекты Российской Федерации и входящие в них муниципальные образования носят статус субъекта приграничного сотрудничества на поприще международных отношений. Правительство Российской Федерации рассматривает эти территории как приграничные территории, но в то же самое время норму права своим распоряжением не устанавливает. Закон о Государственной границе видит некоторые части при-

граничной территории как пространства для ведомственного интереса. Но есть и положительное наблюдение: Президент в своем Указе № 26 рассматривает приграничные территории в согласовании с Законом о Государственной границе.

Анализ вышеизложенных актов не позволяет сделать аутентичный вывод по поводу пределов пространства приграничной территории. Приграничная территория — это территория всего приграничного субъекта или муниципальные образования, территории которых прилегают к границе? Есть видимость того, что Закон о Государственной границе и Указ Президента № 26 указывают приграничные территории как части чего-то целого, императивно не очерчивая их в своих границах, предлагая нам принимать видимость за сущность.

В одном автор уверен точно: чтобы понять пределы реализации полномочий пограничников, Закон о Государственной границе достаточно емко перечислил участки приграничных территорий. Для их работы и дефиниция не является необходимостью.

Вместе с тем, автор работы полагает, что на основании Закона о Государственной границе и Указа Президента № 26, как наиболее согласованных нормативных правовых актов, можно попробовать сформировать обобщающий признак приграничной территории в пределах муниципального образования: муниципальные образования, территории которых прилегают к Государственной границе Российской Федерации, побережью внутренних морских вод, территориального моря.

Пункты пропуска через границу, пограничную зону и прочие пограничные реки, озера, иные водные объекты в квалифицирующие признаки автор осмелился не включить по причине того, что они уже находятся на территории таких муниципальных образований.

На ст. 3 Закона о Государственной границе, где упоминается, что территории административных районов и городов являются частью приграничной территории, тоже хотелось бы остановиться подробнее.

Что есть административный район?

Попытки научно-правового осмысления привели к основному источнику — Федеральному закону от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее — Закон 131-ФЗ). К удивлению, автор не обнаружил данного словосочетания во всем законодательном акте. Есть прочие: муниципальный район, муниципальный или городской округ, муниципальное образование и другие. Выходит так, словно конструкция дефиниции «административный район» формируется на предположениях и подразумеваниях. Формируется мнение, что административный район — это территория муниципального образования в своих границах хозяйственной и административной ответственности (например, такие муниципальные образования, как «Беломорский район», «Муезерский район» и т.д.).

Наиболее родственным словосочетанием на пути к пониманию термина «административный район» является дефиниция муниципального образования. Там же, в ст. 2 Закона 131-ФЗ, дано следующее понятие. «Муниципальное образование — городское или сельское поселение, муниципальный район, муниципальный округ, городской округ, городской округ с внутригородским делением, внутригородской район либо внутригородская территория города федерального значения».

Определение довольно емкое, включает в себя сложный перечень других определений.

На первый взгляд, это произвольное образование правовых синонимов, в числе которых значатся муниципальный район или образование, или округ, административный район или округ. Городской округ тоже сюда можно отнести. Обозначим, что данная подмена слов с течением времени не создала каких-либо правовых коллизий.

Полагаем, что как раз по причине отсутствия правовых диспутов понимание термина «административный район» не прояснилось с последующими редакциями закона. Закон о Государственной гра-

нице не наблюдается в числе давно изданных (1993 г.) и позабытых. Напротив, он ежегодно (начиная с 1994 г.) получает свои новые редакции. Вместе с тем, помимо отсутствия определенности в дефиниции «административный район», Закон о Государственной границе имеет так называемый «спасательный круг». В ст. 3 наравне с перечислениями участков, расположенных на приграничной территории, содержится замечательное словосочетание: «... и других территорий, прилегающих к Государственной границе, пограничной зоне ...». Очевидно, что и это вносит свой определенный порядок в понимание территории административных районов.

Таким образом, окунувшись в тему полномочий пограничников на суше, ограниченных по пространственному признаку, автор работы выделил 4 таких пространственных предела:

- стометровая полоса местности;
- пятикилометровая полоса местности;
- пограничная зона;
- приграничная территория.

Приграничная территория является собирательной по своему существу. Лишь на некоторой части своей территории она предусматривает наличие пограничной зоны с действием внутри её установленных правил пограничного режима.

Понимание природы приграничной территории содержит некую расплывчатость. На международной арене приграничные субъекты и входящие в него муниципальные образования носят статус субъекта приграничного сотрудничества, но свои территории как приграничными не называют. Правительство Российской Федерации видит эти территории именно как приграничные, но только в рамках конкретного распоряжения, положения которого лишены нормативного характера. Отрадно, что тандем Закона о Государственной границе и Указа Президента № 26 представляет собой некоторую ценность. Он хоть и не устанавливает императив в определении, но создает квалифицирующие признаки приграничной территории. Эти признаки автор работы поста-

рался выделить и заключил, что приграничная территория — это территории муниципальных образований, которые прилегают к Государственной границе, побережью внутренних морских вод, территориального моря. В рамках совершенствования законодательства и устранения пробелов в праве автор предлагает утвердить дефиницию приграничной территории. Выходит так, что, не имея четких пространственных пределов приграничной территории, мы имеем представления лишь об отдельных частях, её составляющих. И здесь возникли вопросы. Норма ст. 3 Закона о Государственной границе, устанавливающая «территории административных районов и городов» в качестве приграничной территории, является весьма объемной. Пункты пропуска через границу и пограничная зона устанавливаются уже на территориях административных районов, прилегающих к Государственной границе. Зачем, например, территории пограничных зон и пунктов пропуска через границу (ст. 3 Закона о Государственной границе) выводить в отдельный пункт территорий, являющихся приграничными?

Далее в работе была поднята проблема произвольного образования однопорядковых терминов. Как было отмечено, территории административных районов,

прилегающих к Государственной границе, являются приграничными территориями. Только в прочих нормативных правовых актах дефиниции административного района не содержится. Формально-юридический анализ схожих понятий, указанных в Законе ФЗ-131, позволил сделать вывод о наличии самого близкого по смыслу — муниципальное образование. Хотя и данное наблюдение не породило правовых споров, тем не менее, двигаясь по пути непрерывного совершенствования законодательства, автор работы резюмирует необходимость включить в последующие редакции Закона о Государственной границе замену словосочетания «административный район» на легальный дефидент — «муниципальное образование».

Библиография

1. Божко, Л.Л. Концептуальные подходы к определению приграничных территорий / Л.Л. Божко // Региональная экономика: теория и практика. — 2010. — № 4. — С. 47—54.
2. Гранберг, А.Г. Основы региональной экономики : учебник для вузов / А.Г. Гранберг. — Москва : ГУ ВШЭ, 2000. — 495 с.
3. Денисов, Д.И. Аутентичный взгляд на правила въезда (пребывания) в пограничную зону гражданами Российской Федерации / Д.И. Денисов // Военное право. — 2020. — № 2. — С. 43— С. 43-50.

A formal legal study of the border area. Legal regulation in the field of the exercise of powers by the border authorities of the FSB of Russia

© Denisov D.I.,

Lawyer, Russian Federation, Petrozavodsk

Annotation. In this paper, a formal legal analysis of the spatial limits of the powers of the border guard service of the FSB of Russia is carried out. The areas that delimit the authority of the department on a territorial basis are highlighted. The main focus of the work is on understanding the nature of the border area and its limits. The relevant problems that can be solved today are highlighted in this area. At the same time, the analysis of the legislation highlights the issue of understanding the term "administrative region", which has no official interpretation, and its clarification is based on assumptions and assumptions.

Keywords: border area, border zone, five-kilometer strip of terrain, administrative district, municipality.

О некоторых изменениях в правовом регулировании доступа в Вооруженных Силах Российской Федерации к сведениям, составляющим государственную тайну

© Коробков Владимир Сергеевич,
старший преподаватель 49 кафедры ФГКВОУ
ВО «Военный университет имени князя
Александра Невского» Минобороны России

Аннотация. В статье анализируется после последних изменений и дополнений правового регулирования круг лиц, знакомящихся со сведениями, составляющими государственную тайну, в Вооруженных Силах Российской Федерации. Проводится сопоставление лиц, которым организуется и обеспечивается доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, согласно законодательным нормам, постановлению Правительства Российской Федерации от 24 января 2024 г. № 58 и приказу Министра обороны Российской Федерации от 27 октября 2010 г. № 1313.

Ключевые слова: доступ к сведениям, составляющим государственную тайну; допуск к государственной тайне; лица; физические лица; граждане; работники; государственные служащие; военнослужащие; должностные лица; Вооруженные Силы Российской Федерации.

В соответствии с редакцией от 4 августа 2023 г. Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» с 1 февраля 2024 г. объем понятия «государственная тайна» стал шире, чем был ранее. Теперь государственная тайна — это защищаемые государством сведения, распространение которых может нанести ущерб безопасности государства, в то время как ранее это были защищаемые государством сведения в области военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности государства.

Следом на подзаконном уровне постановлением Правительства Российской Федерации от 24 января 2024 г. № 58 были утверждены Правила оформления, переоформления и прекращения допуска граждан Российской Федерации, имеющих гражданство (подданство) иностранного государства, лиц без гражданства, иностранных граждан к государственной тайне, а также их доступа к сведениям, составляющим государственную тайну. Также постановлением Правительства Российской Федерации от 7 февраля 2024 г. № 132 утверждены Правила допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к

государственной тайне (далее — Правила допуска граждан Российской Федерации к государственной тайне 2024 г.).

Вместе с тем, в новой редакции Закона Российской Федерации «О государственной тайне», указанных постановлениях Правительства России и действующей редакции Инструкции о порядке допуска к государственной тайне военнослужащих, лиц гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации и граждан Российской Федерации, пребывающих в запасе и поступающих на военную службу по контракту либо подлежащих призыву на военную службу (в том числе по мобилизации), на военные сборы, а также граждан Российской Федерации, не пребывающих в запасе и подлежащих призыву для прохождения военной службы, которым требуется допуск к государственной тайне для исполнения служебных обязанностей, утвержденной приказом Министра обороны Российской Федерации от 27 октября 2010 г. № 1313 (далее — Инструкция о порядке допуска к государственной тайне 2010 г.), имеются расхождения в наполнении содержания понятийного аппарата относительно правового регулирования доступа к сведениям, составляющим государственную тайну.

Так, в соответствии со ст. 2 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» под доступом к сведениям, составляющим государственную тайну, понимается санкционированное полномочным должностным лицом ознакомление конкретного лица со сведениями, составляющими государственную тайну.

При этом в Правилах допуска граждан Российской Федерации к государственной тайне 2024 г., вступивших в силу с 17 февраля 2024 г., под доступом к сведениям, составляющим государственную тайну, понимается санкционированное полномочным должностным лицом ознакомление конкретного гражданина с такими действиями. По тексту цитируемых Правил под гражданами понимаются только граждане Российской Федерации. Одновременно пунктом 4 данных Правил предусматривается, что оформление допуска гражданам к государственной тайне осуществляется по месту работы (службы, учебы). То есть доступ обеспечивается гражданам Российской Федерации, имеющим статус работника, служащего или обучающегося.

Также в Правилах отмечается, что федеральные органы исполнительной власти, наделенные полномочиями по распоряжению сведениями, отнесенными к государственной тайне, могут принимать с учетом специфики решаемых ими задач ведомственные акты, регламентирующие отдельные вопросы допуска граждан Российской Федерации к государственной тайне в этих и подведомственных им органах и организациях, по согласованию с ФСБ России, если это предусмотрено нормативными правовыми актами Президента России (п. 1).

В отношении же граждан Российской Федерации, имеющих гражданство (подданство) иностранного государства, а также лиц без гражданства и иностранных граждан с 1 февраля 2024 г. действуют Правила допуска граждан, имеющих гражданство (подданство) иностранного государства, к государственной тайне. В частности, согласно п. 2 указанных Правил доступ граждан Российской Федерации, имеющих гражданство (подданство) иностранного государства, к сведениям, составляю-

щим государственную тайну, осуществляется в порядке, установленном Правилами допуска к государственной тайне и или федеральным законом. При этом решение о допуске граждан Российской Федерации, имеющих гражданство (подданство) иностранного государства, к государственной тайне может быть принято при подтверждении органом государственной власти Российской Федерации или организацией, в распоряжении которых находятся соответствующие сведения, возможности и целесообразности доступа таких граждан к этим сведениям, а также при условии проведения проверочных мероприятий и отсутствия заключения о нецелесообразности допуска к государственной тайне, предусмотренных Законом Российской Федерации «О государственной тайне».

Лица без гражданства могут быть допущены к государственной тайне со степенью секретности не выше «секретно» на основании решения Правительства Российской Федерации (п. 3 Правил допуска граждан, имеющих гражданство (подданство) иностранного государства, к государственной тайне).

Допуск иностранных граждан к сведениям, составляющим государственную тайну, осуществляется на основании соответствующего международного договора, предусматривающего обязательства иностранного государства или международной организации по защите передаваемых им сведений (п. 6 Правил допуска граждан, имеющих гражданство (подданство) иностранного государства, к государственной тайне). Решение о допуске иностранных граждан к государственной тайне принимается руководителями органов и организаций, наделенных в соответствии с федеральным законом полномочиями осуществлять от имени Российской Федерации государственное управление в установленной сфере деятельности, а также предприятий, учреждений и организаций, заинтересованных в передаче сведений, составляющих государственную тайну, другому государству или международной организации. Такое решение согласовывается с органом государственной власти Российской Федерации или организацией, в распоряжении

которых находятся указанные сведения, и с ФСБ России (п. 6 Правил допуска граждан, имеющих гражданство (подданство) иностранного государства, к государственной тайне).

При этом иностранные граждане могут быть допущены только к сведениям, составляющим государственную тайну, в отношении которых выполнены процедуры, предусмотренные Положением о подготовке к передаче сведений, составляющих государственную тайну, другим государствам или международным организациям, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 2 августа 1997 г. № 973 (п. 7 Правил допуска граждан, имеющих гражданство (подданство) иностранного государства, к государственной тайне).

Сам же доступ иностранных граждан к государственной тайне разрешается только после их допуска к государственной тайне в случае, если ознакомление с такими сведениями необходимо для выполнения обязательств, предусмотренных международным договором Российской Федерации. И доступ может быть прекращен должностными лицами, принявшими решение об их доступе или допуске к государственной тайне по основаниям, предусмотренным в соответствующем международном договоре (п. 8—9 Правил допуска граждан, имеющих гражданство (подданство), иностранного государства, к государственной тайне).

Надо отметить, что в ранее действовавшей Инструкции о порядке допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне, утвержденной утратившим силу постановлением Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2010 г. № 63 (далее — утратившая силу Инструкция 2010 г.), доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, определялся как санкционированное полномочным должностным лицом ознакомление конкретного работника с такого рода сведениями.

Расширение круга лиц в новых Правилах допуска граждан Российской Федерации к государственной тайне 2024 г. по отношению к утратившей силу Инструкции

2010 г. вполне объяснимы и логичны — помимо работников существуют и другие категории граждан Российской Федерации, привлекаемых на других условиях (вне рамок трудового законодательства) к обеспечению функций и деятельности органов и организаций, в других целях.

Однако действующая редакция Инструкции о порядке допуска к государственной тайне 2010 г. (с изменениями на 14 октября 2020 г.) хоть и разработана в соответствии с утратившей силу Инструкцией 2010 г. и нуждается в переработке, но доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, определяет даже шире, чем в новых Правилах допуска граждан Российской Федерации 2024 г. Опираясь на Закон Российской Федерации «О государственной тайне», Инструкция о порядке допуска к государственной тайне 2010 г. понимает под доступом санкционированное полномочным должностным лицом ознакомление конкретного лица со сведениями, составляющими государственную тайну.

Итак, в перечисленных правовых актах определения доступа к сведениям, составляющим государственную тайну, разнятся по кругу субъектов, охватываемых с такими сведениями: «лицо», «гражданин» и «работник».

При этом в российском нормативно-правовом регулировании нет легального определения понятию «лицо». Однако, исходя из законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, к объему понятия «лицо» возможно отнести «физические лица», «юридические лица», «должностные лица» и «иные лица».

Соответственно законодательная характеристика доступа к сведениям, составляющим государственную тайну, через санкционированное полномочным должностным лицом ознакомление конкретного лица с секретными сведениями без указания на его физическую характеристику, с позиций буквального толкования позволяет говорить, что Закон Российской Федерации «О государственной тайне» предусматривает доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, как для физических, так и для юридических лиц. Вместе с

тем, при системном толковании содержания текста Закона Российской Федерации «О государственной тайне» юридические и иные лица подлежат исключению из объема рассматриваемого понятия.

Так, исходя из определения допуска к государственной тайне, данного в ст. 2 Закона Российской Федерации «О государственной тайне», правом на доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, обладают лица, а предприятия, учреждения и организации — правом на проведение работ, связанных с использованием таких сведений, которое оформляется (переоформляется) в установленном порядке.

Согласно же п. 1 ст. 48 ГК РФ юридическим лицом признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. При этом предприятия и учреждения являются организационно-правовыми формами юридического лица, а вот организации — это более широкое по отношению к юридическому лицу понятие, включающее в себя как все его организационно-правовые формы (их перечень дан в ст. 48 и 50 ГК РФ), так и формы организаций, которые не являются юридическими лицами. Например, в соответствии с подп. 4 ч. 2 ст. 5 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ) административной процессуальной дееспособностью по ряду административных дел, возникающих из спорных административных и иных публичных правоотношений, прямо наделены такие организации, как общественные объединения и религиозные организации, не являющиеся юридическими лицами.

Кроме того, абзацем одиннадцатым п. 3 ст. 4 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» предусмотрено, что Правительство России устанавливает порядок доступа к сведениям, составляющим государственную тайну, должностных лиц и граждан Российской Федерации, в том числе имеющих гражданство (подданство) иностранного государства, лиц без

гражданства и иностранных граждан. Также статьей 25 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» организация и обеспечение доступа к сведениям, составляющим государственную тайну, предусматриваются по отношению к должностным лицам или гражданам и только при наличии у них оформленного в установленном порядке допуска к государственной тайне.

Необходимо также отметить, что Федеральным законом от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» для его целей используются и определяются через «лицо» такие основные понятия, как гражданин СССР (лицо, имевшее гражданство СССР); гражданин Российской Федерации (лицо, имеющее гражданство Российской Федерации); иностранный гражданин (лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и имеющее гражданство (подданство) иностранного государства); лицо без гражданства (лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и не имеющее доказательств наличия гражданства (подданства) иностранного государства); ребенок (лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет).

А Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» в его целях иностранный гражданин характеризуется как физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и имеющее доказательства наличия гражданства (подданства) иностранного государства; а лицо без гражданства — как физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и не имеющее доказательств наличия гражданства (подданства) иностранного государства. И в той же ст. 2 цитируемым Федеральным законом используются и определяются через «лицо» такие основные виды правовых статусов иностранных граждан, как законно находящийся, временно пребывающий, временно проживающий и постоянно проживающий в Российской Федерации иностранный гражданин.

Пунктом 2 ст. 2 ГК РФ устанавливается общий подход для ГК РФ в понимании граждан и физических лиц как синонимичных, идентичных понятий: «2. Граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе».

А в ст. 19 УК РФ в качестве общего условия уголовной ответственности устанавливается жесткое правило, согласно которому уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного УК РФ. При этом в УК РФ предусмотрены такие составы, имеющие прямую или косвенную связь с доступом к государственной тайне, уголовная ответственность за которые наступает с 16 лет, как государственная измена (ст. 275), шпионаж (ст. 276), разглашение государственной тайны (ст. 283), незаконное получение сведений, оставляющих государственную тайну (ст. 283.1), нарушение требований по защите государственной тайны (ст. 283.2), утрата документов, содержащих государственную тайну (ст. 284).

В целом процитированные и приведенные в качестве примера законодательные установления позволяют утвердиться в мнении о том, что лицо, допускаемое к сведениям, оставляющим государственную тайну, должно являться физическим, а не юридическим. Одновременно круг физических лиц, которым может быть организован и обеспечен доступ к секретным сведениям, не ограничивается только должностными лицами и гражданами, но включает и лиц без гражданства, в том числе несовершеннолетних.

Граждане могут иметь статус занятого или безработного гражданина. Так, согласно ст. 3 Федерального закона от 12 декабря 2023 г. № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» занятыми являются граждане:

1) работающие по трудовому договору, проходящие государственную службу соответствующего вида, муниципальную службу или имеющие иную оплачиваемую работу (службу), кроме граждан, участвующих в оплачиваемых общественных ра-

ботах, для которых указанные работы не являются подходящей работой, и граждан, работающих членами избирательных комиссий, комиссий референдума с правом решающего голоса не на постоянной (штатной) основе;

2) зарегистрированные в установленном порядке в качестве индивидуальных предпринимателей, а также нотариусы, занимающиеся частной практикой, адвокаты и иные лица, чья профессиональная деятельность в соответствии с федеральными законами подлежит государственной регистрации и (или) лицензированию;

3) занятые ведением личного подсобного хозяйства, осуществлением традиционной хозяйственной деятельности, занимающиеся промыслами, в том числе народными художественными промыслами, традиционными промыслами коренных малочисленных народов Российской Федерации, и реализующие произведенную продукцию по договорам;

4) выполняющие работы по договорам гражданско-правового характера, предметами которых являются выполнение работ и (или) оказание услуг, в том числе договорам авторского заказа;

5) избранные, назначенные или утвержденные на оплачиваемую должность;

6) проходящие военную службу по призыву, альтернативную гражданскую службу, пребывающие в добровольческих формированиях, предусмотренных Федеральным законом от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне»;

7) временно отсутствующие на рабочем месте в связи с временной нетрудоспособностью, отпуском, прохождением профессионального обучения, получением профессионального образования или дополнительного профессионального образования, приостановкой производства, вызванной забастовкой, призывом на военные сборы, привлечением к мероприятиям, связанным с подготовкой к военной службе (альтернативной гражданской службе), исполнением других государственных или общественных обязанностей или иными уважительными причинами;

8) являющиеся участниками (членами) корпоративных коммерческих организаций;

9) являющиеся членами крестьянского (фермерского) хозяйства.

Вместе с тем, безработным согласно ст. 23 названного Федерального закона признаются трудоспособные граждане Российской Федерации, которые ищут работу, зарегистрированы органами службы занятости в целях поиска подходящей работы и готовы к ней приступить. Таким образом, занятость напрямую увязывается согласно ст. 2 данного Федерального закона с трудовой деятельностью и иной не противоречащей законодательству Российской Федерации деятельностью граждан, осуществляемой ими в целях производства товаров, выполнения работ или оказания услуг и направленная на получение дохода. Однако в широком смысле безработным является любой человек, не имеющий постоянной работы, заработка¹, в том числе занимающийся не приносящей постоянный доход деятельностью: обучающиеся, волонтеры, благотворители, пенсионеры и другие лица.

Понятие же «работник» определяется статьей 20 Трудового кодекса Российской Федерации (ТК РФ) как физическое лицо, вступившее в трудовые отношения с работодателем. Отдельно выделяется иностранный работник, определяемый упоминавшимся ранее Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ как иностранный гражданин, временно пребывающий в Российской Федерации и осуществляющий в установленном порядке трудовую деятельность.

Согласно Федеральному закону от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» государственные служащие — это федеральные государственные гражданские служащие; государственные гражданские служащие субъекта Российской Федерации; военнослужащие (как граждане Рос-

сийской Федерации, так и иностранные граждане); государственные служащие, проходящие государственную службу иного вида.

Пунктом 2 ст. 12 Федерального закона «Об обороне» предусмотрено, что комплектование Вооруженных Сил Российской Федерации осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации: военными служащими — путем призыва граждан Российской Федерации на военную службу по экстерриториальному принципу и путем добровольного поступления граждан Российской Федерации (иностранцев граждан) на военную службу; федеральными государственными гражданскими служащими; работниками.

При этом в Федеральном законе «О системе государственной службы Российской Федерации» сделана оговорка, согласно которой деятельность лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, и лиц, замещающих государственные должности субъектов Российской Федерации, данным Федеральным законом не регулируется. Так, в ст. 285 УК РФ под первыми понимаются лица, занимающие должности, устанавливаемые Конституцией России, федеральными конституционными законами и федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий государственных органов. А в ст. 285 УК РФ под вторыми — лица, занимающие должности, устанавливаемые конституциями или уставами субъектов Российской Федерации для непосредственного исполнения полномочий государственных органов субъектов Российской Федерации.

В частности, согласно Сводному перечню государственных должностей Российской Федерации, утвержденному Указом Президента Российской Федерации от 11 января 1995 г. № 32 (далее — Сводный перечень), Министр обороны Российской Федерации является лицом, замещающим государственную должность Российской Федерации, а именно должность федерального министра. При этом его заместители, а также иные командиры (начальники) таким статусом не обладают.

Кроме того, должности Сводного перечня лишь частично пересекаются с Пе-

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Д. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт рус. яз. им. В.В. Виноградова; 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. С. 42.

речнем должностей, при замещении которых лица считаются допущенными к государственной тайне, утвержденным распоряжением Президента Российской Федерации от 15 января 2010 г. № 24-рп (далее — Перечень должностей). В частности, должность федерального министра в Перечне должностей имеется (п. 10), как и в Сводном перечне. При этом в Сводном перечне нет, например, должностей руководителя (директора) федеральной службы или федерального агентства (например, ФСБ России или Росархив), а также руководителя организации, наделенной в соответствии с федеральным законом полномочиями осуществлять от имени Российской Федерации государственное управление в установленной сфере деятельности (например, Росатом, Роскосмос и т.п.). Лица, замещающие должности, предусмотренные Перечнем должностей, имеют право на доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, со дня замещения указанных должностей.

Соответственно вид занятости гражданина напрямую обуславливает порядок доступа граждан к секретным сведениям, так как для разных видов занятости законодательно предусмотрены разные порядки допуска к государственной тайне.

Так, помимо общего порядка оформления допуска для граждан Российской Федерации статьей 21 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» установлен особый порядок. В частности, с 1 февраля 2024 г. доступ к государственной тайне в особом порядке оформляется: сенаторам Российской Федерации, депутатам Государственной Думы, депутатам законодательных органов субъектов Российской Федерации и судьям; должностным лицам, замещающим должности, предусмотренные Перечнем должностей; гражданам Российской Федерации, являющимся адвокатами (за исключением лиц, имеющих гражданство (подданство) иностранного государства, или лиц, включенных в реестр иностранных агентов) и участвующим в судопроизводстве по делам, содержащим сведения, составляющие государственную тайну; гражданам Российской Федерации, являющимся участниками уголовного су-

допроизводства по делам, содержащим сведения, составляющие государственную тайну, и не замещающим должностей, предусматривающих допуск к государственной тайне, на постоянной основе (за исключением экспертов, специалистов и переводчиков, имеющих гражданство (подданство) иностранного государства или включенных в реестр иностранных агентов); главам муниципальных образований, полномочия которых предусматривают доступ к государственной тайне.

Проверочные мероприятия в отношении лиц, допускаемых к государственной тайне в особом порядке, за исключением должностных лиц, замещающих должности, предусмотренные Перечнем должностей, не проводятся. Необходимость проведения полномочными органами проверочных мероприятий, предусмотренных ст. 21 Закона Российской Федерации «О государственной тайне», в отношении лиц, замещающих должности, предусмотренные Перечнем должностей, либо претендующих на замещение указанных должностей, определяется Президентом России.

Следует отметить и тот факт, что работники, государственные служащие и иные физические лица могут являться должностными лицами.

В Законе Российской Федерации «О государственной тайне» термин должностное лицо встречается не менее 70 раз, при этом определения должностного лица в нем нет. Правилами допуска граждан Российской Федерации к государственной тайне 2024 г. также не определяется понятие должностного лица. Отмечается лишь тот факт, что, если по характеру выполняемых должностных (специальных, функциональных) обязанностей предусматривается доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, граждане могут быть назначены на эти должности (на граждан могут быть возложены должностные (специальные, функциональные) обязанности, предусматривающие доступ к сведениям, составляющим государственную тайну) только после оформления (переоформления) им в установленном порядке допуска к государственной тайне по соответствующей форме (п. 5).

Однако и под должностным лицом на практике понимается не всегда один и тот же круг физических лиц. Так, согласно толковому словарю «должность» — служебная обязанность, служебное место, а вот «должностное лицо» — лицо, занимающее административную или распорядительную должность¹. Другими словами, не всякий работник или служащий является должностным лицом, то есть можно замещать должность, но не быть должностным лицом.

Так, согласно п. 5 Инструкции о порядке допуска к государственной тайне 2010 г., если по характеру выполняемых должностных (специальных) обязанностей, а также в ходе обучения в образовательных учреждениях профессионального образования предусматривается доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, лица могут быть назначены на эти должности или допущены к обучению только после оформления им допуска к государственной тайне по соответствующей форме (например, должности курсантов, адъюнктов, научно-педагогических работников, делопроизводителей и т.п.).

Согласно примечанию к ст. 2.4 КоАП РФ под должностным лицом в КоАП РФ понимается лицо, постоянно, временно или в соответствии со специальными полномочиями осуществляющее функции представителя власти, то есть наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся в служебной зависимости от него, а равно лицо, выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах государственных внебюджетных фондов Российской Федерации, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных организациях, а также в Вооруженных Силах, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации. При этом совершившие административные правонарушения в связи с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций

руководители и другие работники иных организаций несут административную ответственность как должностные лица.

В свою очередь УК РФ представляет различные понимания должностного лица в зависимости от состава преступления (ст. 274.2, 285, 318 УК РФ и др.). В связи с этим Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» даются разъяснения.

Так, к должностным лицам, исполняющим функции представителя власти рекомендовано относить лиц, наделенных правами и обязанностями по осуществлению функций органов законодательной, исполнительной или судебной власти, а также, исходя из содержания примечания к ст. 318 УК РФ, иных лиц правоохранительных или контролирующих органов, наделенных в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, либо правом принимать решения, обязательные для исполнения гражданами, организациями, учреждениями независимо от их ведомственной принадлежности и форм собственности (п. 3). Под организационно-распорядительными функциями понимаются полномочия должностного лица, которые связаны с руководством трудовым коллективом государственного органа, государственного или муниципального учреждения (его структурного подразделения) или находящимися в их служебном подчинении отдельными работниками, с формированием кадрового состава и определением трудовых функций работников, с организацией порядка прохождения службы, применения мер поощрения или награждения, наложения дисциплинарных взысканий и т.п. (абз. первый п. 4). Также полномочия лиц по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия (абз. второй п. 4). Как административно-хозяйственные функции надлежит рассматривать полномочия должностного лица по управлению и распоряжению имуще-

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Д. Указ. соч. С. 173.

ством и (или) денежными средствами, находящимися на балансе и (или) банковских счетах организаций, учреждений, воинских частей и подразделений, а также по совершению иных действий (например, по принятию решений о начислении заработной платы, премий, осуществлению контроля за движением материальных ценностей, определению порядка их хранения, учета и контроля за их расходом) (п. 5). Исполнение функций должностного лица по специальному полномочию означает, что лицо осуществляет функции представителя власти, исполняет организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции, возложенные на него законом, иным нормативным правовым актом, приказом или распоряжением вышестоящего должностного лица либо правомочным на то органом или должностным лицом (например, функции присяжного заседателя). Функции должностного лица по специальному полномочию могут осуществляться в течение определенного времени или однократно, а также могут совмещаться с основной работой (п. 6).

Соответственно к физическим лицам, которым организуется и обеспечивается в Вооруженных Силах доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, возможно отнести:

1) являющихся должностными лицами, то есть замещающих должности в Вооруженных Силах, связанные с исполнением функций представителя власти, организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции;

2) не являющихся должностными лицами, но приравненных к ним, то есть замещающих иные должности в Вооруженных Силах, но выполняющих функции должностного лица по специальному полномочию на основании закона, иного нормативного правового акта, приказа или распоряжения вышестоящего должностного лица;

3) не являющихся должностными лицами и замещающих иные должности в Вооруженных Силах.

В первую очередь к должностным лицам относится руководитель организации,

под которым согласно п. 2 Правил допуска граждан Российской Федерации к государственной тайне 2024 г. понимается физическое лицо, которое в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, нормативными правовыми актами органов местного самоуправления, учредительными документами юридического лица (организации) осуществляет руководство деятельностью этой организации, в том числе исполняет обязанности руководителя организации по вакантной должности, а также лицо, назначенное арбитражным управляющим.

Кроме того, согласно п. 11 Инструкции о порядке допуска к государственной тайне 2010 г. к должностным лицам, которым обеспечивается доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, возможно отнести: Министра обороны Российской Федерации; его заместителей; главнокомандующих видами Вооруженных Сил; командующих войсками военных округов и родами войск Вооруженных Сил; других лиц, подчиненных непосредственно Министру обороны Российской Федерации; командиров воинских частей; подчиненный им личный состав, в том числе лиц, временно исполняющих обязанности по вакантной (незанятой) должности (врид), а также лиц, находящихся в мобилизационном людском резерве; военных комиссаров; граждан, пребывавших в запасе и призванных на военную службу по мобилизации (в период военного положения и в военное время) или на военные сборы; начальника Главного управления международного военного сотрудничества Минобороны России; главных военных советников (консультантов); старших групп российских военных специалистов и руководителей представительств Минобороны России за рубежом при министерствах (ведомствах) иностранных государств или международных организациях; руководителей организаций, привлекаемых к выполнению работ, содержащих сведения, составляющие государственную тайну.

Таким образом:

1. Доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, в Вооруженных Силах возможен только при наличии допуска к государственной тайне, получение которого обуславливается правовым статусом конкретного физического лица (наличием/отсутствием гражданства, его видом; статусом работника, служащего, обучающегося или иного лица, в том числе должностного лица; видом самой должности).

Вместе с тем, необходимо отметить, что для решения вопросов дальнейшего прохождения военной службы военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, могут быть зачислены в распоряжение, как правило, ближайшего прямого командира (начальника), имеющего право издания приказов. В этом случае военнослужащий хоть и имеет допуск к государственной тайне, но допущен к сведениям, составляющим государственную тайну, быть не может до фактического назначения на воинскую должность.

2. Порядок доступа к сведениям, составляющим государственную тайну, в Вооруженных Силах в зависимости от правового статуса озакамливаемого с таким сведениями конкретного физического лица можно

классифицировать на общий (для граждан Российской Федерации), специальный (для российских граждан с двойным или множественным гражданством, иностранных граждан, лиц без гражданства) и особый (для лиц, перечисленных в ст. 21.1 Закона Российской Федерации «О государственной тайне»).

3. Возраст, с которого возможно обеспечение и организация доступа к сведениям, составляющим государственную тайну, в Вооруженных Силах нормативно не установлены. Однако, исходя из возраста уголовной ответственности за совершение преступлений, прямо или косвенно связанных с государственной тайной, такой возраст не может быть менее 16 лет.

4. Также представляется необходимым в п. 2 Инструкции о порядке допуска к государственной тайне 2010 г. изложить понятие доступа к сведениям, составляющим государственную тайну, в новой редакции в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 7 февраля 2024 г. № 132, заменив «ознакомление конкретного лица» на «ознакомление конкретного гражданина».

On some changes in the legal regulation of access in the Armed Forces of the Russian Federation to information constituting state secrets

© Korobkov V.S.,
senior lecturer of the 49 Department, Military University

Abstract. the article analyzes after the latest changes and additions to legal regulation the circle of persons familiarized with information constituting state secrets in the Armed Forces of the Russian Federation. A comparison is made of persons who are organized and provided with access to information constituting state secrets, in accordance with legislative norms, decrees of the Government of the Russian Federation of 2024 and Order of the Minister of Defense of the Russian Federation dated October 27, 2010 No. 1313.

Keywords: access to information constituting state secrets; access to state secrets; faces; individuals; citizens; workers; civil servants; military personnel; officials; Armed Forces of the Russian Federation.

Тезисы о видах судопроизводства при обжаловании заключений (решений) по итогам проведения военно-врачебной экспертизы

© Наумов Петр Юрьевич,

кандидат педагогических наук, помощник начальника ФГКУЗ «Главный военный клинический госпиталь войск национальной гвардии Российской Федерации» по правовой работе — начальник отделения правового обеспечения

Аннотация. Обжалование действий и решений должностных лиц, которые законом наделяются публичными полномочиями, — важная гарантия со стороны государства на восстановление нарушенных или оспариваемых прав. Военно-врачебная экспертиза имеет свою специфику как отдельный вид медицинских экспертиз, проводимых в Российской Федерации. Образующиеся по итогам медицинского освидетельствования в рамках проведения военно-врачебной экспертизы заключения и решения могут быть пересмотрены по итогам проведения независимой военно-врачебной экспертизы, а также могут быть обжалованы в вышестоящую военно-врачебную комиссию или в судебном порядке. В правоприменительной деятельности часто возникают споры, предметом которых является то, в рамках какого вида судопроизводства, осуществляемого в Российской Федерации (как правило, гражданского или административного) рассматривать дела об обжаловании заключений (решений) военно-врачебных комиссий. В статье обосновывается подход о том, что споры об обжаловании заключений (решений) военно-врачебных (врачебно-летных) комиссий необходимо рассматривать в рамках административного судопроизводства. При этом отдельные дела в рамках споров в области военно-врачебной экспертизы, предметом которых является обжалование (установление) причинной связи увечий (ранений, травм, контузий) или заболеваний, могут быть рассмотрены в рамках гражданского судопроизводства, как споры о праве. Также в исследовании описывается возможность досудебного порядка обжалования заключений (решений) военно-врачебных (врачебно-летных) комиссий и оцениваются перспективы такого обжалования.

Ключевые слова: право на защиту; гражданское судопроизводство; административное судопроизводство; медицинская экспертиза; военно-врачебная экспертиза; независимая военно-врачебная экспертиза; медицинское вмешательство; лечение; диагностика; медицинское освидетельствование.

Военно-врачебная экспертиза, являясь одним из видов медицинских экспертиз, призвана решать комплекс задач по определению категории годности к военной службе, установлению причинной связи, определению причинной связи заболеваний (увечий), в том числе приведших к смерти застрахованных лиц¹. Потому судебные и внесудебные механизмы обжалования заключений (решений) по итогам проведения военно-врачебной экспертизы в отношении

военнослужащих (сотрудников) и иных лиц — это важный элемент правовых гарантий их особого статуса².

Конструкция самой возможности досудебного обжалования заключений (реше-

¹ Наумов П.Ю., Холиков И.В., Солдатов С.К. Концептуализация понятия «военно-врачебная экспертиза» в междисциплинарном контексте // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2024. Т. 16, № 1. С. 422—445.

² Большакова В.М., Енгибарян Г.В., Наумов П.Ю. Отдельные аспекты организации и осуществления судебной защиты интересов медицинских организаций федеральных органов исполнительной власти, где федеральным законом предусмотрена военная служба // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10. № 12-1. С. 49—56; Большакова В.М., Наумов П.Ю., Кононов А.Н. Доказательство и доказывание при осуществлении судебной защиты интересов военно-медицинских организаций, // Военное право. 2021. № 2(66). С. 210—217.

ний) по итогам проведения военно-врачебной экспертизы предполагает и соответствующий вид судопроизводства, в котором рассматривается данная категория спора. Следовательно, в рамках настоящего исследования, осуществлённого в продолжение разработок в области правового регулирования военно-врачебной экспертизы¹, рассмотрен вопрос о том, в каком виде судопроизводства рассматривать дела по оспариванию действий (бездействий, решений) должностных лиц военно-врачебных и врачебно-летных комиссий.

В силу ч. 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации судебная власть в Российской Федерации осуществляется посредством конституционного, гражданско-

го, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства. Аналогичные предписания нормативно установлены в ч. 3 ст. 1 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации».

В развитие указанных конституционных (вытекающих из конституционных) норм, в зависимости от субъектного состава участников судопроизводства и сущности предмета спора в Российской Федерации утверждены соответствующие процессуальные кодексы (Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ГПК РФ), Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (АПК РФ), Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ), Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ)).

В соответствии с ч. 2 ст. 1 КАС РФ суды в порядке, предусмотренном названным Кодексом, рассматривают и разрешают подведомственные им административные дела о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, в том числе административные дела об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, иных государственных органов, органов военного управления, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих.

Пунктом 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» установлено, что к решениям, которые могут быть оспорены в суде, относятся индивидуальные акты применения права наделенных публичными полномочиями органов и лиц, принятые единолично либо коллегиально, содержащие волеизъявление, порождающее правовые последствия для граждан и (или) организаций в сфере административных и иных

¹ Землин А.И., Наумов П.Ю., Шепель Р.Н. Ценности здравоохранения на языке права: критические размышления об этических и правовых основах стандартов медицинской сортировки в российской военно-медицинской службе // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2024. Т. 23, № 4. С. 115—120; Наумов П.Ю., Большакова В.М., Землин А.И., Холиков И.В. Концептуальные аспекты производства медицинских экспертиз при обжаловании в судебном порядке заключений по итогам проведения военно-врачебной экспертизы // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2021. Т. 13. № 6. С. 283—306; Наумов П.Ю., Холиков И.В. Характеристика правовых основ проведения военно-врачебной экспертизы в войсках национальной гвардии Российской Федерации // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2023. Т. 15, № 1. С. 474—493; Наумов П.Ю., Баранова Н.Н., Холиков И.В., Купцов С.А. Комплексное исследование правовых основ и проблемных вопросов оказания первой помощи военнослужащим (военнослужащими) // Медицина катастроф. 2023. № 3. С. 57—64; Наумов П.Ю., Утюганов А.Н., Кононов А.Н. Некоторые особенности организации и деятельности правовых подразделений медицинских организаций войск национальной гвардии Российской Федерации // Военное право. 2023. № 6 (82). С. 33—41; Наумов П.Ю. Некоторые размышления о подготовке будущих юристов к профессиональной деятельности в военно-медицинских организациях // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3(63). С. 283—288; Наумов П.Ю., Утюганов А.А., Мелентьев И.С. Заметки о подсудности споров об обжаловании сотрудниками войск национальной гвардии Российской Федерации решений (заключений), вынесенных по итогам проведения военно-врачебной экспертизы // Военное право. 2024. № 4. С. 126—132.

публичных правоотношений. Решения могут быть приняты как в письменной, в том числе в электронной форме (в частности, в автоматическом режиме), так и в устной форме.

По правилам гл. 22 КАС РФ могут быть оспорены, в том числе письменные решения, имеющие ненормативный характер, для которых законодательством установлены определенные требования к порядку принятия, оформлению (реквизитам), содержанию.

Согласно ч. 2 ст. 33.1 ГПК РФ, если предъявленные в суд требования, подлежащие рассмотрению в порядке административного судопроизводства, подсудны данному суду, вопрос об их принятии к производству разрешается судьей в соответствии с законодательством об административном судопроизводстве на основании засвидетельствованных им копий искового заявления и соответствующих приложенных к нему документов.

В силу ч. 3 ст. 33.1 ГПК РФ суд, установив в ходе подготовки гражданского дела к судебному разбирательству или судебного разбирательства по гражданскому делу, что оно подлежит рассмотрению в порядке административного судопроизводства, выносит определение о переходе к рассмотрению дела по правилам административного судопроизводства.

Предметом спора по делам об обжаловании заключений (решений) военно-врачебных (врачебно-летных) комиссий, как правило, являются требования истцов (административных истцов) по итогам проведения военно-врачебной экспертизы в военно-медицинских (медицинских) организациях. При этом остальные требования, в большинстве своем, вытекают из требований об оспаривании заключения военно-врачебной комиссии и рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства не подлежат.

Военно-врачебная экспертиза как отдельный и самостоятельный вид медицинских экспертиз, проводимых в Российской Федерации, осуществляется военно-врачебными и врачебно-летными комиссиями путем медицинского обследования и медицинского освидетельствования паци-

ентов из числа военнослужащих (приравненных к ним по медицинскому обеспечению лиц) и иных граждан и предполагает вынесение письменного заключения, обязательного для исполнения¹.

В соответствии с ч. 1 ст. 61 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» военно-врачебная экспертиза проводится в целях: 1) определения годности к военной службе (приравненной к ней службе), обучению (службе) по конкретным военно-учетным специальностям (специальностям в соответствии с занимаемой должностью); 2) установления причинной связи увечий (ранений, травм, контузий), заболеваний у военнослужащих (приравненных к ним лиц, граждан, призванных на военные сборы) и граждан, уволенных с военной службы (приравненной к ней службы, военных сборов), с прохождением военной службы (приравненной к ней службы); 3) решения других вопросов, предусмотренных законодательством.

В силу п. 2 Положения о военно-врачебной экспертизе, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июля 2013 г. № 565 для проведения военно-врачебной экспертизы в Вооруженных Силах, войсках национальной гвардии, воинских формированиях, органах и учреждениях создаются военно-врачебные комиссии (врачебно-летные комиссии). Пунктом 3 Положения о военно-врачебной экспертизе на военно-врачебные комиссии возложены государственно-значимые полномочия по определению категории годности к военной службе и определению (установление) причинной связи, а также многие другие полномочия.

Как следует из п. 5 Положения о военно-врачебной экспертизе заключение воен-

¹ Бабайцева Е.С., Большакова В.М., Наумов П.Ю. Вопросы исполнения обязанностей военной службы при оказании военнослужащим медицинской помощи или прохождения ими медицинского освидетельствования // Военное право. 2021. № 5(69). С. 78—86; Бабайцева Е.С., Холиков И.В. Некоторые вопросы правового регулирования медицинского обеспечения войск национальной гвардии Российской Федерации // Военное право. 2020. № 2(60). С. 78—86.

но-врачебной комиссии (врачебно-летней комиссии) выносятся открытым голосованием простым большинством голосов присутствующих на заседании членов комиссии.

Как требует того гл. 22 КАС РФ, действительно, обязательные требования к порядку принятия, оформлению (реквизитам) и содержанию заключений (решений) военно-врачебных (врачебно-летних) комиссий приведены в нормативных правовых актах Российской Федерации и соответствующих федеральных органов исполнительной власти. К этим документам относятся Положение о военно-врачебной экспертизе, приказ Министра обороны Российской Федерации от 18 января 2021 г. № 21 «Об определении форм документации (кроме унифицированных форм медицинской документации), необходимых для деятельности военно-врачебных комиссий, созданных в Вооруженных Силах Российской Федерации, правил их заполнения, а также порядка оформления заключений военно-врачебных комиссий, созданных в Вооруженных Силах Российской Федерации», приказ Министра обороны Российской Федерации от 20 октября 2014 г. № 770 «О мерах по реализации в Вооруженных Силах Российской Федерации правовых актов по вопросам проведения военно-врачебной экспертизы», приказ МЧС России от 30 августа 2018 г. № 356 «О требованиях к состоянию здоровья граждан, поступающих на службу в федеральную противопожарную службу Государственной противопожарной службы, и сотрудников федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы, перечнях дополнительных обязательных диагностических исследований, проводимых до начала медицинского освидетельствования граждан, поступающих на службу в федеральную противопожарную службу Государственной противопожарной службы, и сотрудников федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы, порядке проведения контрольного обследования и повторного освидетельствования по результатам независимой военно-врачебной экспертизы и формах документации, необходи-

мых для деятельности военно-врачебных комиссий в системе МЧС России», приказ МВД России от 2 апреля 2018 г. № 190 «О требованиях к состоянию здоровья граждан, поступающих на службу в органы внутренних дел Российской Федерации, и сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, перечнях дополнительных обязательных диагностических исследований, проводимых до начала медицинского освидетельствования, формах документации, необходимых для деятельности военно-врачебных комиссий, порядке проведения контрольного обследования и повторного освидетельствования и о признании утратившими силу некоторых нормативных правовых актов», приказ Росгвардии от 20 мая 2019 г. № 166 «Об утверждении форм документации (кроме унифицированных форм медицинской документации), необходимых для деятельности военно-врачебных комиссий, созданных в войсках национальной гвардии Российской Федерации», приказ ФСИН России от 22 декабря 2023 г. № 812 «Об утверждении Требований к состоянию здоровья граждан, поступающих на службу в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации, сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, перечня дополнительных обязательных диагностических исследований, проводимых до начала медицинского освидетельствования, Порядка проведения контрольного обследования и повторного освидетельствования по результатам независимой военно-врачебной экспертизы, Порядка создания военно-врачебных комиссий в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации, Порядка оформления заключений военно-врачебных комиссий, форм документации, необходимых для деятельности военно-врачебных комиссий» и другие документы.

Помимо судебных споров, граждан, в отношении которого вынесено заключение (принято решение) военно-врачебной комиссии вправе обжаловать названное заключение в вышестоящую военно-врачебную комиссию, а также обратиться в независимую военно-врачебную экспертизу для ее проведения на договорной основе

в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2008 г. № 574 «Об утверждении Положения о независимой военно-врачебной экспертизе».

Пунктами 73 и 74 Положения о военно-врачебной экспертизе определено, что граждане, уволенные с военной службы в запас или в отставку без проведения освидетельствования или заявившие о несогласии с заключением военно-врачебной комиссии о категории годности к военной службе на момент их увольнения с военной службы, могут быть освидетельствованы заочно (по документам). Также освидетельствуются и граждане, проходившие службу военно-врачебными комиссиями на момент увольнения заочно (по документам) независимо от причин и времени увольнения.

В п. 100 Положения о военно-врачебной экспертизе установлено, что гражданин, не согласный с заключением военно-врачебной комиссии о причинной связи увечий и заболеваний с последствиями катастрофы на Чернобыльской АЭС, а также с воздействием радиационных факторов вследствие непосредственного участия в действиях подразделений особого риска, имеет право обратиться в межведомственный экспертный совет с просьбой о повторном рассмотрении соответствующего вопроса.

Названные способы несудебной защиты оспариваемых или нарушенных в ходе проведения военно-врачебной экспертизы прав в виде обжалования вынесенных заключений не являются для гражданина обязательными и не выступают необходимым условием для подачи административного искового заявления в суд.

Как видно из анализа приведенных правовых норм, военно-врачебная комиссия является специальным органом, осуществляющие государственные публичные полномочия по медицинскому обследованию и освидетельствованию военнослужащих и иных лиц, при этом принятые ею решения имеют правовые последствия для освидетельствуемых в виде поступления на военную службу, увольнения с нее, предоставления отпусков и иных социальных гарантий.

Таким образом, из сущности, как самих заключений военно-врачебных комиссий, так исследуемых видов споров можно отметить, что при оспаривании заключений (действий, решений) военно-врачебных (врачебно-летных) комиссий, которые являются индивидуальным актом применения права наделенных публичными полномочиями органа и специально назначенных должностных лиц. Эти заключения (решения) принимаются коллегиально, содержат волеизъявление, порождающее правовые последствия для гражданина (военнослужащего, сотрудника, иных лиц), который был освидетельствован. Исходя из подобных требований, в силу ч. 1 и 2 КАС РФ порядок урегулирования оспариваемых действий должен был осуществлен в административном судопроизводстве.

Также стоит отметить, что признание бездействий военно-врачебных комиссий незаконным может производиться только в порядке, определенном КАС РФ (в административном судопроизводстве), что судам необходимо учитывать при принятии иска к производству и при вынесении итоговых решений по делу.

В правоприменительной деятельности при принятии исковых заявлений (административных) исковых заявлений сложилась двойственная практика по определению вида судопроизводства, в котором впоследствии рассматривается и разрешается дело судом. Так иски об обжаловании заключений (решений) военно-врачебных комиссий, подаваемые военнослужащими, принимаются гарнизонными военными судами в порядке административного судопроизводства. Иски же сотрудников органов внутренних дел, сотрудников уголовно-исполнительной системы, сотрудников таможенных органов, сотрудников органов принудительного исполнения и лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, как правило, районными и городскими судами принимаются к производству как гражданские дела.

Библиография

1. Бабайцева, Е.С. Вопросы исполнения обязанностей военной службы при оказании

военнослужащим медицинской помощи или прохождения ими медицинского освидетельствования / Е.С. Бабайцева, В.М. Большакова, П.Ю. Наумов // Военное право. — 2021. — № 5(69). — С. 78—86.

2. Бабайцева, Е.С. Некоторые вопросы правового регулирования медицинского обеспечения войск национальной гвардии Российской Федерации / Е. С. Бабайцева, И. В. Холиков // Военное право. — 2020. — № 2(60). — С. 78—86.

3. Большакова, В.М. Отдельные аспекты организации и осуществления судебной защиты интересов медицинских организаций федеральных органов исполнительной власти, где федеральным законом предусмотрена военная служба / В.М. Большакова, Г.В. Енгибарян, П.Ю. Наумов // Вопросы российского и международного права. — 2020. — Т. 10. — № 12-1. — С. 49—56.

4. Большакова, В.М. Доказательства и доказывание при осуществлении судебной защиты интересов военно-медицинских организаций / В.М. Большакова, П.Ю. Наумов, А.Н. Кононов // Военное право. — 2021. — № 2(66). — С. 210—217.

5. Землин, А.И. Ценности здравоохранения на языке права: критические размышления об этических и правовых основах стандартов медицинской сортировки в российской военно-медицинской службе / А.И. Землин, П.Ю. Наумов, Р.Н. Шепель // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. — 2024. — Т. 23, № 4. — С. 115—120. DOI 10.15829/1728-8800-2024-4023.

6. Наумов, П.Ю. Концептуальные аспекты производства медицинских экспертиз при обжаловании в судебном порядке заключений по итогам проведения военно-врачебной экспертизы / П.Ю. Наумов, В.М. Большакова, А.И. Землин, И.В. Холи-

ков // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. — 2021. — Т. 13. — № 6. — С. 283—306. DOI 10.12731/2658-6649-2021-13-6-283-306.

7. Наумов, П.Ю. Характеристика правовых основ проведения военно-врачебной экспертизы в войсках национальной гвардии Российской Федерации / П.Ю. Наумов, И.В. Холиков // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. — 2023. — Т. 15, № 1. — С. 474—493. DOI 10.12731/2658-6649-2023-15-1-474-493.

8. Наумов, П.Ю. Комплексное исследование правовых основ и проблемных вопросов оказания первой помощи военнослужащим (военнослужащим) / П.Ю. Наумов, Н.Н. Баранова, И.В. Холиков, С.А. Купцов // Медицина катастроф. — 2023. — № 3. — С. 57—64. DOI 10.33266/2070-1004-2023-3-57-64.

9. Наумов, П.Ю. Некоторые особенности организации и деятельности правовых подразделений медицинских организаций войск национальной гвардии Российской Федерации / П.Ю. Наумов, А.А. Утюганов, А.Н. Кононов // Военное право. — 2023. — № 6 (82). — С. 33—41.

10. Наумов, П.Ю. Концептуализация понятия «военно-врачебная экспертиза» в междисциплинарном контексте / П.Ю. Наумов, И.В. Холиков, С.К. Солдатов // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. — 2024. — Т. 16, № 1. — С. 422—445. DOI 10.12731/2658-6649-2024-16-1-1071.

11. Наумов, П.Ю. Заметки о подсудности споров об обжаловании сотрудниками войск национальной гвардии Российской Федерации решений (заключений), вынесенных по итогам проведения военно-врачебной экспертизы / П.Ю. Наумов, А.А. Утюганов, И.С. Мелентьев // Военное право. — 2024. — № 4. — С. 126—132.

Theses on the types of legal proceedings when appealing conclusions (decisions) based on the results of a military medical examination

© Naumov P.Y.,

Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Head of the Federal State Clinical Institution «Main Military Clinical Hospital of the National Guard of the Russian Federation» for legal work - Head of the Legal Support Department

Annotation. Appealing the actions and decisions of officials who are vested with public powers by law is an important guarantee on the part of the state for the restoration of violated or disputed rights. Military medical examination has its own specifics as a separate type of medical examination conducted in the Russian Federation. Conclusions and decisions resulting from a medical examination as part of a military medical examination may be revised based on the results of an independent military medical examination, and may also be appealed to a higher military medical commission or in court. In law enforcement activities, disputes often arise, the subject of which is within the framework of what type of legal proceedings carried out in the Russian Federation (usually civil or administrative) to consider cases of appealing the conclusions (decisions) of military medical commissions. The article substantiates the approach that dis-

putes about appealing the conclusions (decisions) of military medical (medical flight) commissions must be considered within the framework of administrative proceedings. At the same time, certain cases within the framework of disputes in the field of military medical examination, the subject of which is an appeal (establishment) of the causal relationship of injuries (wounds, injuries, concussions) or diseases, can be considered in the framework of civil proceedings, as disputes about the law. The study also describes the possibility of a pre-trial procedure for appealing the conclusions (decisions) of military medical (medical flight) commissions and evaluates the prospects for such an appeal.

Key words: right to defense; civil proceedings; administrative proceedings; medical examination; military medical examination; independent military medical examination; medical intervention; treatment; diagnostics; medical examination.

Правовые основы пропуска через государственную границу Российской Федерации российских граждан, имеющих двойное (множественное) гражданство

© Некрасов Александр Анатольевич,
доктор военных наук, профессор, ведущий
научный сотрудник Центра анализа проблем
пограничной безопасности

Аннотация. В статье исследуются некоторые положения, определяющие правовую характеристику двойного (множественного) гражданства в Российской Федерации. Проведен анализ документов на право пересечения Государственной границы, в том числе российскими гражданами, имеющими двойное (множественное) гражданство. Исследованы полномочия пограничных органов по выявлению правонарушений, связанных с несоблюдением правил выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию российскими гражданами с двойным (множественным) гражданством.

Ключевые слова: гражданство, двойное (множественное) гражданство, пограничный контроль, пропуск через государственную границу лиц, документы на право пересечения границы лицами.

Общеизвестно, что деятельность любых государственных органов и их должностных лиц должна основываться на праве и строиться, в первую очередь, в соответствии с принципом законности¹. Основой законности является наличие правовых норм, выраженных в различных источниках права, действие которых распространяется на ту или иную сферу деятельности в определенный отрезок времени. Иначе говоря, любая деятельность, в том числе и деятельность по контролю за соблюдением правил пересечения государственной границы Российской Федерации, должна иметь четкие правовые основы.

Так, основной закон Российской Федерации — Конституция Российской Федерации — определяет, что вопросы охраны границы являются компетенцией федеральных органов власти, кроме того, она гарантирует гражданам Российской Федерации право свободно выезжать за пределы Российской Федерации, а также беспрепятственно возвращаться в Российскую Феде-

рацию. В ней закреплено положение о том, что каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства (ст. 27). В ст. 61 Основного закона установлено, что гражданин Российской Федерации не может быть выслан за пределы Российской Федерации или выдан другому государству, и Российская Федерация гарантирует своим гражданам защиту и покровительство, в том числе и за ее пределами.

В Конституции Российской Федерации впервые введено понятие «двойное гражданство», в частности, в ст. 62 закреплено, что:

«1. Гражданин Российской Федерации может иметь гражданство иностранного государства (двойное гражданство) в соответствии с федеральным законом или международным договором Российской Федерации.

2. Наличие у гражданина Российской Федерации гражданства иностранного государства не умаляет его прав и свобод и не освобождает от обязанностей, вытекающих из российского гражданства, если иное не предусмотрено федеральным законом или международным договором Российской Федерации.

¹ Законность — совокупность многообразных, но одноплановых требований, связанных с отношением к законам и проведением их в жизнь. См.: Нерсесянц В.С. Проблемы общей теории права и государства. М., 2002. С. 254.

3. Иностранцы граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации».

Эти базовые конституционные положения являются основой для законодательных актов Российской Федерации, регулирующих вопросы пропуска через Государственную границу российских граждан с двойным (множественным) гражданством. Законодательство по этим вопросам делится на правовые акты, определяющие порядок пересечения границы данной категории лиц, и правовые акты, регулирующие деятельность федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих контроль за соблюдением этого порядка.

Анализ обстановки на путях международного сообщения показывает, что российские и иностранные граждане активно пользуются конституционной нормой на свободу передвижения. Так, если в 1993 г. через Государственную границу Российской Федерации было пропущено около 35 млн. лиц, то в 2023 г., даже в условиях попыток Запада по международной изоляции России — более 110 млн., то есть увеличение составило более 3 раз¹.

Определенную долю в этом потоке составляют российские граждане, имеющие двойное (множественное) гражданство. По данным МВД России к данной категории относятся свыше 543 тыс. российских граждан². По оценкам других экспертов сейчас более 1,5 млн. россиян имеют второе гражданство. Это подтверждается следующими данными: в 2019 г. с заявлением об изменении гражданства обратились 538 933 человека; в 2020 г. — 653 178 лиц; в 2021 г. — 716962 российских граждани-

на³.

В этих условиях учет особенностей пропуска через Государственную границу Российской Федерации российских граждан, имеющих двойное (множественное) гражданство, приобретает существенное значение.

В первую очередь необходимо проанализировать правовую характеристику категории «гражданство». В теории конституционного права гражданство составляет один из важнейших институтов, определяющих место личности в государстве и обществе. В свою очередь структура правового института гражданства включает определенные группы — субинституты (обособленные системы однородных норм, регулирующие и охраняющие более узкую группу общественных отношений, по сравнению с целым институтом): определение гражданства; приобретение и прекращение гражданства; гражданство детей; двойное и множественное гражданство и другие⁴.

Как уже отмечалось, согласно Конституции Российской Федерации, российский гражданин может иметь двойное гражданство в соответствии с федеральным законом или международным договором. В настоящее время Российская Федерация имеет действующие договоры о двойном гражданстве с тремя государствами: Республикой Таджикистан⁵, Республикой Южная Осетия⁶ и Республикой Абхазия⁷. Таким образом, официально российские

¹ Материалы Росстата. URL: https://www.rosstat/news_150324 (Дата обращения: 29.04.2024).

² https://tsargrad.tv/news/skolko-v-rossii-ljudej-s-dvojnym-grazhdanstvom-v-mvd-ozvuchili-dannye-za-poslednie-5-let_233095 (Дата обращения: 29.04.2024)

³ Дрогавцева Е.А. Право на гражданство: конституционные гарантии и проблемы реализации : дис. ... канд. юрид. наук. СПб.: С-Петербург. госуниверситет МВД России, 2023. С. 5.

⁴ См.: Дрогавцева Е.А. Указ. соч. С. 57—61.

⁵ Договор между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан об урегулировании вопросов двойного гражданства: подписан в Москве 7 сентября 1995 г.; ратифицирован Федеральным законом от 15 декабря 1996 г. № 152-ФЗ.

⁶ Соглашение между Республикой Южная Осетия и Российской Федерацией об урегулировании вопросов двойного гражданства: подписано в г. Цхинвал 20 сентября 2021 г., ратифицировано Федеральным законом от 28 мая 2-22 г. № 138-ФЗ.

⁷ Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Абхазия об урегулировании вопросов двойного гражданства : подписано в Москве 27 сентября 2022 г., ратифицировано Федеральным законом от 10 июля 2023 г. № 289-ФЗ.

граждане могут иметь двойное гражданство только с перечисленными странами.

По мнению ученых Е.А. Дрогавцевой, Е.М. Нешко, С.В. Черниченко, Конституция Российской Федерации устанавливает общие принципы института гражданства и важнейшие компоненты права на гражданство¹. В дальнейшем данные нормы реализуются в различных федеральных законах и других правовых актах.

Так, основные нормы, регулирующие правовое положение российских граждан, закреплены в Федеральном законе от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации». В законе установлено, что «гражданство Российской Федерации — устойчивая правовая связь лица с Российской Федерацией, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей». Кроме того, в данном законе закреплены следующие дефиниции:

— двойное гражданство — наличие у гражданина Российской Федерации гражданства (подданства) иностранного государства, с которым Российской Федерацией заключен международный договор о двойном гражданстве;

— множественное гражданство — наличие у гражданина Российской Федерации гражданства (подданства) иностранного государства, с которым Российской Федерацией не заключен международный договор о двойном гражданстве.

Таким образом, в Федеральном законе «О гражданстве Российской Федерации» закреплены конституционные нормы института двойного (множественного) гражданства и установлены особенности данного правового статуса по отношению к российскому государству. В частности, российский гражданин, имеющий двойное (множественное) гражданство, рассматривается в нашей стране только как

гражданин Российской Федерации, а приобретение гражданином Российской Федерации гражданства (подданства) иностранного государства не влечет за собой прекращение гражданства Российской Федерации.

Кроме того, федеральным законом предусматривается, что в отношении гражданина Российской Федерации, имеющего двойное (множественное) гражданство могут быть установлены некоторые дополнительные обязанности. Например, данные обязанности проявляются в общественных отношениях между российскими гражданами, имеющими двойное (множественное) гражданство, и органами исполнительной власти.

Так, о факте приобретения двойного (множественного) гражданства российский гражданин обязан подать не позднее чем в течение шестидесяти календарных дней соответствующее уведомление в органы МВД России² или в заграничные учреждения МИД России³. Данная информация вносится в Государственную систему миграционного и регистрационного учета, а

² Приказ МВД России от 20 сентября 2023 г. № 689 «Об установлении Порядка подачи уведомления о приобретении гражданства (подданства) иностранного государства либо получения вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства, уведомления об утрате гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства, в Министерство внутренних дел Российской Федерации или его территориальные органы, в том числе в электронной форме».

³ Приказ МИД России от 23 октября 2023 г. № 21573 «Об утверждении Порядка подачи уведомления о приобретении гражданства (подданства) иностранного государства либо получении вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства, в дипломатические представительства или консульские учреждения».

¹ См.: Дрогавцева Е.А. Указ. соч. С. 57—61; Нешко Е.М. Некоторые правовые аспекты сущности и содержания института гражданства в Российской Федерации // Эпомен. 2019. № 24; Черниченко С.В. Двойное гражданство и права человека в контексте взаимоотношений России с другими членами СНГ // Актуальные проблемы гражданства. Материалы международной научно-практической конференции по проблемам гражданства. М., 1995. С. 123.

также изготовления, оформления и контроля обращения документов, удостоверяющих личность (система «Мир»)¹.

Таким образом, информация о российских гражданах, имеющих двойное (множественное) гражданство, является доступной для компетентных органов исполнительной власти.

Однако по различным причинам не все российские граждане информируют органы МВД России или МИД России о приобретении двойного (множественного) гражданства. Так, за 2019—2021 годы двойное гражданство приобрели более 1,5 млн. российских граждан, однако уведомили об этом соответствующие органы только 543 тыс. человек, т.е. почти 2/3 граждан этой категории скрыли данный факт².

Основными правовыми актами, регулирующими отношения, которые возникают в пограничной сфере³ между Российской Федерацией, с одной стороны, и российскими гражданами, имеющими двойное (множественное) гражданство, с другой, являются:

— Закон Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» (далее — Закон о границе);

— Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Россий-

скую Федерацию» (далее — Закон о выезде и въезде);

— Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (далее — Закон о гражданстве).

Так, общий порядок пересечения государственной границы лицами устанавливает Закон о гражданстве, он является организационной основой, определяющей порядок пересечения государственной границы различными категориями лиц, в том числе российскими гражданами, имеющими двойное (множественное) гражданство и порядок их пропуска через границу. В нем установлено, что пересечение Государственной границы на суше лицами и транспортными средствами осуществляется на путях международного железнодорожного, автомобильного сообщения либо в иных местах, определяемых международными договорами Российской Федерации или решениями Правительства Российской Федерации.

Пропуск через Государственную границу лиц производится в установленных и открытых пунктах пропуска через Государственную границу и заключается в признании законности пересечения государственной границы лицами для въезда в Российскую Федерацию либо в разрешении на пересечение Государственной границы лицами, убывающими из пределов Российской Федерации.

Основанием для пропуска через Государственную границу российских граждан, имеющих двойное (множественное) гражданство, является наличие действительных документов на право въезда лиц в Российскую Федерацию или выезда их из Российской Федерации.

Учитывая, что согласно Закону о гражданстве российский гражданин, имеющий двойное (множественное) гражданство, рассматривается в нашем государстве только как гражданин Российской Федерации, то выезд из Российской Федерации и въезд в Российскую Федерацию данных лиц регулируются нормами Закона о выезде и въезде. В указанном законе установлено, что выезд из Российской Федерации и въезд в Российскую Федерацию граждане

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 6 августа 2015 г. № 813 «Об утверждении Положения о государственной системе миграционного и регистрационного учета, а также изготовления, оформления и контроля обращения документов, удостоверяющих личность».

² Дрогавцева Е.А. Указ. соч. С. 5; <https://tsargrad.tv/news/skolko-v-rossii-ljudej-s-dvojnym-grazhdanstvom-v-mvd-ozvuchili-dannye-za-poslednie-5-let> 233095 (Дата обращения: 29.04.2024).

³ Пограничная сфера государства — сфера жизнедеятельности государства, в которой осуществляется его трансграничное взаимодействие с другими государствами, связанное с пересечением физическими лицами государственной границы, а также перемещением через государственную границу товаров и транспортных средств : Модельный закон о пограничной безопасности (Принят в г. Санкт-Петербурге 28 октября 2010 г. постановлением 35-10 на 35-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ).

Российской Федерации осуществляют по действительным документам, удостоверяющим личность гражданина Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации.

Основными документами, удостоверяющими личность гражданина Российской Федерации, по которым граждане Российской Федерации осуществляют выезд из Российской Федерации и въезд в Российскую Федерацию, признаются:

1) внутрироссийский паспорт (в случаях, установленных международными договорами Российской Федерации);

2) свидетельство о рождении (для несовершеннолетних граждан Российской Федерации, не достигших возраста 14 лет, в случаях, установленных международными договорами Российской Федерации);

3) паспорт гражданина Российской Федерации, удостоверяющий личность гражданина Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации;

4) дипломатический паспорт;

5) служебный паспорт.

То есть, российские граждане, имеющие двойное (множественное) гражданство, могут пересекать Государственную границу только по документам, указанным в ст. 7 Закона о выезде и въезде.

Далее исследуем сферу общественных отношений между российскими гражданами, имеющими двойное (множественное) гражданство и следующими через Государственную границу, и органами исполнительной власти, осуществляющими контроль за соблюдением установленных правил пересечения границы.

В Законе о границе установлено, что пропуск лиц, транспортных средств, грузов, товаров и животных через Государственную границу включает осуществление пограничного и таможенного контроля. Далее в указанном законе установлено, что только пограничные органы имеют полномочия пропускать лиц через государственную границу и в этих целях они «осуществляют контроль за соблюдением имеющих разрешительный или уведомительный характер правил режима Государственной границы. Кроме того, пограничные органы осуществляют производство по

делам об административных правонарушениях, отнесенным к их ведению законодательством Российской Федерации, в пределах своей компетенции рассматривают эти дела и исполняют постановления по ним».

В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) за нарушение правил пересечения Государственной границы Российской Федерации установлена ответственность в соответствии со ст. 18.1 («Нарушение режима Государственной границы»). Полномочия рассматривать дела об административных правонарушениях по данной статье закреплены за должностными лицами пограничных органов, в том числе за сотрудниками подразделений пограничного контроля.

Содержание пограничного контроля регламентировано постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июня 2012 г. № 546¹. Так, под пограничным контролем понимается государственный контроль, который заключается в проведении комплекса действий по признанию законности пересечения государственной границы лицами, въезжающими в Российскую Федерацию, либо в разрешении на пересечение Государственной границы лицами, выезжающими из Российской Федерации, а также в осуществлении действий по обнаружению и задержанию нарушителей правил пересечения Государственной границы.

В постановлении закреплено, что пограничный контроль включает контроль лиц для установления оснований на право выезда из Российской Федерации или въезда в Российскую Федерацию», а в ходе его проведения осуществляется «проверка действительности документов у лиц, следующих через Государственную границу, на право въезда в Российскую Федерацию или выезда из Российской Федерации.

Одним из признаков «действительности

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 4 июня 2012 г. № 546 «Об утверждении положения о содержании пограничного контроля при пропуске лиц, транспортных средств, грузов, товаров и животных через государственную границу Российской Федерации».

документов» является факт выдачи документа на право пересечение Государственной границы полномочным государственным органом. Для российских граждан такими органами являются МВД России и МИД России. Следовательно, при предъявлении на пограничном контроле российским гражданином, имеющим двойное (множественное) гражданство, документа на право пересечения государственной границы, выданного органами другого государства, данный документ не будет признаваться действительным для въезда в Российскую Федерацию или выезда из неё.

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. Российские граждане, имеющие двойное (множественное) гражданство, могут выезжать из Российской Федерации и въезжать в Российскую Федерацию только по документам, указанным в ст. 7 Закона о выезде и въезде. При этом, документы другого государства, гражданство которого имеют российские граждане, не являются действительными для пересечения государственной границы Российской Федерации данной категорией лиц.

2. Нарушение правил режима Государственной границы (т.е. её пересечение по недействительным документам) российскими гражданами, имеющими двойное (множественное) гражданство, является административным правонарушением, ответственность за которое предусмотрена ст. 18.1 КоАП РФ.

3. Только пограничные органы имеют

право проверять у российских граждан, в том числе имеющих двойное (множественное) гражданство, наличие действительных документов на право выезжать из Российской Федерации и въезжать в Российскую Федерацию, а также осуществлять производство по делам об административных правонарушениях, ответственность за которые предусмотрена статьей 18.1 КоАП РФ.

Таким образом, с вступлением в силу Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» на пограничные органы возлагается дополнительная задача по выявлению в пунктах пропуска через границу лиц, имеющих двойное (множественное) гражданство и нарушающих при этом нормы Закона о выезде и въезде и Закона о границе.

Библиография

1. Дрогавцева, Е.А. Право на гражданство: конституционные гарантии и проблемы реализации : дис. ... канд. юрид. наук / Е.А. Дрогавцева. — Санкт-Петербург: С-Петерб. госуниверситет МВД России, 2023. — 284 с.

2. Нерсесянц, В.С. Проблемы общей теории права и государства / В.С. Нерсесянц. — Москва, 2002.

3. Нешко, Е.М. Некоторые правовые аспекты сущности и содержания института гражданства в Российской Федерации / Е.М. Нешко // Эпомен. — 2019. — № 24. — С. 180—197.

4. Черниченко, С.В. Двойное гражданство и права человека в контексте взаимоотношений России с другими членами СНГ / С.В. Черниченко // Актуальные проблемы гражданства. Матер. межд. науч.-практ. конф. по проблемам гражданства. — Москва, 1995.

The legal basis for the passage of Russian citizens with dual (multiple) citizenship across the State border of the Russian Federation

© Nekrasov A.A.,

Doctor of Military Sciences, Professor, Leading Researcher at the Center for Analysis of Border Security Problems

Annotation. The article examines some provisions defining the legal characteristics of dual (multiple) citizenship in the Russian Federation. The analysis of documents for the right to cross the state border, including by Russian citizens with dual (multiple) citizenship, was carried out. The author examines the powers of border authorities to identify offenses related to non-compliance with the rules of depar-

ture from the Russian Federation and entry into the Russian Federation by Russian citizens with dual (multiple) citizenship.

Keywords: citizenship, dual (multiple) citizenship, border control, passage of persons across the state border, documents for the right to cross the border by persons.

Совершенствование правовых механизмов применения физической силы военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации при осуществлении административного задержания

© Обуховский Илья Николаевич,
капитан юстиции, помощник командира по
правовой работе

Аннотация. Предметом настоящей статьи является проблема отсутствия правового механизма применения физической силы военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации (за исключением должностных лиц военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации) при осуществлении административного задержания.

Ключевые слова: военно-административное право, применение физической силы военнослужащими, административное задержание, должностные лица, охраняемые объекты.

Развитие российского законодательства идет стремительными темпами. Только за 2023 г. в России издано более 177 000 нормативных правовых актов, из них федерального уровня — более 9 700¹. Особенно актуальным процесс законодательства представляется в период мобилизации и проведения специальной военной операции (СВО), когда проводится мобилизация отечественного законодательства.

20 сентября 2023 г. на официальном интернет-портале правовой информации опубликован приказ Министра обороны Российской Федерации от 3 сентября 2023 г. № 589 «Об установлении Перечня должностных лиц Вооруженных Сил Российской Федерации, имеющих право составлять протоколы об административных правонарушениях и уполномоченных осуществлять административное задержание», который наделил ряд должностных лиц полномочиями по осуществлению административного задержания в соответствии с п. 13 ч.1 ст. 27.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) при выявлении административных правонарушений, предусмотренных ч. 3 ст. 20.17 КоАП РФ.

В частности, такими должностными лицами являются:

- 1) командир воинской части (корабля);
- 2) начальник штаба, заместитель командира воинской части;
- 3) начальник, офицеры службы защиты государственной тайны воинской части;
- 4) военный комендант железнодорожного (водного) участка и станции (порта, аэропорта);
- 5) дежурный по воинской части.

Вместе с тем, за непродолжительное время действия приказа, на практике возник ряд вопросов по его применению. Как справедливо отметили авторы монографии «Военное право», «... развитие военного законодательства, а также складывающаяся на его основе правоприменительная практика значительно опережают теоретические военно-правовые исследования»².

Как видно из приведенного перечня лиц, уполномоченных осуществлять административное задержание, в нем нет упоминания о должностных лицах военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации, то есть определенные

¹ Официальный интернет-портал правовой информации // URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 19 февраля 2024 г.).

² Военное право : монография : в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. I : История и теория военного права (с предисловием). М. : Центр правовых коммуникаций, 2021. С. 9.

полномочия получили не совсем «профильные» лица.

И если в отношении военной полиции вопросов не возникает, ведь для осуществления возложенных на нее функций, перечисленных в ст. 20 Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 25 марта 2015 г. № 161 (УВП ВС РФ), имеется серьезная законодательная база, то вопросы есть в отношении остальных военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации.

Исследование заявленной темы следует начать с уяснения содержания термина «административное задержание» и рассмотрения случаев, когда оно может проводиться военнослужащими.

Во-первых, под административным задержанием понимается кратковременное ограничение свободы физического лица, которое может быть применено в исключительных случаях, если это необходимо для обеспечения правильного и своевременного рассмотрения дела об административном правонарушении, исполнения постановления по делу об административном правонарушении¹.

Во-вторых, в контексте рассматриваемого вопроса административное задержание военнослужащими может проводиться только при выявлении административных правонарушений, предусмотренных ч. 3 ст. 20.17 КоАП РФ, т.е. в случае самовольного проникновения на охраняемый в установленном порядке объект Вооруженных Сил Российской Федерации, если это действие не содержит признаков уголовно наказуемого деяния.

Итак, рассмотрим две ситуации, когда правонарушитель самовольно проник на охраняемый в установленном порядке объект Вооруженных Сил Российской Федерации: при его обнаружении он не оказывает сопротивления должностным лицам или активно сопротивляется.

В первом случае не возникает затруднений в пресечении административного правонарушения, его дальнейшего оформ-

ления и передаче для рассмотрения уполномоченным органам и должностным лицам.

Во втором случае есть вопрос: возможно ли военнослужащим применить в отношении правонарушителя меры непосредственного принуждения, в частности — физическую силу?

Федеральным законом от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» в ст. 27 закреплено, что для исполнения должностных и специальных обязанностей, в том числе в военной полиции, военнослужащие могут наделяться дополнительными правами на применение оружия, физической силы, специальных средств, предъявление требований, обязательных для исполнения, подчинение строго определенным лицам и другими правами, которые определяются федеральными законами, общевойсковыми уставами, УВП ВС РФ и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

То есть, по смыслу закона, на период исполнения специальных обязанностей в целях их качественного и безусловного исполнения военнослужащий может наделяться дополнительными правами (на применение оружия, вооружения и специальной техники, специальных средств и т.п.), которых он лишен в обычных, повседневных условиях служебной деятельности².

Статьей 25.1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» установлено, что военнослужащие военной полиции имеют право применять физическую силу, в том числе боевые приемы борьбы, специальные средства, огнестрельное оружие, боевую и специальную технику в случаях и порядке, которые предусмотрены федеральными конституционными законами, федеральными законами, общевойсковыми уставами и УВП ВС РФ.

Так, пунктом 10 прил. № 2 к УВП ВС РФ определено, что военнослужащие военной полиции имеют право применять

¹ См. ст. 27.3 КоАП РФ.

² Корякин В.М. Комментарий к Федеральному закону «О статусе военнослужащих». М.: Центр правовых коммуникаций, 2018. С. 319.

физическую силу, в том числе боевые приемы борьбы, для пресечения преступлений или административных правонарушений, участниками которых являются военнослужащие, доставления в военную полицию военнослужащих, совершивших преступление, административное правонарушение или дисциплинарный проступок, и их задержания, преодоления сопротивления законным требованиям военнослужащего военной полиции, если несиловые способы не обеспечивают исполнения обязанностей военнослужащими военной полиции.

Проведя анализ действующих нормативных правовых актов можно сделать вывод, что основное внимание законодателя уделено военной полиции, ведь в соответствии с уже названной ст. 25.1 Федерального закона «Об обороне» именно она предназначена в пределах своей компетенции обеспечивать противодействие преступности и защиту других охраняемых законом правоотношений в области обороны¹.

Что же сказано в законе об остальных военнослужащих⁷

Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации (УВС ВС РФ), утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2011 г. № 1495, в статье 25, предусмотрено, что для исполнения должностных и специальных обязанностей, в том числе в военной полиции, военнослужащие могут наделяться дополнительными правами на применение оружия, физической силы, специальных средств, предъявление требований, обязательных для исполнения, на подчинение строго определенным лицам и другими правами, которые определяются федеральными законами, общевоинскими уставами, УВП ВС РФ и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

По нашему мнению, общее обозначение в руководящих документа возможности применения физической силы, огра-

ничиваясь голыми формулировками без определения конкретных случаев и порядка ее применения, а также уровня ответственности должностных лиц не позволяет самим исполнителям в полной мере осуществлять возложенные на них функции.

Чуть больше конкретизированы случаи применения физической силы военнослужащими в Уставе гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации (УГиКС ВС РФ), утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2011 г. № 1495.

Так, данным нормативным правовым актом установлено, что при выполнении отдельных мероприятий на военнослужащих распространяются положения законодательства Российской Федерации о войсках национальной гвардии Российской Федерации² в части, касающейся условий, порядка и пределов применения физической силы, специальных средств, оружия, боевой и специальной техники, гарантий личной безопасности, правовой и социальной защиты военнослужащих и членов их семей³.

Это мероприятия, когда войска гарнизона в исключительных случаях на основании указа Президента Российской Федерации могут привлекаться к обеспечению режима чрезвычайного положения для выполнения следующих задач⁴:

а) поддержание особого режима въезда на территорию, на которой введено чрезвычайное положение, и выезда с нее;

б) охрана объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения и функционирование транспорта, и объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей, а также окружающей природной среды;

в) разъединение противоборствующих сторон, участвующих в конфликтах, сопровождающихся насильственными

¹ Борисов А.Н. Комментарий к Федеральному закону от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» (постатейный) // СПС Консультант Плюс. 2015.

² См. ст. 19 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226 «О войсках национальной гвардии Российской Федерации».

³ Ст. 337 УГиКС ВС РФ.

⁴ Там же, ст. 332.

действиями с применением оружия, боевой и специальной техники;

г) участие в пресечении деятельности незаконных вооруженных формирований.

Аналогичные положения изложены в ст. 17 Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении».

Из положений действующего законодательства можно заключить, что ставится зависимость наличие полномочий по применению физической силы военнослужащими от их участия в определенных мероприятиях при введении режима чрезвычайного положения и при этом, повторимся, они лишены таких полномочий в обычных, повседневных условиях служебной деятельности.

В связи с наличием исчерпывающего перечня случаев, когда военнослужащие могут применять физическую силу и учитывая императивность данных норм, имеет место необходимость расширения данного перечня и закрепления соответствующих полномочий для военнослужащих при нахождении их на охраняемых в установленном порядке объектах Вооруженных Сил Российской Федерации и исполнении возложенных на них специальных обязанностей.

Определение в руководящих документах порядка и особенностей применения физической силы военнослужащими позволит устранить пробелы правового регулирования рассматриваемого вопроса, разграничить ответственность должностных лиц, а также, в некоторых случаях, исключить их уголовную ответственность. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 указано: «судам следует иметь в виду, что если военнослужащие при исполнении обязанностей военной службы, предусматривающих применение физической силы, специальных средств, оружия, боевой и специальной техники, действовали в соответствии с требованиями законов, уставов, положений и иных нормативных правовых актов, предусматривающих основания и порядок их применения, то

они не подлежат в этих случаях уголовной ответственности за причиненный ими вред».

Полагается целесообразным проработать вопрос о внесении изменений в ст. 13 УВС РФ, дополнив её абзацем вторым и третьим следующего содержания:

«В исключительных случаях, военнослужащие при исполнении специальных обязанностей имеют право лично или в составе подразделения применять физическую силу, в том числе боевые приемы борьбы, для пресечения преступлений или административных правонарушений, участниками которых являются военнослужащие, доставления, совершивших преступление, административное правонарушение или дисциплинарный проступок, и их задержания, если несиловые способы не обеспечивают исполнения таких обязанностей военнослужащими.

В случаях применения физической силы военнослужащим руководствоваться положениями Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации.».

Кроме этого, решение данной проблемы не будет противоречить Военной доктрине Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976), которая, в числе прочих, называет одной из основных задач Вооруженных Сил, других войск и органов в мирное время участие в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности.

Таким образом, чтобы ответить на вопрос о возможности применения физической силы военнослужащими при производстве административного задержания на охраняемых в установленном порядке объектах Вооруженных Сил Российской Федерации, необходимо в руководящих документах точно определить порядок и особенности применения физической силы военнослужащими, как это сделано для военной полиции. В противном случае, каждое такое применение физической силы будет являться игрой с огнем.

Библиография

1. Борисов, А.Н. Комментарий к Федеральному закону от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» (постатейный) // СПС «Консультант Плюс», 2015.

2. Военное право : монография : в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. — Т. I : История и теория военного права (с предисловием). — Москва : Центр правовых коммуникаций, 2021. — 560 с.

3. Корякин, В.М. Комментарий к Федеральному закону «О статусе военнослужащих» / В.М. Корякин. — Москва: Центр правовых коммуникаций, 2018.

4. Корякин, В.М. Применение оружия, специальных средств и физической силы военнослужащими при выполнении служебных задач по обеспечению законности и правопорядка // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2016. — № 3. — С. 24—32.

Improving the legal mechanisms for the use of physical force by military personnel of the Armed Forces of the Russian Federation during administrative detention

© **Obuhovskij I.N.**

captain of justice, assistant commander for legal work

Abstract. The subject of this article is the problem of the lack of a legal mechanism for the use of physical force by military personnel of the Armed Forces of the Russian Federation (with the exception of officials of the military police of the Armed Forces of the Russian Federation) during administrative detention.

Keywords: military administrative law, use of physical force by military personnel, administrative detention, officials, protected facilities.

Военные аспекты гражданского права

Правовые аспекты применения специальных экономических мер в целях обеспечения проведения специальной военной операции

© **Корякин Виктор Михайлович**,
доктор юридических наук, профессор. ФГКВОУ
ВО «Военный университет имени князя Алек-
сандра Невского» Минобороны России; ФГАОУ
ВО «Российский университет транспорта»

Аннотация. В статье представлен анализ и научный комментарий положений Федерального закона «Об обороне», касающихся установления и применения специальных экономических мер в условиях проведения специальной военной операции. Проанализированы имеющиеся законодательстве и в литературе подходы к пониманию сущности и содержания таких экономических мер, показана их роль в обеспечении специальной военной операции. Дана краткая характеристика основных разновидностей специальных экономических мер, проанализированы особенности осуществления закупок товаров, работ и услуг в интересах материального обеспечения войск, задействованных в специальной военной операции. Уделено внимание особенностям трудовых отношений на предприятиях оборонно-промышленного комплекса в условиях действия режима специальной военной операции.

Ключевые слова: специальная военная операция; специальные экономические меры; закупочная деятельность; гособоронзаказ.

Правовой режим специальной военной операции (СВО) по денацификации и демилитаризации Украины, осуществляемой Российской Федерацией с февраля 2022 г., оказал и продолжает оказывать существенное влияние практически на все сферы жизни общества — политическую, экономическую, правовую, социальную, духовную и др. За этот период постепенно осуществляется перестройка функционирования всех этих сфер с мирного на военный лад, что уже неоднократно бывало ранее в истории России. Наиболее ярким примером на этот счет является Великая Отечественная война 1941—1945 г.¹

В значительной степени успешное решение задач СВО зависит от полноты и своевременности обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск и воинских формирований вооруже-

нием, военной и специальной техникой (ВВСиТ), материальными средствами для повседневной жизнедеятельности участвующих в СВО войск (сил), потребности в которых существенно возросли. Это обусловлено во-первых, ростом численности войск, задействованных в СВО, в том числе созданием новых объединений, соединений и воинских частей; во-вторых, необходимостью постоянного наращивания огневого воздействия на противника; в-третьих, потребностью восполнения потерь ВВСиТ вследствие действий противоборствующей стороны; в-четвертых, возросшей интенсивностью и объемами применения новых высокотехнологичных средств вооруженной борьбы (беспилотных воздушных и наземных наступательных и оборонительных средств, средств радиоэлектронной борьбы (РЭБ) и др.).

При этом следует иметь в виду, что речь идет не о простом увеличении объемов выпуска продукции как предприятиями оборонно-промышленного комплекса (ОПК), так и иными производителями

¹ Мунчаев Ш.М., Журавлева Г.П. Начало Великой Отечественной войны и перестройка народного хозяйства страны на военный лад // Вестник Международного института экономики и права. 2015. № 4 (21). С. 93—110.

продукции военного и двойного назначения, а об изменении всей организации деятельности задействованных в этом процессе отраслей промышленности в целях всестороннего материально-технического обеспечения Объединенной группировки войск (сил) по проведению СВО.

Основным способом обеспечения удовлетворения потребностей войск в материальных средствах является закупочная деятельность. Как отмечается в научной литературе, в условиях действия экстраординарных правовых режимов, к которым в полной мере относится режим СВО, применительно к сфере публичных закупок законодатель предусмотрел следующие дополнения (изъятия из общего правового режима), которые могут «запускаться» в том числе при введении специального административно-правового режима: 1) упрощенные механизмы закупок, характеризующиеся оперативностью и большей дискрецией правоприменителя; 2) отступление от общих правил транспарентности; 3) отступление от правил неизменности контрактов¹.

Именно в целях ускорения процедур проведения закупок для нужд СВО уже через 4 месяца после начала СВО Федеральный закон «Об обороне» был дополнен очень значимой по регулируемому кругу вопросов статьей 26.1, определяющей правовые основы обеспечения проведения Вооруженными Силами Российской Федерации, другими войсками, воинскими формированиями и органами контртеррористических и иных операций за пределами территории Российской Федерации².

Указанной статьей в целях обеспечения проведения Вооруженными Силами, другими войсками, воинскими формированиями и органами контртеррористических и иных операций за пределами территории Российской

Федерации Правительству Российской Федерации предоставлены полномочия по принятию решений о введении специальных мер в сфере экономики. К числу таких мер рассматриваемый закон, в частности, относит:

1) проведение мероприятий, осуществляемых федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и организациями, порядок их финансирования и материально-технического обеспечения;

2) временное расконсервирование мобилизационных мощностей и объектов;

3) разбронирование материальных ценностей государственного резерва;

4) установление особенностей правового регулирования трудовых отношений в отдельных организациях, их структурных подразделениях и на отдельных производственных объектах, включая установление порядка и условий привлечения к работе за пределами продолжительности рабочего времени, в ночное время, выходные и нерабочие праздничные дни, предоставления ежегодных оплачиваемых отпусков.

В обобщенном виде правовой режим функционирования экономики России в условиях специальной военной операции можно представить в следующем виде (см. рисунок).

Рассмотрим представленный на схеме правовой режим более подробно.

В порядке реализации предоставленных ему полномочий Правительство Российской Федерации постановлением от 3 октября 2022 г. № 1745³ в качестве специальной меры в сфере экономики узаконило право исполнительных органов субъектов Российской Федерации и казенных учреждений субъектов Российской Федерации

¹ Соловьев М.С. Особенности осуществления публичных закупок в условиях экстраординарных правовых режимов // Российский юридический журнал. 2023. № 5. С. 165.

² Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 272-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 3 октября 2022 г. № 1745 «О специальной мере в сфере экономики и внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2020 г. № 616».

(за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации, за исключением субвенций из федерального бюджета), органов местного самоуправления и муниципальных казенных учреждений (за счет средств местных бюджетов, за исключением субвенций из бюджетов субъектов Рос-

сийской Федерации), бюджетных и автономных учреждений и унитарных предприятий (за счет субсидий, предоставленных из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации) осуществлять закупки товаров, в том числе товаров двойного назначения.

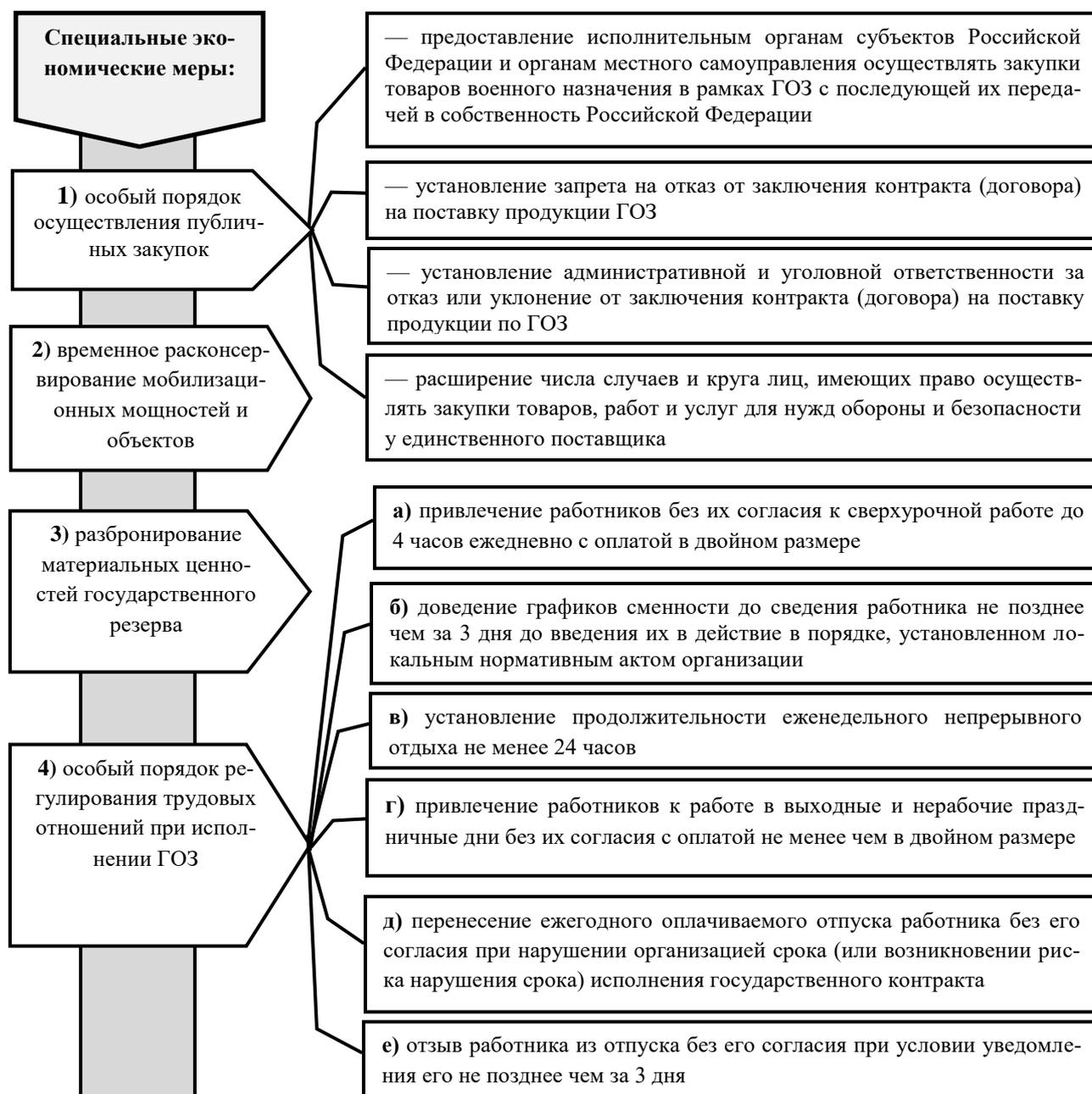

Рисунок. Правовой режим применения специальных экономических мер в целях обеспечения проведения Вооруженными Силами, другими войсками, воинскими формированиями и органами специальной военной операции

К числу закупаемых таким способом товаров отнесены беспилотные летательные аппараты, средства радиосвязи, электроники, приборы ночного видения, тепловизи-

онные бинокли и прицелы, средства обнаружения беспилотных летательных аппаратов, приборы обнаружения оптических, лазерных и иных систем наведения, авто-

транспорт и автозапчасти, обмундирование, туристическое снаряжение, лекарственные препараты и медицинские изделия, средства личной гигиены, продовольствие, стройматериалы и инструменты, обработанные и необработанные лесоматериалы, работы (услуги). Эти товары и иные материальные ценности и результаты работ (услуг) передаются из собственности субъекта Российской Федерации и муниципальной собственности в федеральную собственность.

Тем же постановлением Правительства Российской Федерации установлено, что закупка товаров, результаты работ (оказанных услуг) и (или) передача имущества (результатов работ, оказанных услуг) в целях реализации изложенной выше специальной меры в сфере экономики, осуществляется на основании заявок, направленных уполномоченными Минобороны России центральными органами военного управления (иными подразделениями), органами управления военных округов, территориальными органами, в том числе военными комиссариатами, подведомственными Минобороны России учреждениями, территориальными органами МЧС России и МВД России, воинскими частями, подразделениями (органами), организациями войск национальной гвардии Российской Федерации и территориальными органами Росгвардии, органами федеральной службы безопасности, территориальными органами ФСИН России, уполномоченному исполнительному органу соответствующего субъекта Российской Федерации (органу местного самоуправления), содержащих наименование и количество объектов имущества и (или) объемов работ (услуг). Также установлено, что передача имущества, в том числе созданного в результате выполнения работ (оказания услуг), субъектом Российской Федерации и (или) муниципальным образованием в федеральную собственность осуществляется на безвозмездной основе с оформлением актов о приеме-передаче. Данные акты являются основанием для возникновения права собственности

Российской Федерации на поставленное имущество.

Федеральный закон «Об обороне» также дополнен очень важной нормой о том, что в случае принятия Правительством Российской Федерации решения о введении рассмотренной выше специальной меры в сфере экономики, юридические лица независимо от их организационно-правовой формы и формы собственности не вправе отказываться от заключения в соответствии с федеральными законами от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» и от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» договоров, государственных контрактов (контрактов) на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг в целях обеспечения проведения Вооруженными Силами, другими войсками, воинскими формированиями и органами контртеррористических и иных операций за пределами территории Российской Федерации.

Нарушение установленного запрета на отказ юридических лиц от заключения договоров, государственных контрактов (контрактов) влечет юридическую ответственность виновных в этом лиц:

а) в соответствии со ст. 7.29.2 КоАП РФ:

— отказ или уклонение поставщика российских вооружения и военной техники, которые не имеют российских аналогов, единственного поставщика (исполнителя, подрядчика), определенного законодательными актами Российской Федерации, актами Президента Российской Федерации, актами Правительства Российской Федерации, от заключения государственного контракта по государственному оборонному заказу, если заключение такого государственного контракта является обязательным для указанных лиц, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния,

влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от 30 000 до 50 000 руб.; на юридических лиц — от 300 000 до 1 000 000 руб.;

— отказ или уклонение поставщика (исполнителя, подрядчика), занимающего в соответствии с законодательством Российской Федерации в сфере государственного оборонного заказа доминирующее положение, от заключения договора, необходимого для выполнения государственного оборонного заказа, если заключение такого договора является обязательным для указанного лица, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния, влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от 30 000 до 50 000 руб.; на юридических лиц — от 300 000 до 1 000 000 руб.;

б) в соответствии со ст. 201.3 и 285.6 УК РФ отказ или уклонение лица (должностного лица), подвергнутого административному наказанию за деяние, предусмотренное ст. 7.29.2 КоАП РФ, от заключения государственного контракта по государственному оборонному заказу либо договора, необходимого для выполнения государственного оборонного заказа, если заключение таких государственного контракта либо договора является обязательным в соответствии с федеральным законом, наказывается штрафом в размере от 1 000 000 руб. До 3 000 000 руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 1 года до 3 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 10 лет либо лишением свободы на срок от 4 до 8 лет со штрафом в размере от 500 000 руб. до 1 000 000 руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 3 до 4 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет.

Кроме того, упомянутым выше Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 272-ФЗ внесены изменения в ст. 3.6 Федерального закона «О закупках товаров,

работ, услуг отдельными видами юридических лиц», согласно которым в случае принятия Правительством Российской Федерации специальных мер в сфере экономики заказчик вправе осуществлять у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика) закупку товаров, работ, услуг, необходимых для выполнения государственного оборонного заказа, а также для формирования запаса продукции, сырья, материалов, полуфабрикатов, комплектующих изделий, предусмотренного п. 3—3.2 ст. 7.1 Федерального закона «О государственном оборонном заказе». Аналогичная норма содержится в Федеральном законе «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», в п. 56 ч. 1 ст. 93 которого указано, что осуществление федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики в области обороны (Минобороны России), подведомственными ему государственными учреждениями и государственными унитарными предприятиями, иными федеральными органами исполнительной власти, перечень которых утверждается Правительством Российской Федерации¹, подведомственными им государственными учреждениями и государственными унитарными предприятиями закупок товаров, работ, услуг в целях проведения специальной военной операции, а также в целях выполнения специальных задач по обеспечению обороны и безопасности государства, в том числе противодействия

¹ Распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2022 г. № 3514-р в Перечень федеральных органов исполнительной власти, которые могут осуществлять закупки товаров, работ, услуг в соответствии с п. 56 ч. 1 ст. 93 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» включены: МВД России, МЧС России, СВР России, ФСБ России, Росгвардия, ФСО России, ФСИН России, ГУСП, Росрезерв, ФССП России, ФСТЭК России.

терроризму, может осуществляться у единственного поставщика.

Мотивы законодательного расширения круга лиц, которые вправе в условиях СВО осуществлять закупки продукции военного назначения у единственного поставщика, вполне понятны и обоснованы. Длительные и зачастую бюрократические процедуры проведения конкурентных процедур по выбору поставщиков товаров, услуг, исполнителей работ для нужд военных организаций могут привести срыву выполнения боевых задач. Войска в условиях боевых действия нуждаются в ВВиСТ и материально-технических средствах здесь и сейчас, оперативно и без волокиты. Механизм закупок у единственного поставщика весьма существенно сокращает сроки поставки продукции от поставщика до конечного потребителя — воинского подразделения, конкретного военнослужащего. Специалистами в области публичных выделяются несколько факторов, обуславливающих возможность выбора рассматриваемой формы. В их числе — ограниченность заказчика во времени, исключая достижение требуемого результата в связи с длительностью конкурентных процедур (приобретение товаров, потребность в которых возникла вследствие непреодолимой силы), обусловленность закупки целями обеспечения безопасности и др.¹

Однако у данного способа определения поставщика имеется весьма существенный риск возникновения коррупционных отношений. Коррупциогенность фактора, связанного с отказом от конкурсных процедур, очевидна; более того, данный фактор прямо указан в Методике проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 26

февраля 2010 г. № 96². Риск возникновения коррупционных ситуаций в данном случае определяется тем, что заказчик на внешне вполне законных основаниях получает возможность по собственному усмотрению определять контрагента, с которым заключается государственный контракт (договор) на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для нужд военных организаций. В связи с этим повышается вероятность того, что в роли такого контрагента окажется организация, с которой у заказчика имеется договоренность об «откате», т.е. получении должностным лицом организации-заказчика незаконного вознаграждения за содействие во включении поставщика в число единственных поставщиков.

Согласно п. 2 ч. 1 ст. 93 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» статус единственного поставщика получают организации на основании специальных постановлений или распоряжений Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации³. Как показывает наша новейшая история, иногда некоторым организациям удается получить статус единственного поставщика без достаточных на то оснований. Именно это произошло, например, с рядом дочерних структур ОАО «Оборонсервис», которые, пользуясь высоким покровительством со стороны бывшего Министра обороны Российской Федерации А.Э.Сердюкова, сумели добиться издания ряда решений Правительства Российской Федерации⁴ об

² Постановление Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов».

³ Указ Президента Российской Федерации от 14 сентября 2020 г. № 558 «Об утверждении Порядка подготовки проектов правовых актов и поручений Президента Российской Федерации, проектов правовых актов Правительства Российской Федерации об определении единственного поставщика (подрядчика, исполнителя)»

⁴ В 2009—2012 гг. было издано 8 распоряжений Правительства Российской Федерации, определяющих структуры ОАО «Оборонсервис» единственными поставщиками товаров и

¹ Соловьев М.С. Закупка товаров, работ, услуг у единственного поставщика: от размещения заказа к контрактной системе // Налоги и финансовое право. 2014. № 4. С. 107—108.

определении их единственными поставщиками продукции и услуг, которые никак нельзя отнести к разряду не имеющих аналогов. В число таких товаров и услуг указанными правительственными распоряжениями были включены сельскохозяйственная продукция и продовольственные товары; электрическая и тепловая энергия; услуги по питанию, хлебопечению, поставке хлеба, банно-прачечному обслуживанию и индивидуальному пошиву предметов военной формы одежды; холодная вода; услуги по отведению и очистке сточных вод. Монопольное положение ОАО «Оборонсервис» на рынке поставок указанной продукции и услуг для воинских частей и учреждений Минобороны России привело к значительному перерасходу средств федерального бюджета, их хищению, снижению качества поставляемых товаров и оказываемых услуг, многочисленным коррупционным правонарушениям. Итогом стала ликвидация этой печально известной коммерческой структуры.

Важнейшим элементом особого правового режима деятельности предприятий и организаций, задействованных в производстве продукции для обеспечения СВО, является законодательное предоставление Правительству Российской Федерации права устанавливать особенности правового регулирования трудовых отношений в отдельных организациях, их структурных подразделениях и на отдельных производственных объектах, включая установление порядка и условий привлечения к работе за пределами продолжительности рабочего времени, в ночное время, выходные и нерабочие праздничные дни, предоставления ежегодных оплачиваемых отпусков. В этих целях издано постановление Правительства Российской Федерации от 1 августа 2022 г.

исполнителями работ (ОАО «Агропром», ОАО «Оборонэнергосбыт», ОАО «Военторг», ОАО «Главное управление обустройства войск», ОАО «Ремонтно-эксплуатационное управление», ОАО «Славянка»).

№ 1365 «Об особенностях правового регулирования трудовых отношений в отдельных организациях, их структурных подразделениях и на отдельных производственных объектах».

Данным нормативным документом установлены особенности трудовых отношений в отдельных организациях оборонно-промышленного комплекса, их структурных подразделениях и на отдельных производственных объектах, участвующих в исполнении государственных контрактов по реализации государственного оборонного заказа, в период введения Правительством Российской Федерации специальных мер в сфере экономики. В этих организациях допускается:

а) привлечение работников, выполняющих работы, непосредственно связанные с исполнением государственных контрактов в организациях, являющихся соответственно работодателями по отношению к этим работникам, к сверхурочной работе в течение года без их согласия, продолжительность которой не должна превышать для каждого работника 4 часов ежедневно с оплатой всех сверхурочно отработанных часов не менее чем в двойном размере;

б) доведение графиков сменности до сведения работника не позднее чем за 3 дня до введения их в действие в порядке, установленном локальным нормативным актом организации;

в) установление продолжительности еженедельного непрерывного отдыха не менее 24 часов;

г) привлечение работников к работе в выходные и нерабочие праздничные дни без их согласия с оплатой не менее чем в двойном размере, при этом число дней еженедельного отдыха в текущем месяце должно быть не менее числа полных недель этого месяца;

д) перенесение ежегодного оплачиваемого отпуска работника без его согласия при нарушении организацией срока (или возникновении риска нарушения срока) исполнения государственного контракта, при этом отпуск должен быть

предоставлен работнику не позднее 18 месяцев после окончания того рабочего года, за который он предоставляется, либо часть отпуска, превышающая 21 день, по заявлению работника может подлежать замене денежной компенсацией;

е) отзывать работника из отпуска без его согласия при условии уведомления его не позднее чем за 3 дня в случаях и порядке, которые предусмотрены локальным нормативным актом организации.

Месяцем позже совместным приказом Минпромторга России и Минтруда России от 2 сентября 2022 г. утверждены методические рекомендации по порядку применения названного постановления Правительства Российской Федерации¹.

В научных публикациях представлен достаточно подробный анализ особенностей правового регулирования трудовых отношений, установленных указанными правовыми актами². В частности, при рассмотрении особенностей организации трудовой деятельности в период военного положения и действия специальных мер в сфере экономики выявлены понятийная неопределенность, расхождения в порядке, содержании и пределах воздействия на сферу труда, сложности применения и спорные моменты нововведений, отмечены отсутствие общей концепции и однородности регулирования труда в условиях чрезвычайных обстоятельств. Упорядочить нормативные положения

предложено через их ориентирование на то, что противодействие угрозам национальной безопасности является системообразующим основанием дифференциации правового регулирования отношений в сфере труда.

Учитывая то обстоятельство, что в решении задач всестороннего материально-технического обеспечения СВО задействован довольно обширный круг органов и организаций, актуальной проблемой является обеспечение согласованности и скоординированности субъектов этой деятельности. В этих целях Указом Президента Российской Федерации от 21 октября 2022 г. № 763 образован Координационный совет при Правительстве Российской Федерации по обеспечению потребностей Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов. Целью создания данного совещательного органа является организация взаимодействия федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации при решении вопросов, связанных с обеспечением в ходе проведения СВО потребностей Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов (в том числе в части, касающейся поставок и ремонта ВВиСТ, материальных средств, медико-санитарного обслуживания, проведения ремонтно-восстановительных, строительно-монтажных и иных работ, обеспечения логистики.

В качестве основных задач Координационного совета обозначены:

а) принятие решений по координации деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по обеспечению в ходе проведения СВО потребностей Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов;

б) решение вопросов, связанных с обеспечением Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов ВВиСТ, материальными средствами и ресурсами, в том числе с выполнением работ и оказанием услуг в этих целях;

¹ Приказ Минпромторга России № 3750, Минтруда России № 508 от 2 сентября 2022 г. «Об утверждении методических рекомендаций по порядку применения постановления Правительства Российской Федерации от 1 августа 2022 г. № 1365 "Об особенностях правового регулирования трудовых отношений в отдельных организациях, их структурных подразделениях и на отдельных производственных объектах"»

² Аракелян К.Э., Аракелян Г.К. Вопросы об особенностях правового регулирования трудовых отношений в отдельных организациях, связанных с выполнением оборонного законодательства // Оборонно-промышленный комплекс: управление, экономика и финансы, право. 2023. № 5. С. 118—122; Парамонова С.В. Особенности правового регулирования отношений в сфере труда при введении военного положения и специальных мер в сфере экономики: проблемы и перспективы гармонизации // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 3. С. 135—149.

в) определение целевого задания по обеспечению в ходе проведения СВО потребностей Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов, ключевых направлений и сроков выполнения такого задания, а также осуществление контроля за его выполнением. Ключевые направления выполнения целевого задания включают в себя в том числе поставку и ремонт ВВиСТ, материальных средств, медико-санитарное обслуживание, проведение ремонтно-восстановительных, строительномонтажных и иных работ, обеспечение логистики;

г) формирование плана выполнения целевого задания по обеспечению в ходе проведения СВО потребностей Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов с учетом ключевых направлений его выполнения, в том числе определение сроков и объемов осуществления поставок товаров, выполнения работ и оказания услуг, объемов и источников финансирования;

д) определение объемов и направлений расходования бюджетных средств для осуществления поставок товаров, выполнения работ и оказания услуг в целях обеспечения в ходе проведения СВО потребностей Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов;

е) решение вопросов, связанных с формированием цен на товары, работы, услуги, необходимые для обеспечения в ходе проведения СВО потребностей Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов;

ж) подготовка предложений по определению поставщиков (подрядчиков, исполнителей), субподрядчиков, соисполнителей для осуществления поставок товаров, выполнения работ и оказания услуг в целях обеспечения в ходе проведения СВО потребностей Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов;

з) оказание содействия в обеспечении создания объектов военной инфраструктуры, в том числе в оборудовании казарм, мест дислокации

войск (сил), полигонов, учебно-тренировочных баз и объектов социально-бытового назначения;

и) координация цифровизации, автоматизации и информационно-аналитического обеспечения в области обороны, в том числе создание баз данных мобилизационных ресурсов;

к) организация контроля за осуществлением поставок товаров, выполнением работ и оказанием услуг в целях обеспечения в ходе проведения СВО потребностей Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов.

В заключение представляется целесообразным предложить внесение уточнения терминологического характера в ст. 26.1 Федерального закона «Об обороне». В данной статье идет речь об обеспечении проведения Вооруженными Силами, другими войсками, воинскими формированиями и органами контртеррористических и иных операций за пределами территории Российской Федерации. Фактически же СВО проводится как на территории иностранного государства (Украины), так и на территориях прилегающих к данному государству субъектов Российской Федерации. Данное обстоятельство требует внесения соответствующих корректировок в Федеральный закон «Об обороне».

Библиография

1. Аракелян, К.Э. Вопросы об особенностях правового регулирования трудовых отношений в отдельных организациях, связанных с выполнением оборонного законодательства / К.Э. Аракелян, Г.К. Аракелян // Оборонно-промышленный комплекс: управление, экономика и финансы, право. — 2023. — № 5. — С. 118—122.
2. Мунчаев, Ш.М. Начало Великой Отечественной войны и перестройка народного хозяйства страны на военный лад / Ш.М. Мунчаев, Г.П. Журавлева // Вестник Международного института экономики и права. — 2015. — № 4 (21). — С. 93—110.
3. Парамонова, С.В. Особенности правового регулирования отношений в сфере труда при введении военного положения и специальных мер в сфере экономики: проблемы и перспективы гармонизации / С.В. Парамонова // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 3. — С. 135—149.
4. Соловьев, М.С. Закупка товаров, работ, услуг у единственного поставщика: от размещения

заказа к контрактной системе / М.С. Соловьев // Налоги и финансовое право. — 2014. — № 4. — С. 106—110.

5. Соловьев, М.С. Особенности осуществления публичных закупок в условиях экстраординарных

правовых режимов / М.С. Соловьев // Российский юридический журнал. — 2023. — № 5. — С. 163—172.

Legal aspects of the application of special economic measures in order to ensure the conduct of a special military operation

© Koryakin V.M.,

Doctor of Law, Professor. Federal State Educational Institution of Higher Education "Prince Alexander Nevsky Military University" of the Ministry of Defense of the Russian Federation; Federal State Educational Institution of Higher Education "Russian University of Transport"

Annotation. The article presents an analysis and scientific commentary on the provisions of the Federal Law "On Defense" concerning the establishment and application of special economic measures in the context of a special military operation. The approaches available in legislation and in the literature to understanding the essence and content of such economic measures are analyzed, their role in ensuring a special military operation is shown. A brief description of the main types of special economic measures is given, the features of the procurement of goods, works and services in the iterations of material support for troops involved in a special military operation are analyzed. Attention is paid to the peculiarities of labor relations at enterprises of the military-industrial complex under the conditions of the special military operation regime.

Keywords: special military operation; special economic measures; procurement activities; state defense order.

Юридическая ответственность военнослужащих

Об особенностях применения дисциплинарного ареста командирами и начальниками в отношении военнослужащих, принимающих участие в специальной военной операции: анализ законодательства

© Минтягов Станислав Андреевич,
юрист, преподаватель

© Азовцев Александр Александрович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
(вооружения и стрельбы) Московского
высшего общевойскового командного училища

Аннотация. В статье анализируется Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 231-ФЗ «Об особенностях применения и исполнения дисциплинарного ареста в отношении военнослужащих, принимающих участие в специальной военной операции», устанавливающий порядок применения дисциплинарного ареста воинскими должностными лицами, а также другие правовые акты в данной области. Цель проведённого исследования: обеспечить понимание и прояснение правовых основ, регламентирующих применение дисциплинарного ареста командирами и начальниками. Авторами выделены наиболее распространённые проблемы, которые могут возникнуть при применении дисциплинарного ареста на практике, и предлагаются возможные пути их решения. Статья представляет интерес для юристов, военных специалистов, а также для всех, кто интересуется вопросами правового регулирования дисциплинарной ответственности военнослужащих.

Ключевые слова: военнослужащие, дисциплинарная ответственность, дисциплинарный арест, специальная военная операция (СВО).

В условиях современной военной действительности вопрос дисциплины и порядка в войсках является крайне актуальным. В связи с этим в российском военном законодательстве произошли изменения, включающие введение права применения командирами и начальниками дисциплинарного ареста как вида взыскания в отношении военнослужащих, принимающих участие в специальной военной операции. Однако практика применения этой меры наказания будет сопряжена с рядом нюансов, что требует тщательного анализа правовых актов, регулирующих данную сферу.

Важное место в военном законодательстве занимают нормы, регулирующие процессуальную деятельность командиров по реализации мер дисциплинарной ответственности военнослужащих¹. Эти нормы

образуют правовой институт дисциплинарного производства², основу которого, наряду с уже существующими, составит недав-

Российской Федерации // Военное право. 2020. № 1 (59). С. 140—156.

² См. подробнее: Минтягов С.А. Правовые основы деятельности военной полиции Вооружённых Сил Российской Федерации при выполнении специальных задач на территории иностранного государства в условиях военного конфликта // Материалы межведомственной научно-практической конференции «185 лет военно-юридическому образованию России». М.: Военный университет, 2017. С. 98—109; Азовцев А.А., Минтягов С.А. Особенности привлечения военнослужащих к дисциплинарной ответственности должностными лицами военной полиции Вооружённых Сил Российской Федерации, командирами и начальниками в условиях военного конфликта // Сборник научных трудов Военного университета. 2019. № 4. С. 168—175; Минтягов С.А. Организационно-правовые основы деятельности военной полиции Вооружённых Сил Российской Федерации : монография. М.: ВГУЮ (РПА Минюста России), 2021. С. 188—189.

¹ Азовцев А.А. Процессуальные проблемы дисциплинарного производства в Вооружённых Силах

но принятый Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 231-ФЗ «Об особенностях применения и исполнения дисциплинарного ареста в отношении военнослужащих, принимающих участие в специальной военной операции».

Настоящая публикация представляет собой аналитический обзор вышеуказанного закона, целью которого является прояснение некоторых юридических аспектов и нюансов применения дисциплинарного ареста командирами и начальниками, что позволит обеспечить законное и эффективное его применение в целях поддержания дисциплины и порядка в войсках.

Стоит отметить, что возможность применения дисциплинарного ареста именно воинскими должностными лицами, а не судами, в особых условиях, то есть в период военного (вооруженного) конфликта, уже исследовалась нами в более ранних публикациях (с 2017 по 2021 г.). В качестве научно сформулированных предложений предлагалось наделить таким правом начальников военной полиции как субъектов органов правопорядка.

Кроме этого, Минобороны России выходило с подобной инициативой в 2019 г. Однако данная инициатива не нашла поддержки, в первую очередь в Верховном Суде Российской Федерации, где указали, что дисциплинарный арест является мерой, связанной с лишением свободы, которой может лишиться человек только в судебном порядке, ссылаясь на Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, в подп. «а» п. 1 ст. 5 которой указано, что никто не может быть лишён свободы иначе как в случаях законного содержания под стражей лица, осуждённого компетентным судом.

Но как мы можем сегодня наблюдать, военно-политическая обстановка в мире и военная необходимость диктуют нам свои правила. В этой связи необходимо сказать, что действие вышеупомянутой Конвенции в отношении Российской Федерации с 16 марта 2022 г. прекращено в связи с принятием Федерального закона от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ.

Федеральный закон «Об особенностях применения и исполнения дисциплинарно-

го ареста в отношении военнослужащих, принимающих участие в специальной военной операции» наделил некоторых командиров и начальников правом применять дисциплинарный арест к определённой категории военнослужащих. Сам законопроект с момента поступления в Государственную Думу и до принятия претерпел несколько важных изменений.

В первоначальной редакции он назывался «О некоторых особенностях применения дисциплинарного взыскания — дисциплинарный арест в период мобилизации, в период действия военного положения, в военное время». В процессе обсуждения была предложена новая редакция его названия: «Об особенностях применения и исполнения дисциплинарного ареста в отношении военнослужащих, принимающих участие в специальной военной операции».

Данная поправка существенно изменила действие закона как во времени, так и пространстве. Если в первоначальной редакции предполагалось применение дисциплинарного ареста в конкретный период (мобилизации, военного положения, в военное время), то к принятию закона в окончательном варианте он стал распространяться только на военнослужащих, принимающих участие в специальной военной операции. Первоначальная редакция по смыслу являлась шире, поскольку могла применяться ко всем военнослужащим, как находящимся в районе проведения СВО, так и на других территориях Российской Федерации. Данный наш вывод основывается на практике применения уголовного законодательства по привлечению военнослужащих к ответственности, в основе которого лежит временной период — мобилизация, военное положение или военное время. Действие уголовного закона распространяется на всех военнослужащих независимо от места их нахождения.

Таким образом, окончательная редакция определила применение данной нормы в пространстве, уточнив при этом (путём изложения ст. 1 Закона в новой редакции), что дисциплинарный арест командирами и начальниками может применяться только в отношении военнослужащих, участвующих в СВО в настоящем времени. То есть за

совершения ими грубых дисциплинарных проступков на определённой территории (местности). Такой территорией, согласно п. 1 ст. 1 Закона является территория Украины, а также территории России, где введено военное положение.

Однако, данная формулировка не позволит применить положения данного правового акта, например, в других конфликтах. Для этого придётся принимать другой закон или вносить изменения в этот. На наш взгляд, в этой части закон существенно потерял в универсальности своего применения и может породить дополнительную работу как органов военного управления, так и законодательных органов в случаях новых конфликтов и связанных с этим правовых режимов, либо применение Вооруженных Сил за пределами Российской Федерации.

Другим изменением на стадии обсуждения законопроекта было исключение из него очень важного аспекта — применение дисциплинарного ареста командирами и начальниками в случаях, когда другие меры оказались безуспешными. С одной стороны, это очень важный аспект в институте дисциплинарной ответственности военнослужащих, поскольку как указано в п. 4 ст. 28.4 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» дисциплинарный арест является крайней мерой дисциплинарного воздействия и применяется в исключительных случаях. При этом в законе не говорится что является крайней мерой и примеры исключительных случаев не приводятся.

С другой стороны, данная правовая норма могла породить неопределённость в части её применения и могла быть истолкована так, что до наложения данного взыскания к военнослужащему должны были быть применены иные виды наказания, которые не возымели должного воспитательного характера, другими словами, наличие рецидива являлось обязательным.

Следующие изменения коснулись субъектов правоприменения, то есть должностных лиц, имеющих право налагать данный вид взыскания. В прежнем варианте законопроекта предполагалось к командирам и начальникам отнести командиров

воинских частей и военных комендантов гарнизонов. По нашему мнению, если с командирами воинских частей всё более или менее понятно, то вот с военными комендантами гарнизонов не очень. Напомним, что данные должностные лица (военные коменданты гарнизонов) исключены из правовых актов, а именно из Устава гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил (ст. 28—34 утратили силу с 29 июля 2011 г. в соответствии с Указом Президента Российской Федерации № 1039). Устав военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации также не содержит такого понятия.

В соответствии с поправками, внесёнными депутатами Государственной Думы, правом применять дисциплинарный арест наделяются командиры воинских частей, в том числе начальники органов управления другими войсками, начальники органов военной полиции, начальники гарнизонов.

Отметим, что, с одной стороны, в системе правоприменения появился новый субъект — начальник органа управления другими войсками, с другой стороны, ранее под командиром воинской части понимались не только должностные лица Вооруженных Сил, но также и других органов и воинских формирований, поскольку на военнослужащих данных структур распространяется действие Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации (ДУ ВС РФ).

На наш взгляд данная поправка является актуальной и наиболее подходящей для субъектов правоприменения дисциплинарного ареста, поскольку в СВО участвуют не только подразделения Вооруженных Сил, но также и других войск, воинских формирований и органов. Таким образом законодатели конкретизировали субъектов применения дисциплинарного ареста.

Предложенная депутатами формулировка ст. 3 Закона практически идентична (в части военнослужащих Вооруженных Сил) статье 75 ДУ ВС РФ, в которой разграничиваются дисциплинарные полномочия между начальниками органов военной полиции и начальниками гарнизонов.

Однако с учётом предмета регулирования анализируемого Закона, распространя-

емого на нарушения, совершенные на определённых территориях (Украины и России в местностях, где введено военное положение), должностные лица в виде начальника гарнизона являются явно лишними, поскольку понятие гарнизон в условиях СВО приобретает иной смысл. Более того, если применять аналогию права, то в ст. 8 Федерального закона от 1 декабря 2006 г. № 199-ФЗ «О судопроизводстве по материалам о грубых дисциплинарных проступках при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста и об исполнении дисциплинарного ареста» идет речь только про командира воинской части и начальника органа военной полиции.

В этой связи мы считаем, что будет вполне эффективно и целесообразно, если полномочия по применению дисциплинарного взыскания в особых (перечисленных в ст. 75 ДУ ВС РФ и ст. 3 Закона) случаях от начальника гарнизона перейдут к начальнику органа военной полиции.

Вместе с тем, в структуре военной полиции имеются не только органы, но ещё и воинские части, подразделения и специализированные органы. И не все они являются органами военной полиции и наоборот. Более подробно данный аспект рассматривался одним из авторов настоящей статьи¹.

На первый взгляд, формулировки, приведенные в ст. 3 Закона и ст. 75 ДУ ВС РФ, являются идентичными, но это не так. Нормы ст. 3 Закона являются более корректными по отношению к нормам ст. 75 ДУ ВС РФ с точки зрения юридической техники.

Проблемы применения военного законодательства, связанного с неоднозначностью толкования некоторых правовых норм с конкретными примерами, имеющими место в практике также уже исследовались одним из авторов. В статье рассматривались спорные действующие правовые нор-

мы и предлагались авторские формулировки².

Норма, приведенная в ст. 75 ДУ ВС РФ, является противоречивой и порождает неоднозначность её толкования воинскими должностными лицами, включая и военную прокуратуру. Предложенная автором формулировка практически полностью совпадает с поправками депутатов и исключает возможность её искажения. Однако отметим, что это будет касаться только применения дисциплинарного ареста командирами и начальниками.

Поэтому очень важно правильно сконструировать правовую норму, не допускающую двойного и неоднозначного толкования. И здесь стоит отметить, что данная работа Государственной Думой выполнена на отлично.

Также в ходе доработки законопроекта Государственной Думой был уточнён срок дисциплинарного ареста. В первоначальном варианте он предполагал до 10 суток за один или несколько грубых дисциплинарных проступков. В конечном варианте за один грубый дисциплинарный проступок максимально возможное наказание 10 суток дисциплинарного ареста, а за несколько грубых дисциплинарных проступков — 15 суток путём частичного или полного сложения сроков ареста.

Данные поправки, на наш взгляд, являются более правильными и логичными, поскольку это соответствует нормам уголовного права (ст. 69 УК РФ) и административного права (ст. 4.4. КоАП РФ), а также судебной практики в данной области (см., например Определение Верховного Суда Российской Федерации № 301-ЭС23-25028 по делу № А11-10811/2022 о назначении административного наказания обществу, привлеченному к ответственности за наличие в его действиях 14 событий правонарушений, выявленных в результате одной проверки).

¹ Минтягов С.А. Особенности правового статуса военнослужащих военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 1. С. 45—54.

² Минтягов С.А. Некоторые правовые аспекты правоприменения в деятельности военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации в специальной военной операции // Военное право. 2023. № 1 (77). С. 143—152.

Стоит также отметить, что некоторыми депутатами предлагалось установить срок дисциплинарного ареста, находящегося в компетенции командиров и начальников, 2 суток, но данная поправка была отклонена. В этом случае срок дисциплинарного ареста был бы равен сроку дисциплинарного задержания, предусмотренному ст. 28.5 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

Исследуемый нами Закон определил перечень грубых дисциплинарных проступков, за которые может быть назначено наказание в виде дисциплинарного ареста. Здесь мы поясним, что в действующем законодательстве (в ст. 28.5 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и приложении № 7 к ДУ ВС РФ) содержится 27 видов грубых дисциплинарных проступков, за которые может быть применен дисциплинарный арест. При этом в направленном в Государственную Думу законопроекте содержалось только 19 грубых дисциплинарных проступков, а в принятом их стало 20.

Грубый дисциплинарный проступок, условно под номером 19, изначально был изложен как «нарушение запретов, установленных в пунктах 1.1 и 1.3 статьи 7 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих». В ходе внесения поправки данный проступок был разделён на два самостоятельных, один из которых предполагает ответственность за нарушение п. 1.1 ст. 7 ФЗ-76 условно назовём как «запрет на соцсети», а другой — за нарушение п. 1.3 ст. 7 ФЗ-76 — «запрет иметь при себе электронные изделия». Отметим, что в процессе обсуждения было внесено важное дополнение, касающееся запрета «иметь при себе электронные изделия» и заключающееся в том, что данный запрет не будет распространяться на военнослужащих, если указанные изделия используются для выполнения своих обязанностей.

Считаем, что данная формулировка, разделяющая и уточняющая данные виды грубых дисциплинарных проступков, более корректна, поскольку в п. 1.1 и в п. 1.3 ст. 7 ФЗ-76 содержатся разные по объективной

стороне составы дисциплинарного проступка.

Именно эта норма и вызвала повышенное внимание со стороны общественности и некоторых средств массовой информации, в связи с чем заслуживает отдельного исследования.

Некоторые сохранившие «прописку» проступки, поменяли формулировку. Так, например, ответственность за незаконное оставление части или места службы стала распространяться на всех военнослужащих без указания на их статус по призыву. А из «неявки в срок без уважительных причин на службу» были исключены случаи увольнения из расположения воинской части или с корабля на берег.

Кроме этого, в новой редакции закона было указано, что применение и исполнение дисциплинарного ареста за грубые дисциплинарные проступки, не предусмотренные ст. 2 рассматриваемого Федерального закона, но предусмотренные п. 2 ст. 28.5 Федерального закона «О статусе военнослужащих», осуществляются без учета особенностей, установленных принятым Федеральным законом (п. 5 ст. 2).

Отметим, что перед разработчиками данного Закона и законодателями¹ стояла задача, сложность которой заключалась в необходимости обеспечения баланса между правами и свободами военнослужащих и требованиями военной безопасности, поэтому правовое регулирование в данной области должно учитывать особенности ведения боевых действий и обеспечивать эффективное применение дисциплинарных мер наказания в рамках законности и уважения к правам человека.

Напомним, что целью настоящего исследования является обеспечение понимания и прояснение правовых основ, регламентирующих применение дисциплинарного ареста командирами и начальниками. В этой связи мы зададимся вопросом: «Почему только 20 проступков вошли в новый

¹ Некоторые законопроекты разрабатываются органами исполнительной власти, в данном случае Министерством обороны Российской Федерации, а депутаты Государственной Думы или партии только формально являются субъектами права законодательной инициативы.

закон?». Как мы уже отметили выше, 7 грубых дисциплинарных проступков были исключены из нового закона. Остановимся на них более подробно.

В законопроект не вошли следующие виды грубых дисциплинарных проступков, предусмотренных ст. 28.5 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и приложением № 7 к ДУ ВС РФ:

1) отсутствие военнослужащего без уважительных причин более четырех часов подряд в течение установленного ежедневного служебного времени;

2) непринятие командиром мер по предупреждению или пресечению дисциплинарного проступка, привлечению военнослужащего к дисциплинарной ответственности, а равно сокрытие командиром информации о совершении военнослужащим преступления, административного правонарушения или дисциплинарного проступка;

3) административное правонарушение, за которое военнослужащий в соответствии с КоАП РФ несет дисциплинарную ответственность;

4) умышленная порча либо утрата по небрежности документа, удостоверяющего личность военнослужащего;

5) нарушение порядка выезда из Российской Федерации;

6) нарушение требований правовых актов в сфере разведывательной и оперативно-розыскной деятельности;

7) заведомо незаконное привлечение военнослужащего к дисциплинарной или материальной ответственности;

Ещё раз важно подчеркнуть, что за проступки, совершённые военнослужащими, принимающими участие в СВО и не вошедшими в новый закон, по-прежнему может быть применён дисциплинарный арест в порядке, предусмотренным Федеральным законом «О судопроизводстве по материалам о грубых дисциплинарных проступках при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста и об исполнении дисциплинарного ареста», то есть по решению суда.

Переходя к вопросу о целесообразности принятия такого закона в целом, отметим, что данный вопрос не так однозначен,

и как в любой другой новой норме есть свои положительные и отрицательные моменты.

В пользу применения данной дисциплинарной меры только судебными органами можно привести следующие доводы:

1) защита прав человека: суд обеспечивает соблюдение прав человека, предоставляя военнослужащему право на защиту, на представление доказательств и на обжалование решения, в том числе на участие в деле защитника;

2) профессионализм: судьи являются профессиональными юристами, которые обучены принимать обоснованные решения, учитывая все обстоятельства дела;

3) независимость от командования: судьи не подчиняются военному командованию, что делает их решения менее подверженными влиянию и более объективными.

Аргументы в пользу прав командиров и начальников по применению дисциплинарного ареста:

1) малозначительность противоправного деяния в сравнении с преступлением;

2) отсутствие судебных органов, аналогичным военным трибуналам, то есть судебных органов, находящихся в составе войск и в достаточном количестве;

3) загруженность судов: судебная система может быть перегружена, что может привести к задержкам в рассмотрении дел и более длительному пребыванию под арестом военнослужащих. В случаях, когда военнослужащий задержан, судья обязан рассмотреть дело в те же сутки с момента поступления материалов;

4) оперативность: применение дисциплинарного ареста командирами и начальниками позволит более ускоренно реализовать применение данных дисциплинарных мер в ситуациях, требующих быстрого реагирования. Данный аргумент особенно актуален в военное время.

Вопрос о том, кто должен применять дисциплинарный арест — суды или командование — является сложным. Не существует однозначного ответа, так как каждый из вариантов имеет свои преимущества и недостатки. Важно учитывать конкретные условия и обстоятельства, а также

баланс между необходимостью поддержания дисциплины в армии и защитой прав человека.

Многие юристы — противники принятия данного закона ссылаются на ст. 22 Конституции Российской Федерации, где указано, что арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению и до которого лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов.

Однако в соответствии с Федеральным конституционным законом от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» задержание, в частности административное, допускается на срок до 30 суток (ст. 7 п. 12.1).

С началом проведения специальной военной операции принцип военной необходимости во многом перевернул устоявшиеся многие десятилетия правовые нормы и понятия, как в области национального законодательства, так и международного. Всё больше нормативных правовых актов, так или иначе касающихся военных действий, подлежат пересмотру¹.

В целом мы поддерживаем данный Закон по наделению командиров и начальников правом налагать дисциплинарный арест, поскольку этого требует военная необходимость. В связи с этим продолжаем отстаивать ранее выдвинутую нами точку зрения, согласно которой право применять дисциплинарный арест (в отношении военнослужащих Вооруженных Сил) следует сохранить только за начальниками органов военной полиции, поскольку главное предназначение военной полиции — это правопорядок. При этом статус (положение) органов и других подразделений военной полиции, участвующих в СВО, необходимо прояснить и более чётко урегулировать.

Данное право как исключительная компетенция военной полиции позволит создать некую гибридную модель при привлечении военнослужащих к дисциплинарной ответственности в виде ареста в осо-

рых ситуациях, когда требуется немедленное реагирование.

Также на основе проведённого анализа данного законодательного акта выделим несколько проблемных аспектов, нуждающихся, на наш взгляд, в доработке.

Мы считаем, что было не совсем правильным исключать из нового закона такой проступок как «административное правонарушение, за которое военнослужащий в соответствии с КоАП РФ несёт дисциплинарную ответственность», поскольку отдельные составы административных правонарушений предусматривают наказание аналогичное дисциплинарному аресту — административный арест. Как правило данное наказание предусмотрено за наиболее тяжкие, если можно так выразиться, административные правонарушения. По нашему мнению, данный проступок мог быть включен в перечень нового закона с уточнением, что дисциплинарный арест применяется только за те административные правонарушения, за которые КоАП РФ предусмотрен административный арест.

За отсутствие военнослужащего, принимающего участие в СВО, без уважительных причин более четырех часов подряд в течение установленного ежедневного служебного времени дисциплинарный арест полномочиями командиров и начальников не предусмотрен. Таким образом, в случае отсутствия военнослужащего более двух суток сразу будет предусмотрена уголовная ответственность в соответствии с ч. 2.1 ст. 337 УК РФ. Данный грубый дисциплинарный проступок необходимо включить в перечень нового Закона, но как повторный. В противном случае, со стороны военнослужащих возможны случаи злоупотребления правом или, точнее сказать, пользование пробелом, в соответствии с которым военнослужащий будет исполнять обязанности периодически.

В заключении сделаем несколько обобщающих выводов:

1. Принятый Федеральный закон «Об особенностях применения и исполнения дисциплинарного ареста в отношении военнослужащих, принимающих участие в специальной военной операции», с учётом

¹ Минтягов С.А. Международно-правовой статус российских военных полицейских как участников военных конфликтов // Военное право. 2024. № 1 (81). С. 128—136.

военной необходимости является актуальным.

2. Поступивший в Государственную Думу и принятый в окончательном чтении законопроект претерпел множество изменений. В целом все изменения, на наш взгляд, являются правильными и обоснованными.

3. В целях предотвращения злоупотреблений и незаконного применения дисциплинарного ареста, а также обеспечения справедливого и эффективного применения данной меры, некоторые положения принятого закона нуждаются в доработке.

Библиография

1. Азовцев, А.А. Особенности привлечения военнослужащих к дисциплинарной ответственности должностными лицами военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации, командирами и начальниками в условиях военного конфликта / А.А. Азовцев, С.А. Минтягов // Сборник научных трудов Военного университета. — 2019. — № 4. — С. 168—175.

2. Азовцев, А.А. Процессуальные проблемы дисциплинарного производства в Вооруженных Силах Российской Федерации / А.А. Азовцев // Военное право. — 2020. — № 1 (59). — С. 140—145.

3. Минтягов, С.А. Международно-правовой статус российских военных полицейских как участников военных конфликтов / С.А. Минтягов // Военное право. — 2024. — № 1 (81). — С. 128—136.

4. Минтягов, С.А. Некоторые правовые аспекты правоприменения в деятельности военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации в специальной военной операции / С.А. Минтягов // Военное право. — 2023. — № 1 (77). — С. 143—152.

5. Минтягов, С.А. Организационно-правовые основы деятельности военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации : монография / С.А. Минтягов. — Москва: ВГУЮ (РПА Минюста России), 2021. — 470 с.

6. Минтягов, С.А. Особенности правового статуса военнослужащих военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации / С.А. Минтягов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2024. — № 1. — С. 45—54.

7. Минтягов, С.А. Правовые основы деятельности военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации при выполнении специальных задач на территории иностранного государства в условиях военного конфликта / С.А. Минтягов // Материалы межведомственной научно-практической конференции «185 лет военно-юридическому образованию России». — Москва: Военный университет. 2017. — С. 98—109.

On the specifics of the application of disciplinary arrest by commanders and superiors in relation to military personnel taking part in a special military operation: analysis of legislation

© Mintyagov S.A.,

lawyer, teacher

© Azovtsev A.A.,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Armament and Shooting Moscow Higher Combined Arms Command School

Abstract. The article analyzes the federal law adopted on July 31, 2024 "On the specifics of the application and execution of disciplinary arrest against military personnel taking part in a special military operation", which establishes the procedure for the application of disciplinary arrest by military officials, as well as other legal acts in this area.

The purpose of the study was to provide an understanding and clarification of the legal framework governing the use of disciplinary arrest by commanders and superiors. The authors identify the most common problems that may arise when applying disciplinary arrest in practice, and suggest possible ways to solve them.

The article is of interest to lawyers, military specialists, as well as to anyone interested in the legal regulation of disciplinary responsibility of military personnel.

Keywords: military personnel, disciplinary responsibility, disciplinary arrest, special military operation.

Привлечение военнослужащих к материальной ответственности: обзор решений военных судов

© Рыбалкин Андрей Николаевич,
кандидат исторических наук, заместитель
начальника военного учебного центра при
Российском государственном университете
правосудия

© Харитонов Станислав Станиславович,
кандидат юридических наук, профессор

Аннотация. Авторами представлен обзор судебных решений по привлечению военнослужащих к материальной ответственности. Показаны отдельные разночтения соответствующих правовых норм со стороны воинских должностных лиц и виновных в причинении ущерба.

Ключевые слова: военная служба, военнослужащий, материальная ответственность военнослужащих, военные суды, судебная практика.

Здоровое законодательство стремится не к кодификации теорий, а к достижению практических целей.

Лоренц фон Штейн

Действующее военное-административное законодательство определяет должностные обязанности воинских должностных лиц по сохранности материальных средств, являющихся собственностью Российской Федерации и закрепленных за воинской частью, в том числе и необходимость привлечения военнослужащих за ущерб, причиненный ими при исполнении обязанностей военной службы имуществу воинской части, к материальной ответственности. Условия, основания и размеры указанной ответственности, порядок возмещения причиненного ущерба регулируется Федеральным законом от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих» (далее — Закон о материальной ответственности военнослужащих), критический анализ которого подвергался военными юристами¹.

Баранников М.М., Харитонов С.С. Материальная ответственность военнослужащих: что нового в судебной практике? // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 4 (309). С. 15—27; Баранников М.М., Харитонов С.С. Материальная ответственность военнослужащих: компенсация ущерба военной организации (военно-судебная практика) // Военное право. 2024. № 2 (84). С. 78—85; Кириченко Н.С. Обзор предложений по совершенствованию законодательства о материальной ответственности военнослужащих // Военное право. 2022. № 5 (75). С. 113—119; Кириченко Н.С. Административный порядок привлечения военнослужащих к материальной ответственности // Военное право. 2020. № 4 (62). С. 96—100; Корякин В.М., Харитонов В.С. Об обеспечении законности при подготовке граждан к военной службе и призыве на военную службу // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2019. № 12 (269). С. 60—65; Леонтьев В.Н., Харитонов С.С. Материальная ответственность военнослужащих за ущерб имуществу воинской части, ее основания, условия: практика военных судов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 4 (321). С. 43—51; Миронов В.С., Харитонов С.С. Материальная ответственность военнослужащих: практические вопросы из анализа военно-судебной практики // Военное право. 2021. № 6 (70). С. 222—228, и др.

¹ См., например: Гусейнова Н.Ч., Титов А.В., Тюрин А.И. Комментарий к Федеральному закону «О материальной ответственности военнослужащих» (постатейный). М.: За права военнослужащих, 2010;

Отметим, что масштабные изменения в данный Закон были внесены в 2020 г. Однако проведение специальной военной операции вызывает необходимость дальнейших корректировок Закона о материальной ответственности военнослужащих.

Так, например, в соответствии со ст. 22¹ Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» Минобороны России созданы добровольческие формирования, которые содействуют выполнению отдельных задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации в ходе специальной военной операции.

Добровольческие формирования обеспечиваются вооружением, военной техникой, материально-техническими средствами. Граждане, пребывающие в добровольческих формированиях, наравне с военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации, участвуют в боевых действиях.

Вместе с тем какая-либо материальная ответственность за утрату или намеренное приведение в негодность вооружения, военной техники и военного имущества, переданных для выполнения задач, у граждан, пребывающих в добровольческих формированиях, отсутствует.

При этом согласно ст. 28 Закона о статусе военнослужащих «доброволец» в зависимости от характера и тяжести совершенного им правонарушения привлекается, в том числе, и к материальной ответственности.

Поэтому в целях установления для них ответственности за утрату либо намеренное приведение в негодность выданных материальных средств и имущества планируются изменения в Закон о материальной ответственности военнослужащих¹.

¹ См. подробнее: Законопроект № 440006-8 «О внесении изменений в Федеральный закон "О материальной ответственности военнослужащих" (о материальной ответственности граждан, пребывающих в добровольческих формированиях).» URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/440006-8> (дата обращения 27.08.2024).

Однако и уже имеющиеся судебные решения позволяют увидеть проблемы правоприменительной практики в сфере привлечения военнослужащих к материальной ответственности.

1. *Военнослужащие, виновные в причинении материального ущерба в связи с утратой имущества, вверенного для хранения, несут материальную ответственность в полном размере ущерба.*

Решением гарнизонного военного суда в удовлетворении искового заявления командира воинской части о привлечении проходившего военную службу по контракту Н. к полной материальной ответственности отказано на том основании, что в суд не представлено доказательств, подтверждающих вину ответчика в утрате отдельных комплектующих, содержащих цветные металлы, входящих в состав приводной аэродромной радиостанции, которая была вверена ему для обеспечения хранения и использования.

По делу установлено, что с ноября 2016 г. Н. проходил военную службу на воинской должности начальника радиомаркерного пункта взвода радиотехнического обеспечения. В январе 2017 г. он на основании соответствующего акта принял под отчет приводную аэродромную радиостанцию ПАР-10С. Приказами командира воинской части, изданными в 2020 г. и 2021 г., радиостанция была закреплена за Н.

В ходе проведенной вышестоящим органом военного управления в феврале 2022 г. инвентаризации имущества подразделения было выявлено отсутствие отдельных компонентов радиостанции, содержащих цветные металлы, стоимость лома которых составила 61 508 руб. 59 коп.

Из заключения по материалам административного расследования, проведенного по этому факту, следует, что Н. не исполнил возложенные на него обязанности по обеспечению сохранности переданной ему под отчет радиостанции ПАР-10С, что привело к утрате ее отдельных элементов.

Согласно ст. 5 Закона о материальной

ответственности военнослужащих военнослужащие несут материальную ответственность в полном размере ущерба, в частности, когда ущерб причинен по неосторожности военнослужащим, которому имущество было вверено на основании документа (документов), подтверждающего (подтверждающих) получение им этого имущества для обеспечения хранения.

Поскольку доказательств того, что при передаче Н. на хранение радиостанция была разукомплектована, по делу не установлено, в апелляционном порядке решение суда отменено, а иск удовлетворен¹.

2. Командиры (начальники), не принявшие необходимых мер к предотвращению излишних денежных выплат, что повлекло причинение ущерба, подлежат привлечению к ограниченной материальной ответственности.

Представитель командира воинской части обратился в суд с иском заявлением, в котором просил взыскать с бывшего командира этой же воинской части К. в порядке привлечения к полной материальной ответственности 170 739 руб. 58 коп. в счет возмещения ущерба, возникшего в связи с выплатой ежемесячных надбавок к денежному довольствию ряду военнослужащих воинской части, не имевших право на их получение.

Решением гарнизонного военного суда, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, исковое заявление удовлетворено частично.

В порядке привлечения к ограниченной материальной ответственности суд взыскал с К. в пользу

воинской части один оклад месячного денежного содержания и одну ежемесячную надбавку за выслугу лет — 55 614 руб.

По делу установлено, что с 27 августа 2019 г. по 27 сентября 2021 г. К. являлся командиром воинской части, после чего он переведен к новому месту прохождения военной службы.

По результатам комплексной проверки деятельности воинской части, проведенной ревизорской группой отделения финансового контроля и аудита по вопросу законности расходования бюджетных средств и материальных ценностей за период с 1 июля 2019 г. по 30 ноября 2020 г., составлен акт от 6 февраля 2021 г., в котором содержались выводы о неправомерности производства военнослужащим надбавок за особые условия военной службы в размере 20 процентов оклада по воинской должности (как военнослужащим, входящим в экипаж штатной боевой (специальной) техники на гусеничном и колесном шасси) и 15 процентов оклада по воинской должности военнослужащей, как замещавшей воинскую должность санитарного инструктора-дезинфектора.

В силу п. 3 ст. 4 Закона о материальной ответственности военнослужащих командиры, не принявшие необходимых мер к предотвращению излишних денежных выплат, что повлекло причинение ущерба, несут материальную ответственность в размере причиненного ущерба, но не более одного оклада месячного денежного содержания и одной ежемесячной надбавки за выслугу лет.

Заключением административного расследования, проведенным в апреле 2021 г. и утвержденным К., установлено, что виновным в причинении упомянутого выше ущерба является помощник командира воинской части по финансово-экономической работе – главный бухгалтер объединенной бухгалтерии С., согласовавший в нарушение требований ст. 16 и 24 УВС ВС РФ проекты приказов командира воинской части, на основании которых в дальнейшем установлены военнослужащим к производству

¹ См.: Справка о практике рассмотрения гарнизонными военными судами дел, связанных с денежным довольствием и дополнительными выплатами, а также со взысканием с военнослужащих излишне выплаченных денежных средств и привлечением их к материальной ответственности, утверждена постановлением президиума Южного окружного военного суда 14.03.2024 г. № 7. URL: http://yovs.ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_community&id=326 (дата обращения 03.09.2024)

необоснованные дополнительные выплаты. На этом основании помощнику командира воинской части по правовой работе К. дано указание подготовить и направить в суд исковое заявление о привлечении С. к полной материальной ответственности в размере причиненного ущерба.

Вступившим в законную силу решением гарнизонного военного суда от 17 января 2022 г. С. на основании п. 1 ст. 4 Закона привлечен к ограниченной материальной ответственности за ущерб, причиненный им по неосторожности при исполнении обязанностей военной службы, в размере одного оклада месячного денежного содержания и одной ежемесячной надбавки за выслугу лет. При этом суд указал, что за ущерб, причиненный излишней выплатой надбавок за особые условия военной службы, С. не может быть привлечен к полной материальной ответственности, поскольку данный ущерб причинен не по его вине.

В этой связи командованием воинской части организовано проведение нового административного расследования для выявления иных лиц, виновных в причинении ущерба. Согласно заключению от 7 февраля 2023 г. таким лицом признан К., исполнявший обязанности командира воинской части в обривизованный период и не принявший необходимых мер к предотвращению излишних денежных выплат.

Принимая во внимание перечисленные обстоятельства, гарнизонный военный суд пришел к правильному выводу о том, что К., издавший приказ о производстве излишних денежных выплат, подлежит привлечению к ограниченной материальной ответственности.¹

¹ См.: Справка о практике рассмотрения гарнизонными военными судами дел, связанных с денежным довольствием и дополнительными выплатами, а также со взысканием с военнослужащих излишне выплаченных денежных средств и привлечением их к материальной ответственности, утверждена постановлением президиума Южного окружного военного суда 14.03.2024 г. № 7. URL:

3. *Ошибочный вывод суда относительно причин утраты военного имущества явился основанием к отмене судебного постановления.*

Командир воинской части обратился в суд с иском о взыскании с К. 122 676 руб. 22 коп. в счет возмещения стоимости утраченного им вверенного под отчет имущества вещевого имущества и службы ракетно-артиллерийского вооружения (далее — служба РАВ).

В силу требований ст. 160 УВС ВС РФ солдат (матрос) в мирное и военное время отвечает, в частности, за сохранность выданного ему имущества.

Гарнизонный военный суд, отказывая в удовлетворении иска, исходил из того, что имущество вещевого имущества и службы РАВ утрачено не по вине ответчика, а в силу непреодолимой силы — в связи с выполнением им задач в зоне проведения СВО.

Данный вывод окружным военным судом признан ошибочным по следующим основаниям.

Так, из письменных объяснений военнослужащих и должностных лиц воинской части, отобранных у них в ходе административного расследования, следует, что за период нахождения в зоне проведения СВО К. не подвергался воздействию артиллерии противника, в стрелковом бою не участвовал, пожаров и возгораний тылового района, в котором он выполнял задачи, не было.

Исходя из этого, командование пришло к выводу о том, что К. вследствие личной недисциплинированности утратил выданные ему отдельные предметы вещевого имущества личного пользования и инвентарного имущества, а также имущество службы РАВ, тем самым причинил материальный ущерб на общую сумму 122 676 руб. 22 коп.

В соответствии с положениями ст. 2, п. 1 ст. 3 и ст. 5 Закона о материальной ответственности военнослужащих военнослужащие несут материальную ответственность только за причиненный по

их вине прямой действительный ущерб, под которым понимается утрата или уменьшение наличного имущества, ухудшение состояния указанного имущества, расходы, которые воинская часть произвела или должна произвести для восстановления, приобретения имущества. Материальная ответственность в полном размере ущерба возможна в случаях, когда ущерб причинен по неосторожности военнослужащим, которому имущество было вверено на основании документа (документов), подтверждающего (подтверждающих) получение им этого имущества для обеспечения хранения, перевозки и (или) выдачи этого имущества либо производства финансовых расчетов.

Как следует из пп. 1 и 2 ст. 6 указанного Закона, размер причиненного ущерба определяется по фактическим потерям, на основании данных учета имущества воинской части и исходя из цен, действующих в данной местности (для воинских частей, дислоцированных за пределами Российской Федерации, в стране пребывания) на день обнаружения ущерба.

Судом апелляционной инстанции для правильного определения стоимости утраченного имущества в качестве специалистов были привлечены начальник вещевой службы и начальник службы РАВ другой воинской части. Указанные должностные лица в соответствии с учетными данными, а также исходя из сроков носки предметов вещевого имущества, произвели соответствующие расчеты стоимости утраченного по вине ответчика имущества, с учетом его амортизации и износа, определили размер причиненного воинской части материального ущерба, который в сумме составил 50 486 руб. 21 коп.

Оснований для применения ст. 11 Закона о материальной ответственности военнослужащих и уменьшения размера денежных средств, подлежащих взысканию с ответчика для возмещения причиненного им ущерба, по делу не установлено.

С учетом изложенного окружной военный суд решение гарнизонного военного суда отменил, а исковые

требования удовлетворил, взыскав с ответчика денежные средства в размере стоимости утраченного имущества с учетом степени его износа на день обнаружения ущерба.¹

4. *Неправильное составление военнослужащим в силу возложенных на него обязанностей, заключений на выплату денежной компенсации в завышенном размере повлекло причинение воинской части прямого действительного ущерба и привлечение такого военнослужащего к ограниченной материальной ответственности на основании п. 3 ст. 4 Закона о материальной ответственности военнослужащих.*

Московский центр материально-технического обеспечения Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации обратился в суд с иском заявлением, в котором указал, что в ходе проверки финансово-хозяйственной деятельности Центра выявлено, что военнослужащим Центра, проходящим военную службу по контракту в нарушение п. 2 постановления Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 909 «О порядке расчёта и размерах выплаты денежной компенсации за наём (поднаём) жилых помещений военнослужащим - гражданам Российской Федерации и иным лицам в соответствии с Федеральным законом «О статусе военнослужащих» к выплате установлена денежная компенсация за наём (поднаём) жилых помещений исходя из стоимости 1 кв. м. общей площади жилого помещения, определённого для города Москвы, а не по месту

¹ См.: Справка о практике рассмотрения гарнизонными военными судами дел, связанных с денежным довольствием и дополнительными выплатами, а также со взысканием с военнослужащих излишне выплаченных денежных средств и привлечением их к материальной ответственности, утверждена постановлением президиума Южного окружного военного суда 14.03.2024 г. № 7. URL: http://yovs.ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_community&id=326 (дата обращения 03.09.2024)

прохождения ими военной службы в г. Подольске.

Л., как начальник отделения хозяйственного обеспечения — заместитель начальника отдела анализа, планирования и контроля, отвечающий за ведение учёта военнослужащих и сотрудников, получающих денежную компенсацию, а также за подготовку заключения и проектов приказов на её выплату, заявок, предложений на доведение лимитов на выплату денежной компенсации на планируемые периоды, в период с 14 января 2022 г. по 23 января 2023 г. подготовил заключения об установлении к выплате денежной компенсации военнослужащим, проходящим военную службу по контакту в г. Подольске Московской области, исходя из стоимости 1 кв.м. общей площади жилого помещения, установленной в г. Москве. Данные заключения были утверждены начальником Центра и на их основании военнослужащим осуществлена выплата денежной компенсации.

Центр просил взыскать с Л. денежные средства в размере 575 643,59 руб. в счёт возмещения причинённого им материального ущерба.

Решением гарнизонного военного суда в удовлетворении иска отказано.

Рассмотрев материалы дела, окружной военный суд пришел к следующим выводам.

Отказывая Центру в удовлетворении иска, суд первой инстанции, сославшись на ст. 2—5 Закона о материальной ответственности военнослужащих», ст. 44, 75, 82, 83, 95 УВС ВС РФ, п. 2 постановления Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 909, п. 10, 11 и 12 Порядка выплаты денежной компенсации за наём (поднаём) жилых помещений военнослужащим, гражданам, уволенным с военной службы, и членам их семей в войсках национальной гвардии Российской Федерации, утверждённого приказом Росгвардии от 30 января 2023 г. № 17, исходил из того, что поскольку размер и периоды выплаты военнослужащим денежной компенсации

определяется приказом начальника Центра, заключения о её выплате утверждены этим же должностным лицом, то действия ответчика по согласованию проектов таких заключений не находятся в прямой причинно-следственной связи с наступившими последствиями в виде выплаты отдельным военнослужащим денежной компенсации в большем размере.

Кроме того, суд в решении указал на то, что отделение хозяйственного обеспечения отдела анализа, планирования и контроля Центра осуществляет только проверку полноты и достоверности информации, содержащейся в рапорте военнослужащего на выплату денежной компенсации, а решение о её производстве находится в компетенции жилищной комиссии воинской части.

Однако, в силу абзаца шестого ст. 2, п. 1 ст. 3 Закона о материальной ответственности военнослужащих под прямым действительным ущербом понимаются излишние денежные выплаты, включая возмещение ущерба, причинённого военнослужащими третьим лицам, а также уплаченные воинской частью неустойки (штрафы, пени) и компенсации в связи с неправомерными действиями (бездействием) военнослужащих.

Военнослужащие несут материальную ответственность только за причинённый по их вине ущерб.

Перечень оснований привлечения военнослужащих к ограниченной материальной ответственности определён ст. 4 того же Федерального закона.

Согласно материалам административного расследования, проведённого в Центре в апреле 2023 г., Л. в период 14 января 2022 г. по 23 января 2023 г. были составлены заключения о выплате денежной компенсации военнослужащим, проходящим военную службу в отделе хранения Центра в городе Подольске Московской области.

При расчёте размера денежной компенсации в заключении Л. исходил из состава семьи военнослужащих, норматива общей жилой площади жилого помещения

и предельной стоимости найма (поднайма) 1 кв. м. общей площади жилого помещения для города Москвы, то есть по месту осуществления ими найма жилого помещения.

Впоследствии составленные ответчиком заключения были утверждены начальником Центра и согласованы должностным лицом отдела финансового обеспечения и на их основании осуществлена выплата военнослужащим денежной компенсации в большем размере, чем это предусмотрено действующим законодательством.

Согласно п. 18 должностных обязанностей Л. как начальник отделения хозяйственного обеспечения — заместителя начальника отдела анализа, планирования и контроля ведёт учёт военнослужащих и сотрудников, получающих денежную компенсацию, а также подготавливает заключения и проекты приказов на её выплату, осуществляет контроль законности и полноты выплаты, готовит заявки, предложения на доведение лимитов на выплату денежной компенсации на планируемые периоды.

При указанных данных окружной военный суд пришел к выводу о том, что ответчик в силу возложенных на него должностных обязанностей неверно произвёл расчёт и составил заключения на выплату денежной компенсации военнослужащим в завышенном размере, которые явились основанием для её производства названным в большем размере, чем это предусматривалось действующим в спорный период законодательством. Соответственно, ответчик подлежит привлечению к ограниченной материальной ответственности на основании п. 3 ст. 4 Закона о материальной ответственности военнослужащих в размере причинённого ущерба, но не более одного оклада месячного денежного содержания и одной месячной надбавки за выслугу лет (Обзор судебной практики 2-го Западного окружного военного суда по административным и гражданским делам за второе полугодие 2023 г. URL: <http://2zovs.msk.sudrf.ru/modules.php?name=>

docum_sud&id=80 (дата обращения 27.08.2024).

Заканчивая описание наиболее, как представляется, проблемных судебных решений в области материальной ответственности военнослужащих, подчеркнем, что единая судебная практика по данной теме оказывает позитивное влияние на правильное применительно к нормам Закона формирование алгоритма действий командиров при привлечении виновных лиц к материальной ответственности.

Библиография

1. Баранников, М.М. Материальная ответственность военнослужащих: компенсация ущерба военной организации (военно-судебная практика) / М. М. Баранников, С. С. Харитонов // *Военное право*. — 2024. — № 2 (84). — С. 78—85.
2. Баранников, М.М. Материальная ответственность военнослужащих: что нового в судебной практике? / М.М. Баранников, С.С. Харитонов // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. — 2023. — № 4 (309). — С. 15—27.
3. Гусейнова, Н.Ч., Комментарий к Федеральному закону «О материальной ответственности военнослужащих» (постатейный) / Н.Ч. Гусейнова, А.В. Титов, А.И. Тюрин. — Москва: За права военнослужащих, 2010. — 208 с.
4. Кириченко, Н.С. Обзор предложений по совершенствованию законодательства о материальной ответственности военнослужащих / Н.С. Кириченко // *Военное право*. — 2022. — № 5 (75). — С. 113—119.
5. Кириченко Н.С. Административный порядок привлечения военнослужащих к материальной ответственности // *Военное право*. 2020. № 4 (62). С. 96—100.
6. Корякин, В.М. Об обеспечении законности при подготовке граждан к военной службе и призыве на военную службу / В.М. Корякин, В.С. Харитонов // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. — 2019. — № 12 (269). — С. 60—65.
7. Леонтьев, В.Н. Материальная ответственность военнослужащих за ущерб имуществу воинской части, ее основания, условия: практика военных судов / В.Н. Леонтьев, С.С. Харитонов // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. — 2024. — № 4 (321). — С. 43—51.
8. Миронов, В.С. Материальная ответственность военнослужащих: практические вопросы из анализа военно-судебной практики / В.С. Миронов, С.С. Харитонов // *Военное право*. — 2021. — № 6 (70). — С. 222—228.

Bringing military personnel to financial liability: a review of decisions of military courts

© Rybalkin A.N.,

PhD in History, Deputy Head of the Military Training Center at the Russian State University of Justice

© Kharitonov S.S.,

PhD in Law, Professor

Abstract. The authors present a review of court decisions on bringing military personnel to financial liability. They show individual discrepancies in the relevant legal norms on the part of military officials and those guilty of causing damage.

Keywords: military service, military serviceman, financial liability of military personnel, military courts, judicial practice.

Некоторые аспекты юридической ответственности за коррупционные правонарушения

© Чукин Дмитрий Сергеевич,
старший преподаватель кафедры уголовного
процесса и криминалистики Саратовского во-
енного ордена Жукова Краснознаменного ин-
ститута войск национальной гвардии Россий-
ской Федерации, подполковник юстиции

Аннотация. Действующее законодательство за совершение коррупционных правонарушений предполагает различные виды юридической ответственности. Между тем, конкретный перечень деяний, которые относятся к коррупционным, на легальном уровне не закреплен. Отмечается, что наказание за коррупционное правонарушение, совершенное военнослужащим, должно соответствовать характеру и степени опасности совершенного деяния, а в качестве последствий должен быть вред, причиненный интересам военной службы как особого вида государственной службы. Констатируется в некоторых случаях размытость границ между различными видами коррупционных правонарушений вследствие высокого уровня абстракции понятия «существенный вред» как элемента категории «общественная опасность», что, в частности, вызывает сложности при разграничении преступлений и дисциплинарных проступков. Резюмируется, что легальное закрепление в каждой отрасли законодательства перечня коррупционных правонарушений устранил правовую неопределенность, позволит систематизировать коррупционные правонарушения и внесет ясность в вопросы их квалификации.

Ключевые слова: коррупция, военная служба, коррупционное правонарушение, утрата доверия, коррупционное преступление, дисциплинарный проступок, существенный вред, общественная опасность, малозначительность

*Если мы ликвидируем государство, мы
ликвидируем коррупцию.*

Гэри Стэнли Беккер

Не будет преувеличением утверждение, что коррупция — явление, сопровождающее человечество с самого момента зарождения государственного аппарата. Многие должности в те времена доставались людям не вследствие заслуг, а переходили по наследству или покупались, в результате чего их занимали лица, не компетентные и ответственные, а щедро наделенные людскими пороками, в первую очередь стремлением к стяжательству. От эпохи к эпохе не уменьшается ни количество упоминаний о коррупции, ни предложений по борьбе с ней, которые доходят до нас как в виде научных трактатов, так и художественных произведений. Еще в XXIV в. до н.э. шумерский царь Урукагина был вынужден провести реформу государственного управления от злоупотребления чиновников. Первая работа с обсуждением коррупции — «Архашастра» — была опубликована

одним из министров индийского царя Бхараты в IV в. д. н. э. В ней делается печальный вывод о том, что полностью победить коррупцию невозможно. Классическая поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души» как нельзя более наглядно описывает российское губернское общество XIX в., которое сплотилось в корпорацию казнокрадов и грабителей, для которых должность — это источник доходов, в их среде царят взяточничество, угодничество перед вышестоящими чинами, полнейшее отсутствие интеллекта.

На сегодняшний день, пожалуй, ни одна сфера деятельности по предупреждению того или иного противоправного поведения не урегулирована столь плотно и детально, как область противодействия коррупции. Помимо международных конвенций, федерального законодательства, указов Президента Российской Федерации, в

каждом министерстве и ведомстве имеют свои нормативные акты, подробно регламентирующие все антикоррупционные аспекты.

За первое полугодие 2024 г. в Российской Федерации было зарегистрировано 18 611 преступлений коррупционной направленности¹, что составляет 3 % от всех уголовно наказуемых деяний и свидетельствует о необходимости продолжения реализации государственной политики, направленной на профилактику коррупционных проявлений. Мониторинг решений военных судов так же демонстрирует наличие существенного количества преступлений коррупционного характера, совершаемых воинскими должностными лицами.

Одной из множества причин коррупции, по утверждению правоведов, является отсутствие фундаментальных научных работ, посвященных этому явлению, что характерно для государств с низким уровнем правовой культуры и доверия населения к власти. Однако российская правовая реальность может как раз-таки похвастаться солидным количеством антикоррупционных исследований, проводимых по всем отраслям законодательства, что является индикатором борьбы с этим деструктивным явлением².

Однако, несмотря на наличие серьезного массива работ, посвященных данной проблеме, ряд аспектов противодействия коррупционным проявлениям продолжает оставаться неурегулированными, что не может в конечном итоге не сказываться на качестве мер, направленных на их профилактику. Данное обстоятельство предопределило необходимость проведения данного исследования.

Как таковое, определение коррупции в российском законодательстве отсутствует, а раскрывается оно через перечень запрещенных в п. 1 ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противо-

действию коррупции» действий. Однако, деяния, входящие в данный перечень, нашли свое отражение лишь в УК РФ (при этом, они оказались разбросаны по разным главам уголовного закона), что оставляет широкой дискреционный простор в отношении остальных правонарушений, которые правоприменитель будет относить к коррупционным по своему усмотрению. Ст. 8 модельного закона «Основы законодательства об антикоррупционной политике»³, который является законодательным актом рекомендательного характера, так же производит классификацию коррупционных правонарушений, при этом не внося существенную ясность в их содержание.

Таким образом, ни одна отрасль российского законодательства не содержит отдельного раздела, включающего составы коррупционных правонарушений, что вносит неопределенность в правовое регулирование ответственности за коррупцию⁴. Кроме того, как верно подметил Н.В. Сынков, в отечественной уголовно-правовой доктрине и практике применения уголовного закона существует неясность в разграничении ответственности за коррупционные правонарушения и за нарушения законодательства о противодействии коррупции⁵. По мнению С.С. Терещука, определение коррупции, приведенное в Федеральном законе «О противодействии коррупции», не позволяет отнести нарушение военнослужащим ограничений, запретов и обязанностей, направленных на профилак-

³ Принят в г. Санкт-Петербурге 15 ноября 2003 г. Постановлением 22-15 на 22-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ.

⁴ Самойлов В.Д. Юридическая ответственность военнослужащих за нарушения законодательства о противодействии коррупции // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2019. № 3. С. 35—38; Хайрулина Н.Н. Административные коррупционные правонарушения, совершаемые военнослужащими: проблемы определения // Военный научно-практический вестник. 2016. № 2(5). С. 117—120.

⁵ Сынков Н.В. Проблемные вопросы юридической ответственности военнослужащих за нарушение законодательства о противодействии коррупции // Военное право. 2022. № 6(76). С. 118—124.

¹ <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/51988292/> (дата обращения 21.07.2024).

² Правовые основы противодействия коррупции : учебник и практикум / А.И. Землин, О.М. Землина, В.М. Корякин, В.В. Козлов / 2-е изд., пер. и доп. М.: Юрайт, 2024.

тику коррупционного поведения, к дисциплинарному коррупционному проступку¹.

Нормы, касающиеся порядка и особенностей ответственности военнослужащих за коррупционные правонарушения, помимо Федерального закона «О противодействии коррупции», оказались разбросаны по различным законодательным актам и находятся в Федеральном законе от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», Федеральном законе от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», а также в ДУ ВС РФ. В связи с этим, автор солидарен с позицией ученых-правоведов, предлагающих унифицировать регламентацию дисциплинарной ответственности военнослужащих за коррупционные правонарушения путем переноса их из Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» в Федеральный закон «О статусе военнослужащих»².

В соответствии с ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О противодействии коррупции», за совершение коррупционных правонарушений виновные лица несут уголовную, административную, гражданско-правовую и дисциплинарную ответственность. В связи с этим хотелось бы последовательно остановиться на особенностях данных видов юридической ответственности в отношении военнослужащих.

Гражданско-правовая ответственность за коррупционные правонарушения в первую очередь связана с подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ, который в качестве основания прекращения права собственности устанавливает обращение по решению суда в доход государства имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции

доказательства его приобретения на законные доходы. Данная правовая норма неоднократно являлась предметом рассмотрения в высших органах судебной власти по жалобам лиц, которые были лишены имущества вследствие совершения коррупционных правонарушений. Конституционный Суд Российской Федерации по поводу этого в Определении от 30 мая 2024 г. № 1177-О, ссылаясь на свои правовые позиции, нашедшие выражение в постановлениях от 29 ноября 2016 г. № 26-П, от 9 января 2019 г. № 1-П и Определении от 6 июня 2017 г. № 1163-О, в очередной раз отметил, что обращение по решению суда в доход Российской Федерации указанного имущества относится к особым правовым мерам, и имеет специальной целью противодействие коррупционным деяниям, при этом не предполагает принятия произвольных, без учета особенностей и даты приобретения того или иного вида имущества, решений об обращении соответствующего имущества в доход Российской Федерации, следовательно, оспариваемые правовые нормы не содержат неопределенности в обозначенных заявителями аспектах, которые связаны с определением оснований для принятия таких решений, и не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права заявителей.

Подп. 3 п. 1 ст. 575 ГК РФ запрещает дарение подарков стоимостью свыше трех тысяч рублей государственным служащим, к которым относятся военнослужащие, безотносительно от занимаемой им должности. В этой связи остается непонятным, будет ли считаться коррупционным правонарушением факт принятия такого подарка военнослужащим, не замещающим должность, связанную с коррупционными рисками.

Особенности *административной ответственности* за коррупционные правонарушения заключаются в том, что определение коррупции, данное в Федеральном законе «О противодействии коррупции», терминологически охватывает в первую очередь уголовно наказуемые деяния. В отличие от уголовного законодательства, КоАП РФ не содержит отдельной главы, посвященной должностным преступлениям

¹ Терещук С.С. Основания юридической ответственности военнослужащих за нарушения законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции // Военное право. 2019. № 6(58). С. 149—154.

² Азовцев А.А., Корякин В.М. Особенности дисциплинарного производства по делам о коррупционных правонарушениях, совершаемых военнослужащими // Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение. 2020. № 1. С. 16—22.

ям, что вызывает сложности в их определении. Так, анализ административного законодательства к коррупционным правонарушениям позволяет относить:

— ограничение конкуренции (ст. 14.9 КоАП РФ);

— нецелевое использование бюджетных средств (ст. 15.14 КоАП РФ);

— незаконное вознаграждение от имени юридического лица (ст. 19.28 КоАП РФ);

— незаконное привлечение к трудовой деятельности либо к выполнению работ или оказанию услуг государственного или муниципального служащего либо бывшего государственного или муниципального служащего (ст. 19.29 КоАП РФ).

Указанный перечень не является исчерпывающим, иные составы могут быть отнесены к коррупционным путем более детального анализа административного законодательства. Между тем, подобный разброс коррупционных правонарушений по разным главам КоАП РФ вносит неопределенность в их классификацию и требует законодательного установления путем включения главы «Коррупционные правонарушения» в КоАП РФ, что уже отмечалось некоторыми авторами¹.

Дисциплинарная ответственность. Ст. 51.1 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», регламентирующая порядок применения взысканий за совершение коррупционных правонарушений, из всего перечня дисциплинарных взысканий, определенных ст. 28.4 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и корреспондирующих положений ст. 54 ДУ ВС РФ, предусматривает только два из них: увольнение с военной службы в связи с утратой доверия и выговор (при малозначительности совершенного им деяния). На данное обстоятельство уже обращалось внимание в военно-научных исследованиях², поскольку взыскание должно

быть соразмерно проступку, и эту соразмерность можно получить, лишь применив различные по степени тяжести взыскания, а командир при этом, обладая всей полнотой распорядительной власти, должен иметь возможность реализовать весь спектр прав на применение взысканий³.

Подп. «д.1» и «д.2» п. 1 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» содержат перечень коррупционных правонарушений, которые представляют собой невыполнение обязанностей, установленных законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции. Ст. 28.4 Федерального закона «О статусе военнослужащих» предусматривает взыскание в виде досрочного увольнения с военной службы в связи с невыполнением условий контракта. Прил. № 1 к Положению о порядке прохождения военной службы (утв. Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237), утверждая типовую форму контракта, обязывает гражданина в период прохождения военной службы по контракту добросовестно исполнять все общие, должностные и специальные обязанности военнослужащих, установленные законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. Таким образом, можно резюмировать, что по своей правовой природе коррупционные правонарушения, указанные в подп. «д.1» и «д.2» п. 1 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», являются дисциплинарными проступками.

Ст. 27.1 Федерального закона «О статусе военнослужащих» распространяет на всех военнослужащих ограничения, требования и запреты, предусмотренные антикоррупционным законодательством для государственных служащих, в том числе

—военно-правовое обозрение. 2015. № 4(214). С. 34—37; Иванов Р.В. О совершенствовании порядка привлечения военнослужащих к ответственности за коррупционные правонарушения // Военное право. 2018. № 5(51). С. 117—120.

³ Погорелов С.А. Проблемные вопросы установления и применения дисциплинарной ответственности к военнослужащим за коррупционные правонарушения // Военное право. 2022. № 3(73). С. 116—122.

¹ Репях Н.А., Терещук С.С. Коррупционные правонарушения: признаки, виды и особенности проявления в условиях военной службы // Труды Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского. 2019. № 666. С. 296—305.

² Корякин В.М. Либо увольнение, либо выговор: альтернативы нет? // Право в Вооруженных Силах

обязанность предоставлять в установленном порядке сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. Если государственный служащий не может подтвердить источник дохода, имеются все основания полагать, что денежные средства получены в результате совершения им правонарушения. В то же время имеются факты формального привлечения к ответственности, когда при проверке справки о доходах и расходах оказывается, что служащий не указал принадлежащий ему банковский счет, но на данном счете отсутствуют денежные средства, либо имеется незначительная сумма в несколько рублей. De jure, бездействие военнослужащего является нарушением требований антикоррупционного законодательства, за что его правомерно наказывают; но de facto, привлечение к ответственности представляет собой пример злоупотребления правом — то есть применение правовой нормы вопреки ее действительному смыслу и предназначению.

Исходя из абз. первого п. 7 ст. 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих», военнослужащим разрешается заниматься педагогической деятельностью, если это не препятствует исполнению служебных обязанностей. Представим себе ситуацию, при которой военнослужащий, занимающий должность, которая предполагает отчитываться о доходах, устраивается на неполную ставку преподавателем в образовательное учреждение, и после окончания рабочего дня в вечернее время или в свой выходной занимается там преподаванием. Предполагая, что его начальство будет возражать против этого, он не сообщает ему о данном факте. На протяжении длительного времени он работает, за что получает заработную плату, которую не указывает в качестве дохода в справке о доходах. По службе при этом он характеризуется положительно, что свидетельствует о том, что преподавание не мешает ему исполнять свои должностные обязанности. Но когда данный факт становится известным его командованию, он подлежит увольнению в связи с утратой доверия. Как и в вышеприведенном случае, формально он нарушил требования анти-

коррупционного законодательства. Однако, осуществляя педагогическую деятельность в свободное от исполнения обязанностей военной службы время, он не нарушает своего права на труд. Таким образом, по мнению автора, в качестве последствий коррупционного правонарушения, совершаемого военнослужащим, должен в обязательном случае быть вред, причиненный интересам военной службы как особого вида государственной службы. Кроме того, исходя из определения коррупции, данного в Федеральном законе «О противодействии коррупции», непредставление сведений о доходах является не коррупцией, а невыполнением требований, установленных антикоррупционным законодательством.

Уголовная ответственность является самым строгим видом юридической ответственности, поскольку предполагает применение существенных ограничений к виновному лицу, вплоть до лишения свободы и последствий, связанных с судимостью. Уголовное законодательство в гл. 30 УК РФ регламентирует ответственность за должностные преступления, не все из которых относятся к коррупционным; при этом (как и остальное отечественное законодательство) не содержит отдельной главы, посвященной коррупционным преступлениям. Отдельно обращает на себя внимание то обстоятельство, что при совершении военнослужащим должностных преступлений исполнение обязанностей военной службы будет являться конструктивным признаком данных преступлений¹.

Совместное указание Генпрокуратуры России № 401/11 и МВД России № 2 от 19 июня 2023 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» аналогичным образом разделяет:

а) преступления коррупционной направленности — субъекты которых являются должностными лицами, указанные

¹ Фартуков Д.Н. Чукин Д.С. Исполнение обязанностей военной службы как составообразующий признак превышения должностных полномочий // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 1(318). С. 75—82.

ми в примечаниях к ст. 285 УК РФ, а также ст. 201, 141.1, 184, 200.5, 200.7, 204, 204.1, 204.2, п. «а» ч. 2 ст. 226.1, п. «б» ч. 2 ст. 229.1, ст. 289, 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ и еще около 50 составов, относящиеся к перечню при наличии определенных условий, а также преступления, которые могут способствовать совершению преступлений коррупционной направленности (прил. 23);

б) преступления, которые могут быть совершены с использованием своего служебного положения из корыстной или иной личной заинтересованности должностным лицом, а также преступлений, которые могут способствовать их совершению (прил. 13).

Гл. 30 УК РФ содержит многие составы из этого перечня. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» относит к коррупционным (ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ) и иные преступления (в частности, предусмотренные ст. 159, 160, 184, 200.5, 204, 204.1, 204.2, 292, 304 УК РФ). Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» ставит деяния, предусмотренные ст. 285 и 286 УК РФ, отдельно от указанных выше преступлений, что не означает, что Верховный Суд Российской Федерации не относит их к коррупционным, что косвенно подтверждается в п. 1 Постановления № 19.

Но превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) при этом находится в подвешенном состоянии, поскольку, исходя из определения коррупции, приводимого в Федеральном законе «О противодействии коррупции», оно не подпадает под него, так как лицо при совершении преступления не использует свое должностное положение, а совершает действия, которые явно выходят за пределы его полномочий. При этом в судебной практике отсутствует единство мнений относительно признаков этих двух составов, и воен-

ные суды действия виновных лиц квалифицируют в одном случае как злоупотребление, а в другом — как превышение¹.

Злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) в качестве обязательного признака объективной стороны преступления предполагают наступление последствия в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства. Данный признак относится к категории оценочных. Поскольку административное законодательство не регламентирует ответственность за превышение или злоупотребление, не повлекшие существенного вреда, ergo, военнослужащие, допустившие данные факты, согласно ст. 47 ДУ ВС РФ, совершают дисциплинарный проступок. Но для этого необходимо оценить степень вредоносности наступивших последствий, чтобы провести линию водораздела между уголовно наказуемым деянием и иным правонарушением, что в ряде случаев представляется сделать непросто.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» под существенным нарушением прав граждан или организаций понимает нарушение прав и свобод физических и юридических лиц, гарантированных международным и федеральным законодательством (например, права на уважение чести и достоинства личности, личной и семейной жизни граждан, права на неприкосновенность жилища и тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также права на судебную защиту и доступ к правосудию, в том числе права на эффективное средство правовой защиты в государственном органе и компенсацию ущер-

¹ Чукин Д.С. Злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий: вопросы правоприменения // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 3(272). С. 59—66.

ба, причиненного преступлением, и др.). При оценке существенности вреда необходимо учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, характер и размер понесенного ею материального ущерба, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного им физического, морального или имущественного вреда и т.п. Под нарушением законных интересов граждан или организаций следует понимать, в частности, создание препятствий в удовлетворении гражданами или организациями своих потребностей, не противоречащих нормам права и общественной нравственности (например, создание должностным лицом препятствий, ограничивающих возможность выбрать в предусмотренных законом случаях по своему усмотрению организацию для сотрудничества).

Рассмотрим несколько примеров из практики военных судов.

Так, в качестве последствий злоупотребления должностными полномочиями (ч. 1 ст. 286 УК РФ), факт которого допустил командир роты курсантов К., желая сэкономить на оплате труда квалифицированных рабочих и привлекая курсантов к выполнению работ, не обусловленных исполнением обязанностей военной службы и не связанных с реализацией профессиональных образовательных программ, суд признал как длительный и систематический отрыв курсантов от учёбы и нарушение проведения плановых мероприятий учебного процесса¹.

Е., желая показать надлежащее и эффективное исполнение им своих обязанностей и приукрасить действительное положение дел в подразделении, под предлогом не привлекать самому и не ходатайствовать перед вышестоящим командованием о привлечении военнослужащих к дисциплинарной ответственности, получил денежные средства в размере 2 500 руб. от двух подчиненных, которые впоследствии потратил для нужд воинской части.

Квалифицируя его действия по ч. 1 ст. 285 УК РФ, гарнизонный суд указал, что виновный существенно нарушил установленный порядок прохождения военной службы, охраняемые законом интересы государства, что выразилось в подрыве авторитета воинского начальника, дискредитации властных полномочий и использовании их не по прямому назначению, а из иной личной заинтересованности².

А., желая незаконно обогатиться, под угрозой создания проблем по службе подчиненному Р., получил от него денежные средства в размере 8 405 руб. Признав его виновным по ч. 1 ст. 286 УК РФ, суд указал, что действия А. повлекли существенное нарушение прав и законных интересов военнослужащего Р., поскольку причинили ему значительный ущерб, а также вред охраняемым интересам государства, выраженный в нарушении нормальной деятельности органов военного управления, направленной на обеспечение установленного порядка прохождения военной службы, в подрыве авторитета военной службы и воинских должностных лиц³.

В качестве еще одного примера следует привести дело Б., который, исполняя обязанности командира воинской части, потребовал от подчиненных оплатить покупку металлической двери стоимостью 30 тыс. руб., пообещав в этом случае удовлетворить их рапорта с ходатайством о поступлении в филиал ВА РВСН, чем существенно нарушил права и законные интересы подчиненных, причинив им имущественный вред, а также существенно нарушил охраняемые законом интересы государства, выразившиеся в незаконном требовании им денежных средств у подчиненных ему военнослужащих, подрыве авторитета воинского начальника, дискредитации властных полномочий и использовании их не по прямому

¹ Постановление 224-го гарнизонного военного суда от 5 февраля 2021 г. по делу № 1-14/2021.

² Приговор Саратовского гарнизонного военного суда от 4 октября 2022 г. по делу Е.

³ Постановление Ростовского-на-Дону гарнизонного военного суда от 13 января 2021 г. по делу А.

назначению, а из иной личной заинтересованности¹.

Квалифицируя по ч. 1 ст. 286 УК РФ действия командира роты Л., который получил от подчиненных денежные средства в общей сумме 37 900 руб. за предоставление возможности нахождения вне территории войсковой части, освободив их от исполнения обязанностей военной службы, а также за сокрытие факта совершения грубого дисциплинарного проступка, за 10 тыс. руб., которые потратил на приобретение различного рода материальных средств для бытовых нужд подразделения, а также на покупку строительных материалов для улучшения материальной базы подчиненного подразделения, суд указал, что это повлекло за собой нарушение установленного порядка реализации исполнения служебных полномочий, то есть охраняемых законом интересов государства².

В других аналогичных случаях, признавая должностных лиц виновными в преступлениях, предусмотренных ст. 285 и 286 УК РФ, суд существенным вредом признавал существенное нарушение установленного порядка реализации исполнения служебных полномочий, охраняемых законом прав и законных интересов государства, подрыв авторитета органов военного управления и должностных лиц Минобороны России³, причинение военным служащим существенного материального вреда, грубое нарушение установленного и строго регламентированного общевойсковыми уставами Вооруженных Сил порядка прохождения военной службы, в том числе порядка взаимоотношений между военнослужащими, состоящими между собой в отношениях подчиненности⁴,

подрыв авторитета командования войсковой части перед подчиненным личным составом⁵ и пр.

Возникает вопрос: какой же вред при превышении или злоупотреблении должностными полномочиями следует признать *несущественным*? (курсив мой — Д.Ч.).

Наряду с этим, имеются случаи оправдания воинских должностных лиц. Так, Ч., исполняя обязанности начальника курса военного вуза, привлек курсантов к проведению ремонта казарменного помещения, а кроме того, собрал с них для этого денежные средства. Суд отметил, что потерпевшие, не сдавшие вследствие отрыва от самостоятельной работы зачет по одной из дисциплин, затем в установленном порядке его пересдали и негативных последствий для их дальнейшего успешного обучения в академии не наступило. Что касается причиненного Ч. потерпевшим имущественного вреда (700 руб., 1 800 руб., 2 000 руб., 1 400 рублей каждому), то данный ущерб ввиду его малозначительности не может служить достаточным основанием для уголовного преследования лица, его причинившего. Успешно выполненный указанными курсантами косметический ремонт казарменного помещения отвечает общепринятым нормам о культуре, чистоте и порядке в жилом помещении, то есть является общественно полезным для воинского коллектива. Таким образом, анализ обстоятельств, инкриминируемых Ч., а также отсутствие в материалах уголовного дела доказательств того, что эти деяния причинили существенный вред охраняемым законом общественным отношениям, свидетельствуют о том, что его действия, хотя формально и подпадают под признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 286 УК РФ, но в силу их малозначительности не представляют достаточной общественной опасности, которая бы позволила признать их преступлением, и прекратил дело в

¹ Приговор Саратовского гарнизонного военного суда от 19 января 2021 по делу Б.

² Приговор Санкт-Петербургского гарнизонного военного суда 24 февраля 2022 г. по делу Л.

³ Постановление Санкт-Петербургского гарнизонного военного суда от 2 февраля 2021 г. по делу № 1-17/2021.

⁴ Приговор Московского гарнизонного военного суда от 3 октября 2023 г. по делу М.

⁵ Постановление Новосибирского гарнизонного военного суда 26 января 2022 г. по делу Б.

связи с отсутствием в деянии состава преступления и даже признал за Ч. право на реабилитацию¹.

Указанные примеры демонстрируют отсутствие единой судебной практики относительно оценки последствий в виде существенного вреда охраняемым законом интересам граждан и государства. Данный вред, как обязательный признак объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 285 и 286 УК РФ, существенно варьируется, что не позволяет установить его нижний предел, который будет служить линией водораздела между уголовно наказуемым деянием и иным правонарушением.

Как уже неоднократно отмечалось в научных исследованиях, при признании уголовно наказуемого деяния малозначительным и прекращении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления лицо не привлекается к другому, более мягкому виду ответственности — например, административной или дисциплинарной, что является ярким примером нарушения принципа справедливости².

Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» определяет, что антикоррупционная экспертиза проводится в целях выявления в нормативных правовых актах коррупционных факторов и их последующего устранения. Коррупционными факторами являются положения, устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возмож-

ность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые или обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции. То есть, для устранения коррупционных факторов в нормативных правовых актах должно быть меньше диспозитивных норм и наличествовать четкие формулировки. Безусловно, невозможно уместить все обилие жизненных обстоятельств в рамки законов, но следует свести к минимуму дискреционные нормы как коррупционный фактор.

Итоги проведенного исследования позволяют констатировать, что в целях более качественной квалификации коррупционных правонарушений как элемента противодействия коррупции необходима систематизация деяний на уровне отраслевого законодательства, а также минимизация оценочных категорий как основания разграничения преступления и иного правонарушения.

Библиография

1. Азовцев, А.А. Особенности дисциплинарного производства по делам о коррупционных правонарушениях, совершаемых военнослужащими / А.А. Азовцев, В.М. Корякин // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2020. — № 1. — С. 16—22.
2. Жилкин, М.Г. Проблемы малозначительности деяний в уголовном праве / М.Г. Жилкин // *Актуальные проблемы уголовного законодательства и правоприменительной практики стран-участниц СНГ : Сборник научных трудов международной научно-практической конференции, Ереван, 16 февраля 2022 г.* — Ереван: Российско-Армянский (Славянский) университет, 2022. — С. 54—60.
3. Иванов, Р.В. О совершенствовании порядка привлечения военнослужащих к ответственности за коррупционные правонарушения / Р.В. Иванов // *Военное право.* — 2018. — № 5(51). — С. 117—120.
4. Корякин, В.М. Либо увольнение, либо выговор: альтернативы нет? / В.М. Корякин // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2015. — № 4(214). — С. 34—37.
5. Погорелов, С.А. Проблемные вопросы установления и применения дисциплинарной ответственности к военнослужащим за коррупционные правонарушения / С.А. Погорелов // *Военное право.* — 2022. — № 3(73). — С. 116—122.

¹ Постановление Санкт-Петербургского гарнизонного военного суда от 24 июля 2020 г. по делу № 1-1-21/20.

² Жилкин М.Г. Проблемы малозначительности деяний в уголовном праве // *Актуальные проблемы уголовного законодательства и правоприменительной практики стран-участниц СНГ : Сборник научных трудов международной научно-практической конференции, Ереван, 16 февраля 2022 г.* Ереван: Российско-Армянский (Славянский) университет, 2022. С. 54—60; Чукин Д.С. Малозначительность деяния в ракурсе судейского усмотрения // *Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии.* 2022. № 4(9). С. 113—119.

6. Правовые основы противодействия коррупции : учебник и практикум / А.И. Землин, О.М. Землина, В.М. Корякин, В.В. Козлов. — 2-е изд., пер. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 198 с.

7. Репях, Н.А. Коррупционные правонарушения: признаки, виды и особенности проявления в условиях военной службы / Н.А. Репях, С.С. Терещук // Труды Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского. — 2019. — № 666. — С. 296—305.

8. Самойлов, В.Д. Юридическая ответственность военнослужащих за нарушения законодательства о противодействии коррупции / В.Д. Самойлов // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. — 2019. — № 3. — С. 35—38.

9. Сынков, Н.В. Проблемные вопросы юридической ответственности военнослужащих за нарушение законодательства о противодействии коррупции / Н.В. Сынков // Военное право. — 2022. — № 6(76). — С. 118—124.

10. Терещук, С.С. Основания юридической ответственности военнослужащих за нарушения законодательства Российской Федерации о

противодействии коррупции / С.С. Терещук // Военное право. — 2019. — № 6(58). — С. 149—154.

11. Фартуков, Д.Н. Исполнение обязанностей военной службы как составообразующий признак превышения должностных полномочий / Д.Н. Фартуков, Д.С. Чукин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2024. — № 1(318). — С. 75—82.

12. Хайрулина, Н.Н. Административные коррупционные правонарушения, совершаемые военнослужащими: проблемы определения / Н.Н. Хайрулина // Военный научно-практический вестник. — 2016. — № 2(5). — С. 117—120.

13. Чукин, Д.С. Злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий: вопросы правоприменения / Д.С. Чукин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 3(272). — С. 59—66.

14. Чукин, Д.С. Малозначительность деяния в ракурсе судейского усмотрения / Д.С. Чукин // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. — 2022. — № 4(9). — С. 113—119.

Problematic aspects of the realization of the right to additional financial assistance by servicemen of the National Guard of the Russian Federation

© **Chukin D.S.**,

Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Saratov Military Order of Zhukov of the Red Banner Institute of the National Guard of the Russian Federation, Lieutenant Colonel of the Institute

Summary. The current legislation for the commission of corruption offenses presupposes various types of legal liability. Meanwhile, a specific list of acts that relate to corruption is not fixed at the legal level. It is noted that the punishment for a corruption offense committed by a serviceman should correspond to the nature and degree of danger of the committed act, and the consequences should be harm caused to the interests of military service as a special type of public service. In some cases, it is stated that the boundaries between different types of corruption offenses are blurred due to the high level of abstraction of the concept of "significant harm" as an element of the category of "public danger", which, in particular, causes difficulties in distinguishing crimes and disciplinary offenses. It is summarized that the legal consolidation of the list of corruption offenses in each branch of legislation will eliminate legal uncertainty, make it possible to systematize corruption offenses and clarify the issues of their qualification.

Key words: corruption, military service, corruption offense, loss of trust, corruption crime, disciplinary offense, significant harm, public danger, insignificance

Уголовное право и криминология

О некоторых проблемах квалификации преступлений против военной службы

© Борисов Андрей Викторович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право» Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. В статье рассматриваются изменения, внесенные в Уголовный кодекс Российской Федерации после 24 сентября 2022 г. и некоторые проблемы квалификации преступных деяний против военной службы, связанные с указанными изменениями.

Ключевые слова: преступления против военной службы, квалификация преступлений против военной службы.

Согласно новой редакции п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ, начиная с 24 сентября 2022 г. (когда Президентом России была объявлена частичная мобилизация, режим которой продолжается до настоящего времени), наказание за любое совершённое преступление будет назначаться независимо от того, является ли оно умышленным или неосторожным, а также от его категории (небольшой, средней, тяжкой или особо тяжкой)¹, и независимо от того, где оно было совершено (в Российской Федерации или в другом установленном законом месте, если имеются основания, предусмотренные ст. 12 УК РФ). Суд обязательно должен признать факт совершения данного преступления в период мобилизации обстоятельством, отягчающим наказание, и только по этой причине увеличить срок осужденному².

На наш взгляд, следует разобраться в этом вопросе более подробно. С одной стороны, это одна из вынужденных мер, которая несколько повышает ответственность,

но при этом сопоставима с той обстановкой, которая сложилась на настоящий момент. С другой стороны, возникает вопрос, соотносится ли отягощение наказания за каждое совершённое преступление, независимо от его категории и от того, где оно было совершено, с фундаментальными основами и принципами уголовного права?

А.С. Сенцов справедливо отмечает, что не следует так категорично признавать факт совершения неосторожных преступлений в период мобилизации как факт, отягчающий наказание (например, неосторожное причинение тяжкого вреда здоровью, согласно ст. 118 УК РФ)³.

Возможно, более предпочтительным решением этой проблемы является включение данного обстоятельства в квалифицированный состав преступления, если какое-то конкретное преступление, совершённое в период мобилизации, действительно становится более опасным, и его социальная опасность изменяется настолько, что требуется усиление ответственности. Таким образом, следует ужесточить санкции, преду-

¹ Шарапов С.Н. О необходимости «мобилизации» Уголовного кодекса Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 4 (297). С. 67—74.

² Кудашкин, А.В. Проблемы квалификации военных преступлений, основанных на нарушениях норм международного гуманитарного права и проблемы юрисдикции суда // Право в Вооружённых Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 2 (307). С. 69.

³ Сенцов, А.С., Волколупова, В.А., Волколупов, В.Г. Основные направления дальнейшего совершенствования нового уголовного законодательства, принятого в условиях проведения специальной военной операции на Украине // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 4 (63). С. 37.

смотренные соответствующей уголовно-правовой нормой.

В свою очередь, считаем, что абсолютное признание этого обстоятельства как отягчающего наказание за любое преступление, совершённое в период мобилизации, кажется излишне категоричным, недостаточно обоснованным с криминологической точки зрения и не совсем согласующимся с таким принципом уголовного права как справедливость.

Помимо этого, представляется, что норма требует дальнейшей проработки, с градацией по характеру преступления на умышленное и неосторожное, а также по его категории: небольшой, средней, тяжкой или особо тяжкой¹.

Переходя к следующей новелле в уголовном законодательстве, хочется отметить, насколько она интересна и важна как с теоретической точки зрения, так и с практической, ведь это вновь введённый состав преступления, получивший название «мародёрство», которая сейчас закреплена в ст. 356.1 УК РФ. В этой статье содержатся основной (ч. 1) и несколько квалифицированных (ч. 2, 3, 4) составов данного преступления².

В новой норме законодателем определено мародёрство как противоправное безвозмездное изъятие и/или обращение в пользу виновного или других лиц чужого имущества с корыстной целью в период военного положения, военного времени или в условиях вооружённого конфликта или ведения боевых действий, которое не связано с вынужденной необходимостью. Буквальное толкование объективных и субъективных признаков мародёрства практически не отличает его от хищения имущества, совершённого в аналогичных условиях.

Поэтому представляется правильным использование определения мародёрства, установленного в УК РСФСР 1960 г. В указанном кодексе мародёрство определялось как похищение на поле битвы вещей, находящихся при убитых и раненых. Именно

такая формулировка позволяет разграничить состав преступления мародёрства и хищения имущества, совершённого в аналогичных условиях. Разумеется, мародёрство — это норма, наряду с остальными, которая вызвана современным духом времени, и на сегодняшний момент являющаяся нужной, прежде всего, с практической точки зрения, дабы пресечь возможные преступления, которые могут возникнуть непосредственно на линии боевого соприкосновения или прифронтовой территории.

Однако, судя по тому, что по упомянутой статье до сих пор нет судебной практики, остаётся лишь рассуждать с точки зрения теории. По мнению автора, рассматриваемая новелла играет важную роль как один из возможных инструментов пресечения преступлений в ходе проведения СВО. Если рассмотреть толкование объективных и субъективных признаков мародёрства, то можно заметить, что оно практически не отличает его от хищения имущества, совершённого в аналогичных условиях³. Поэтому, как показано выше, представляется более уместным, использование определения мародёрства, установленного в УК РСФСР 1960 г., формулировка которого наиболее предпочтительна с точки зрения разграничения двух смежных составов.

Следующим из рассматриваемых положений является ст. 352.1 УК РФ (введённая Федеральным законом от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ), которая устанавливает уголовную ответственность за добровольную сдачу в плен.

Относительно данного состава довольно интересный тезис выдвигает А.М. Шамаев, говоря о том, что «эта мера была необходима, и законодатель, таким образом, пытался заранее предотвратить действия участников боевых действий, которые могли бы нанести вред Вооружённым Силам Российской Федерации, подорвать их нравственный дух и боеспособность»⁴.

Однако положение данной статьи является достаточно сжатым и предусматривает

¹ Зюбанов Ю.А. Понятие и происхождение названия «уголовное право». М., 2021.

² Харитонов, С.С. Практические аспекты квалификации преступлений по материалам практики военных судов // Право в Вооружённых Силах — военнопредметное обозрение. 2022. № 3 (296). С. 64.

³ Там же.

⁴ Шамаев, А.М., Иноземцев, С.В. Вопросы совершенствования законодательства в сфере противодействия террористическим проявлениям // Образование и право. 2022. № 6. С. 96.

уголовную ответственность за добровольную сдачу в плен, когда нет признаков преступления, предусмотренного ст. 275 УК РФ «Государственная измена». В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 разъясняется, что военнослужащий в ходе боевых действий, даже находясь в отрыве от своей воинской части (подразделения) и в полном окружении, должен оказывать решительное сопротивление противнику, избегая захвата в плен; в бою он обязан с честью выполнить свой воинский долг. Помимо этого, в данном Постановлении Пленума есть важное примечание, что военнослужащий, который впервые совершил преступление, предусмотренное настоящей статьёй, может быть освобождён от уголовной ответственности в случае, если он принял меры для своего освобождения, если он возвратился в часть или к месту своей службы и не совершил, во время пребывания в плену, другие преступления¹.

По нашему мнению, разъяснение помогло устранить некоторые пробелы в части понятия «добровольности», которые были допущены законодателем. Однако, и эта трактовка статьи не лишена своих изъянов, признак добровольности, указанный в диспозиции, представляется неточным. Сдача, как умышленное действие, всегда предполагает волю субъекта, то есть, необходим прямой умысел².

Бесспорным, по мнению ряда авторов, законным основанием на сдачу военнослужащего в плен является приказ начальника. Если должностное лицо отдаёт приказ о сдаче в плен, в данном случае о преступлении речи идти не может. При этом понятно, что попадание в плен в силу беспомощного состояния, по причине, например, ранения или по другим причинам, где есть признак

невозможности сражаться и оказывать сопротивление, состав объективной стороны преступления не образуется и ответственность не наступает³.

Следующий аспект, который нельзя оставить без внимания — это случаи, когда военнослужащий совершает действия, направленные на сдачу в плен, и именно такие случаи, скорее всего, вызовут сложности в процессе доказывания, так как следователю будет крайне сложно выяснить реальные обстоятельства, при которых военнослужащий попал в плен. Эта причина станет краеугольным камнем в разбирательстве подобных дел. В подтверждение слов может выступить отсутствие судебной практики по данному составу⁴.

Таким образом, можно сделать вывод, что ст. 352.1 УК РФ в действующей редакции требует дальнейшей доработки. По нашему мнению, следует более детально проработать термин «добровольной» сдачи в плен, дабы избежать возможного несправедливого наказания военнослужащего, оказавшегося в плену, в силу беспомощного или иного состояния, когда у него не было прямого умысла сдаваться в плен. Считаем, что внесение изменений и дополнений в вышеназванный состав позволит свести к минимуму проблемы, которые впоследствии могут возникнуть у правоприменителя в части определения верной квалификации расследуемого преступления.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» является результатом комплексной работы по изучению судебной практики по делам о преступлениях против военной службы, рассмотренных военными судами за период с 2010 по 2022 г. 18 пунктов Постановления № 11 (п. 38—55) посвящены разъяснениям, касающимся самовольного оставления части или места службы, дезертирства и уклонения от исполне-

¹ Иманов С.Г. Основные изменения уголовного законодательства в период проведения специальной военной операции: аналитический обзор // Научные достижения 2023: гуманитарные и социальные науки : сборник материалов XXI-ой международной очно-заочной научно-практической конференции : в 2 т.; т. 2. 4 декабря 2023. М.: Издательство НИЦ «Империя», 2023. С. 85.

² Назаров А.А. Понятие и состав воинского преступления по законодательству зарубежных стран // Военное право. 2018. № 3 (49). С. 184—187.

³ Моргуленко Е.А., Харитонов С.С. О декриминализации части 1 статьи 335 и статьи 336 Уголовного кодекса Российской Федерации // Военное право. 2020. № 3 (61). С. 232—239.

⁴ Иманов С.Г. Указ. соч. С. 87.

ния обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами.

Ответственность по соответствующим статьям — ст. 337, 338 и 339 УК РФ — наступает за уклонение военнослужащего от исполнения обязанностей военной службы, совершённое только теми способами, которые указаны в диспозиции соответствующей статьи: самовольное оставление части или места службы; неявка на службу в срок без уважительных причин; симуляция болезни; причинение себе какого-либо повреждения (членовредительство); подлог документов или иной обман. Следовательно, если отказ военнослужащего от исполнения обязанностей военной службы по различным мотивам не нарушает порядок пребывания на военной службе, то лицо не подлежит ответственности по указанным статьям.

Что касается ст. 339 УК РФ, предусматривающей ответственность за уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни, причинения себе какого-либо повреждения (членовредительство), подлога документов или иного обмана, то здесь имеет значение цель совершения таких действий — временное уклонение от исполнения обязанностей военной службы или полное освобождение от таких обязанностей.

При этом разъясняется, что осуждение лица за уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем подлога документов или иного обмана по ст. 339 УК РФ не исключает его уголовную ответственность при наличии соответствующих признаков и за неявку на службу в срок без уважительных причин по ст. 337 УК РФ. А само изготовление подложного официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, требует дополнительной квалификации по ст. 327 УК РФ.

Следующая проблема — это проблема судебной практики по делам о коррупционных преступлениях, применяются содержащиеся в них положения и толкования Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов. Однако при рассмотрении таких дел военными судами возникает вопрос о квалификации преступного деяния правонару-

шителя как совершённого военнослужащим по ст. 285 и 286 УК РФ¹.

Североморским гарнизонным военным судом капитан 1 ранга С. осужден за совершение преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 290 УК РФ и ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 285 УК РФ, по совокупности преступлений путем частичного сложения назначенных наказаний в виде лишения свободы с лишением права занимать должности на государственной службе и в органах местного самоуправления, связанные с выполнением организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций на срок, указанный в приговоре. С. осуждён за получение взятки в значительном размере, а также за покушение на использование своих служебных полномочий вопреки интересам военной службы, совершённых из корыстной и личной заинтересованности, повлекшем существенное нарушение охраняемых законом интересов подчиненного².

В 2022 г. законодатель активно пересматривал Уголовный кодекс Российской Федерации, а в сентябре был внесен пакет существенных изменений в Уголовный закон, которые можно охарактеризовать как реформу военно-уголовного законодательства.

Законодатель уточнил отягчающие обстоятельства, предусмотренные п. «л» ст. 63 УК РФ. Несмотря на то, что введенные особые обстоятельства были юридически определены, применение понятия «мобилизация» может быть проблематичным, поскольку в законе не указано время ее окончания. Этот факт должен быть закреплен в законе, например, в форме указа Президента Российской Федерации.

Новый состав преступления предусматривает более суровое наказание. При столь суровом лишении свободы возможность условного осуждения значительно снижает-

¹ Смирнов Д.В., Харитонов С.С. Некоторые вопросы военно-судебной практики применительно к квалификации преступлений // Военное право. 2024. № 4 (86). С. 167—172.

² Апелляционное определение Северного флотского военного суда от 17.12.2019 № 22–85/2019. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=OFS&n=1969#W8yFV5UHirVho0tA> (дата обращения 30.08.2024).

ся. Это объясняется повышенной общественной опасностью совершения подобных деяний в условиях критической военно-политической ситуации¹. Например, несанкционированное оставление значительного числа передовых позиций может привести к тому, что эти позиции будут захвачены противником и, следовательно, должны быть отвоеваны путем атаки.

Хотя бы одна новая единица техники, оставленная на нейтральном участке, может быть захвачена противником и изучена в ходе реинжиниринга для улучшения тактики борьбы с ней. Все это может даже повлиять на стратегическое положение линии фронта, что, в свою очередь, может повлиять на ход вооруженного конфликта и обороноспособность страны в целом.

В настоящее время нет необходимости принимать специальный закон об уголовной ответственности за военные преступления. Предыдущая редакция части 3 данной статьи относилась к законодательству военного времени. Однако ни в 1996 г., когда в Чеченской Республике проводилась контртеррористическая операция, ни в 2022 г., когда началась специальная военная операция, такого законодательства принято не было.

В настоящее время термин «боевая обстановка», который упоминается только в ч. 3 ст. 331 УК РФ, не существует и требует специальной правовой регламентации, а понятия «обстановка вооруженного конфликта» и «совершение враждебных действий» занимают свое место в квалификации преступлений и специальной квалификации преступлений в связи с прохождением военной службы². Толкование данных терминов, изложенное в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023г. № 11, устранило правовую неопределенность.

Таким образом можно сделать вывод, что в целом изменения и дополнения направлены на устранение ряда все более

актуальных правовых пробелов и усиление ответственности за общее предупреждение общественно-опасных деяний в условиях боевых действий.

Библиография

1. Иманов, С.Г. Основные изменения уголовного законодательства в период проведения специальной военной операции: аналитический обзор / С.Г. Иманов // Научные достижения 2023: гуманитарные и социальные науки: сборник материалов XXI-ой международной очно-заочной научно-практической конференции : в 2 т.; т. 2. 4 декабря 2023. — Москва: Издательство НИЦ «Империя», 2023.
2. Зюбанов, Ю.А. Понятие и происхождение названия «уголовное право» : монография / Ю.А. Зюбанов. — Москва: Проспект, 2021. — 192 с.
3. Кудашкин, А.В. Проблемы квалификации военных преступлений, основанных на нарушениях норм международного гуманитарного права и проблемы юрисдикции суда / А.В. Кудашкин // Право в Вооружённых Силах — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 2 (307).
4. Моргуленко, Е.А. О декриминализации части 1 статьи 335 и статьи 336 Уголовного кодекса Российской Федерации / Е.А. Моргуленко, С.С. Харитонов // Военное право. — 2020. — № 3 (61). — С. 232—239.
5. Назаров, А.А. Понятие и состав воинского преступления по законодательству зарубежных стран. / А.А. Назаров // Военное право. — 2018. — № 3 (49). — С. 184—187.
6. Паршаков, Е.Н. Новеллы уголовного права, принятые федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации» от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ // Science Time.— 2023. — №. 11 (118).
7. Сенцов, А.С. Основные направления дальнейшего совершенствования нового уголовного законодательства, принятого в условиях проведения специальной военной операции на Украине /А.С. Сенцов, В.А. Волколупова, В.Г., Волколупов // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2022. — № 4 (63).
8. Смирнов, Д.В. Некоторые вопросы военно-судебной практики применительно к квалификации преступлений / Д.В. Смирнов, С.С. Харитонов // Военное право. — 2024. — № 4 (86). — С. 167—172.
9. Харитонов, С.С. Практические аспекты квалификации преступлений по материалам практики военных судов / С.С. Харитонов // Право в Вооружённых Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 3 (296).
10. Шамаев, А.М. Вопросы совершенствования законодательства в сфере противодействия террористическим проявлениям / А.М. Шамаев, С.В. Иноземцев // Образование и право. — 2022. — № 6.
11. Шарапов, С.Н. О необходимости «мобилизации» Уголовного кодекса Российской

¹ Паршаков Е.Н. Новеллы уголовного права, принятые федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации» от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ // Science Time. 2023. №. 11 (118). С. 57.

² Паршаков Е.Н. Указ. соч. С. 58.

About some problems of qualification of crimes against military service

© **Borisov A.V.**,

Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law at the Military University. The Prince Alexander Nevsky Ministry of Defense of the Russian Federation

Annotation. The article discusses the changes made to the Criminal Code of the Russian Federation dated September 24, 2022 and some problems of qualification of criminal acts against military service related to these changes.

Keywords: crimes against military service, qualification of crimes against military service.

Актуальные проблемы военно-уголовного законодательства на современном этапе

© Закомолдин Руслан Валериевич,

кандидат юридических наук, доцент, научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений и противодействия экстремизму НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации

Аннотация. Статья посвящена анализу ряда проблем, возникших в связи с проведением специальной военной операции и реформированием действующего военно-уголовного законодательства и законодательства о военной службе. Делается вывод о том, что в новых условиях законодательство требует соответствующего преобразования, но такая работа не должна быть ситуативной и привязанной к конкретной специальной военной операции, она должна быть концептуальной и иметь универсальный характер.

Ключевые слова: военно-уголовное законодательство, преступления против военной службы, специальная военная операция, военная безопасность, призыв на военную службу, мобилизация, добровольческие формирования, военная тайна, частные военные компании.

В связи с началом специальной военной операции, введением режима частичной мобилизации¹, а в последующем — военного положения на территории ряда субъектов Российской Федерации² состоялась своего рода мобилизация и милитаризация УК РФ. С принятием руководством страны ряда таких кардинальных решений и последовавшим вслед за этим реформированием военно-уголовного законодательства³ обнажился ряд проблемных вопросов, заслуживающих пристального внимания.

1. Уголовно-правовая охрана военной (оборонной) безопасности.

Некоторое время в законодательстве и юридической науке имело место смеше-

ние военной, государственной и национальной безопасности. Так, в Военной доктрине Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976, военная безопасность определяется как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения, характеризующееся отсутствием военных угроз либо наличием способности им противостоять (подп. «а» п. 8).

Среди экспертов (прежде всего, военных) сегодня бытует мнение, что в современных геополитических условиях необходимо вновь рассматривать национальную безопасность, прежде всего, с позиции обороны. Отмечается смещение приоритета национальной безопасности в область обеспечения военной безопасности⁴.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации».

² Указ Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756 «О введении военного положения на территории Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей».

³ Федеральный закон от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

⁴ Зарудницкий В.Б. Тенденции изменения системы обеспечения военной безопасности государства в условиях новой геополитической карты мира // Военная мысль. 2024. № 2. С. 11—12.

Вместе с тем, в качестве ключевого системообразующего элемента национальной безопасности предлагается категория «оборонная безопасность», что представляется более точным, поскольку в новых условиях интересы обороны проникают во все сферы деятельности государства и жизнедеятельности общества (демография, культура, экология, экономика, политика и пр.)¹. В современных условиях переустройства всего миропорядка государственная политика и национальные интересы Российской Федерации во всех сферах сводятся исключительно к обороне. Закономерно, что в условиях военного противостояния оборона трактуется шире, чем в мирное время, и затрагивает иные сферы². Поэтому военная (оборонная) безопасность занимает сегодня особое место в системе национальной безопасности, являясь ее ключевым элементом³.

В этой связи представляется целесообразным внести в УК РФ ряд изменений и дополнений. Прежде всего, военную безопасность следует предусмотреть в ч. 1 ст. 2 УК РФ в качестве объекта уголовно-правовой охраны. Наименование раздела XI УК РФ, соответственно, уместно изложить в следующей редакции: «Раздел XI.

Преступления против военной безопасности»⁴.

2. Уголовная ответственность за уклонение от призыва на военную службу в порядке мобилизации.

Актуальна проблема уголовно-правовой оценки фактов уклонения граждан, находящихся в запасе и подлежащих мобилизации, от прохождения мобилизационных мероприятий и призыва на военную службу в порядке мобилизации.

Есть мнение, что такие деяния не укладываются в признаки составов ст. 328 УК РФ, предусматривающей ответственность за уклонение от прохождения военной или альтернативной гражданской службы, и привлечение к уголовной ответственности по данной статье в таких случаях исключено. Такой подход основан на разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, данных в Постановлении от 3 апреля 2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы». Безусловно, учитывая бланкетный характер данных норм, большое значение имеет их официальное толкование. На тот момент Пленум в своих разъяснениях исходил из условий и обстоятельств, которые не предполагали никаких перспектив введения режима мобилизации, а потому применил ограничительное толкование норм ст. 328 Уголовного закона. Однако в современных условиях указанные разъяснения утратили свою актуальность. Полагаем, умышленное уклонение граждан, находящихся в запасе, от призыва на военную службу либо на альтернативную гражданскую службу по мобилизации в полной мере подпадает под признаки составов, предусмотренных ст. 328 УК РФ. Необходимо исходить из буквального толкования диспозиции нормы ст. 328 УК РФ. Законодатель закрепил в данной ста-

¹ Васильев И.В. Оборонная безопасность России в системе национальной безопасности // Власть. 2017. № 6. С. 44—51.

² Шнякина Т.С., Сливков А.С. Оборона страны как важнейшее направление обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации // Военное право. 2022. № 1 (71). С. 42—50.

³ Закомолдин Р.В. О разграничении национальной, государственной и военной безопасности в контексте уголовно-правовой охраны // Реакция государства на преступное поведение, уголовно-правовое воздействие и уголовная ответственность в системе мер обеспечения национальной безопасности : сб. матер. круглого стола, г. Тольятти, 24 нояб. 2020 г. / ред. колл.: В.К. Дуюнов, Р.В. Закомолдин; Ин-т права Тольяттинского гос. ун-та. Самара, 2020. С. 24—27.

⁴ Закомолдин Р.В., Дуюнов В.К. О необходимости закрепления категорий «национальная безопасность» и «военная безопасность» в уголовном законе // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Юридические науки. 2020. № 3 (42). С. 26—31.

ть ответственность за уклонение от любого вида призыва на военную или альтернативную гражданскую службу, в том числе и в порядке мобилизации, что буквально следует из текста — «уклонение от призыва на военную службу при отсутствии законных оснований для освобождения от этой службы» (ч. 1) и «уклонение от прохождения альтернативной гражданской службы лиц, освобожденных от военной службы» (ч. 2).

Таким образом, сегодня пришло время буквального понимания смысла положений ст. 328 УК РФ, а разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации с учетом этого факта требуют корректировки и принятия соответствующих постановлений в новой редакции¹.

Вместе с тем, надлежащее исполнение воинской обязанности становится критически важным в сложные для государства моменты, когда для обеспечения интересов государства требуется проведение мобилизации. В связи с этим целесообразно дополнить ст. 328 УК РФ частью 2.1 в следующей редакции: «Деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, совершенные в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий, — ...»².

3. Уголовная ответственность добровольцев за преступления против военной службы.

Остается открытым вопрос об уголовной ответственности добровольцев за преступления против военной службы.

Добровольцами являются граждане Российской Федерации, поступившие в добровольческие формирования, создава-

емые государством для выполнения отдельных задач в области обороны, содействующие выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации и войска национальной гвардии, в период мобилизации, в период действия военного положения, в военное время, при возникновении вооруженных конфликтов, при проведении контртеррористических операций, а также при использовании Вооруженных Сил и войск национальной гвардии за пределами территории Российской Федерации³. Они должны соответствовать определенным требованиям и заключить соответствующий контракт с Минобороны России или Росгвардией. При соблюдении перечисленных условий на данных граждан в период их пребывания в добровольческом формировании в случаях и порядке, которые предусмотрены федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, распространяется статус (совокупность прав, обязанностей и ответственности) военнослужащих, поступивших на военную службу по контракту (п. 10 ст. 22.1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне»). Порядок поступления граждан в добровольческие формирования, пребывания в них и исключения из них регламентируется специальными актами Минобороны России и Росгвардии⁴.

Добровольческие формирования обеспечиваются вооружением, военной техникой и иными материально-

³ Шеншин В.М., Прудникова Л.Б. Военно-политический контекст и смысловое значение понятия «доброволец» // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 6 (311). С. 19—23.

⁴ Приказ Министра обороны Российской Федерации от 15 февраля 2023 г. № 67 «Об определении порядка поступления граждан Российской Федерации в добровольческие формирования, пребывания в них и исключения из них, требований, предъявляемых к гражданам Российской Федерации, поступающим в добровольческие формирования и пребывающим в них, а также порядка заключения контракта гражданами Российской Федерации о пребывании в добровольческом формировании и типовой формы контракта».

¹ Закомолдин Р.В., Данилов П.С. Воинская обязанность как объект уголовно-правовой охраны и преступных посягательств // Искусство правоповедения. 2023. № 3 (7). С. 49—56.

² Меркурьев В.В., Агапов П.В., Закомолдин Р.В. Уголовная ответственность за уклонение от призыва на военную службу в порядке мобилизации // Военно-юридический журнал. 2023. № 1. С. 5—8.

техническими средствами, привлекаются к выполнению боевых задач. Безусловно, добровольцы могут совершить и преступления против военной службы. Однако уголовная ответственность таких лиц как специальных субъектов составов преступлений против военной службы в УК РФ прямо не предусмотрена, что является пробелом¹.

В этой связи в ноябре 2023 г. в Госдуму России был внесен законопроект № 482168-8 «О внесении изменений в статью 331 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (в части уточнения ответственности за преступления против военной службы)², которым предложено ряд положений гл. 33 УК РФ распространить на граждан, проходящих военную службу в добровольческих формированиях, что в целом концептуально следует поддержать³.

4. Уголовная ответственность за преступления, совершаемые в особых условиях прохождения военной службы.

Федеральным законом от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ из УК РФ исключена ч. 3 ст. 331, где было закреплено положение о том, что «уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке, определяется законодательством Российской Федерации военного времени». Теперь уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершаемые в особые пери-

оды и в особых условиях — период *мобилизации* или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий предусмотрена непосредственно в гл. 33 УК РФ.

Такие преступления характеризуются повышенной общественной опасностью. В данном случае такие признаки как время и обстановка влияют на уголовную ответственность и выступают либо как криминообразующие (ст. 352¹ УК РФ), либо как квалифицирующие и особо квалифицирующие (ст. 332—334, 337—342, 344, 346—348 УК РФ) признаки составов преступлений против военной службы.

В тех случаях, когда совершение преступления в особые периоды не предусмотрено в статьях гл. 33 УК РФ в качестве признака состава преступления против военной службы (ст. 335, 336, 343, 345, 349—352), следует обсуждать вопрос об учете при оценке степени общественной опасности таких преступлений обстоятельств, отягчающих наказание, предусмотренных в п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

При этом следует подходить дифференцированно и не вменять в вину обстоятельства, характеризующие особый период совершения преступления против военной службы, списком. Из предлагаемого УК РФ перечня надлежит вменять лишь те обстоятельства, которые реально имели место при совершении и в связи с совершением конкретного преступления против военной службы конкретным лицом. Не случайно в судебной практике по данной категории дел довольно часто вмененные следствием соответствующие признаки в суде не находят своего подтверждения и исключаются из обвинения при вынесении приговоров.

5. Уголовная ответственность за разглашение сведений, составляющих военную тайну.

Еще одним острым вопросом является уголовно-правовое регулирование нарушения порядка обращения с военной тайной. Данная проблема не является новой и некоторое время назад уже активно об-

¹ Кириченко Н.С., Александрова Н.Г., Богданов С.Л. Юридическая ответственность граждан, пребывающих в добровольческих формированиях // Военное право. 2024. № 1 (83). С. 49—56; Закомолдин Р.В., Данилов П.С. Добровольцы как специальный субъект преступлений против военной службы // Военно-юридический журнал. 2024. № 3. С. 6—10.

² <https://sozd.duma.gov.ru/bill/482168-8> (дата обращения: 07.07.2024).

³ Закомолдин Р.В., Данилов П.С. О специальной уголовной ответственности участников добровольческих формирований за преступления против военной службы // Военное право. 2024. № 2 (84). С. 115—120.

суждалась¹. Однако в новых условиях она вновь приобрела особую актуальность. Обеспечение сохранности военной тайны как одной из гарантий внешней безопасности и обороноспособности государства в условиях мирного и военного времени является необходимым условием качественного выполнения поставленных перед Вооруженными Силами страны задач.

Определенные шаги в данном направлении законодателем были предприняты еще до начала специальной военной операции. Так, Федеральным законом от 11 июня 2021 г. № 172-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обороне» в правовое поле был введен термин «служебная тайна в области обороны». К ней относятся сведения, образующиеся при осуществлении полномочий органами и организациями по организации и выполнению мероприятий в области обороны, распространение которых может нанести вред при выполнении указанных мероприятий.

Уголовная ответственность за порядок обращения и сбережения военной тайны, относящейся к государственной тайне, урегулирована должным образом в целом ряде статей Особенной части УК РФ (ст. 275, 276, 283, 283.1, 283.2, 284). В отношении же военной тайны, являющейся служебной тайной в области обороны и иной служебной информацией, не являющейся государственной тайной, требуется соответствующий уголовно-правовой запрет, поскольку нарушение порядка обращения и сбережения таких сведений представляет опасность для военной (оборонной) безопасности.

Таким образом, полагаем необходимым законодателю в новых условиях вновь вернуться к вопросу совершенствования регулирования уголовной ответственности за нарушение порядка обращения и сбережения военной тайны, предусмотрев в отдельных статьях гл. 33 УК РФ специальные нормы об уголовной

ответственности за разглашение военной тайны, незаконное получение сведений, составляющих военную тайну, нарушение требований по защите военной тайны, а также утрату документов, содержащих военную тайну, при условии, что такие сведения не относятся к государственной тайне, а в содеянном отсутствуют признаки преступлений, предусмотренных ст. 275, 276, 283, 283.1, 283.2, 284 УК РФ².

6. Уголовная ответственность лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции.

24 июня 2023 г. был принят Федеральный закон № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции», который закрепил институт освобождения от уголовной ответственности и от наказания лиц, призываемых на военную службу по мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы, заключающих или уже заключивших контракт о прохождении военной службы либо проходящих военную службу в период мобилизации, в период военного положения или в военное время, и снятия с них судимости. Соответственно, были введены новые, не известные ранее современному уголовному закону основания освобождения от уголовной ответственности и от наказания, а также условия погашения судимости. К данному акту была масса претензий³, в связи с чем Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 61-ФЗ он был отменен, и ему на смену пришел новый Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации

² Закомолдин Р.В., Данилов П.С., Сенокосова Е.К. К вопросу об уголовной ответственности за нарушение порядка обращения и сбережения военной тайны // Вестник военного права. 2024. № 2. С. 53—58.

³ Рарог А.И. Военно-уголовное право России: состояние и перспективы // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 3 (73). С. 45—52; Решняк М.Г. Специальная военная операция: к вопросу о согласованности положений Федерального закона от 24 июня 2023 года № 270-ФЗ с нормами Уголовного кодекса Российской Федерации // Современное право. 2023. № 8. С. 106—109.

¹ Закомолдин Р.В. Об обеспечении сохранности военной тайны в условиях реформирования военного законодательства // Военно-юридический журнал. 2008. № 3. С. 11—12.

и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

Здесь явно просматривается целевая направленность на обеспечение комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации за счет лиц, находящихся в конфликте с уголовным законом, о чем указывалось и в пояснительной записке при внесении соответствующей инициативы. Эта цель, безусловно, очень важна и актуальна, но она не уголовно-правовая, а утилитарная, ситуативная — связана с конкретной СВО. Возникает проблема ее оптимального соотношения с принципами и целями таких ключевых уголовно-правовых институтов как уголовная ответственность, уголовное наказание и судимость, которые оказались «в тени» этой доминанты, что создало опасность нежелательного перекоса в правоприменительной практике. Поэтому здесь необходимы согласованность и соблюдение баланса.

Таким образом, в целом законодатель последовательно идет по пути формирования основ военно-уголовного законодательства в качестве подотрасли российского уголовного законодательства, постепенно преодолевая правовую неопределенность и бессистемность в данной сфере.

Безусловно, нами отмечены далеко не все проблемы действующего военно-уголовного законодательства. Так, например, можно указать еще на проблему уголовной ответственности участников частных военных компаний за преступления, совершаемые в период *мобилизации* или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий¹.

В связи с этим работу по дальнейшему совершенствованию военно-уголовного законодательства в новых и изменяющихся условиях следует продолжать. При этом важно подходить к решению данных вопросов концептуально, а не применительно лишь к сложив-

шейся в данный момент обстановке в связи с проведением специальной военной операции.

Библиография

1. Васильев, И.В. Оборонная безопасность России в системе национальной безопасности / И.В. Васильев // Власть. — 2017. — № 6. — С. 44—51.
2. Закомолдин, Р.В. Воинская обязанность как объект уголовно-правовой охраны и преступных посягательств / Р.В. Закомолдин, П.С. Данилов // Искусство правоприменения. — 2023. — № 3 (7). — С. 49—56.
3. Закомолдин, Р.В. Добровольцы как специальный субъект преступлений против военной службы / Р.В. Закомолдин, П.С. Данилов // Военно-юридический журнал. — 2024. — № 3. — С. 6—10.
4. Закомолдин, Р.В. К вопросу об уголовной ответственности за нарушение порядка обращения и сбережения военной тайны / Р.В. Закомолдин, П.С. Данилов, Е.К. Сенокосова // Вестник военного права. — 2024. — № 2. — С. 53—58.
5. Закомолдин, Р.В. Об обеспечении сохранности военной тайны в условиях реформирования военного законодательства / Р.В. Закомолдин // Военно-юридический журнал. — 2008. — № 3. — С. 11—12.
6. Закомолдин, Р.В. О необходимости закрепления категорий «национальная безопасность» и «военная безопасность» в уголовном законе / Закомолдин Р.В., Дуюнов В.К. // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. — Сер.: Юридические науки. — 2020. — № 3 (42). — С. 26—31.
7. Закомолдин, Р.В. О разграничении национальной, государственной и военной безопасности в контексте уголовно-правовой охраны / Р.В. Закомолдин // Реакция государства на преступное поведение, уголовно-правовое воздействие и уголовная ответственность в системе мер обеспечения национальной безопасности : сб. матер. круглого стола, г. Тольятти, 24 нояб. 2020 г. / ред. колл.: В.К. Дуюнов, Р.В. Закомолдин; Ин-т права Тольяттинского гос. ун-та. — Самара, 2020. — С. 24—27.
8. Закомолдин, Р.В. О специальной уголовной ответственности участников добровольческих формирований за преступления против военной службы / Р.В. Закомолдин, П.С. Данилов // Военное право. — 2024. — № 2 (84). — С. 114—119.
9. Зарудникий, В.Б. Тенденции изменения системы обеспечения военной безопасности государства в условиях новой геополитической карты мира / В.Б. Зарудникий // Военная мысль. — 2024. — № 2. — С. 11—12.
10. Кириченко, Н.С. Юридическая ответственность граждан, пребывающих в

¹ Овчаров А.В. Частные военные компании: уголовно-правовой аспект // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 3 (86). С. 84—93.

добровольческих формированиях / Н.С. Кириченко, Н.Г. Александрова, С.Л. Богданов // Военное право. — 2024. — № 1 (83). — С. 49—56.

11. Меркурьев, В.В. Уголовная ответственность за уклонение от призыва на военную службу в порядке мобилизации / В.В. Меркурьев, П.В. Агапов, Р.В. Закомолдин // Военно-юридический журнал. — 2023. — № 1. — С. 5—8.

12. Овчаров, А.В. Частные военные компании: уголовно-правовой аспект / А.В. Овчаров // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2018. — № 3 (86). — С. 84—93.

13. Парог, А.И. Военно-уголовное право России: состояние и перспективы / А.И. Парог // Правовое государство: теория и практика. — 2023. — № 3 (73). — С. 45—52.

14. Решняк М.Г. Специальная военная операция: к вопросу о согласованности положений Федерального закона от 24 июня 2023 года № 270-ФЗ с нормами Уголовного кодекса Российской Федерации / М.Г. Решняк // Современное право. — 2023. — № 8. — С. 106—109.

15. Шеншин, В.М. Военно-политический контекст и смысловое значение понятия «доброволец» / В.М. Шеншин, Л.Б. Прудникова // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 6. — (311). — С. 19—23.

16. Шнякина, Т.С. Оборона страны как важнейшее направление обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации / Т.С. Шнякина, А.С. Сливков // Военное право. — 2022. — № 1 (71). — С. 42—50.

Current problems of military criminal legislation at the present stage

© **Zakomoldin R.V.**,

candidate of law sciences, docent, researcher at the Department of scientific support for prosecutorial supervision and strengthening the rule of law in the field of federal security, interethnic relations and countering extremism of the Research Institute, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the analysis of a number of problems that arose in connection with the conduct of a special military operation on the territory of Ukraine and the reform of the current military criminal legislation and legislation on military service. It is concluded that in the new conditions the legislation requires a corresponding transformation, but such work should not be situational and tied to a specific special military operation, it should be conceptual and have a universal nature.

Keywords: military criminal law, crimes against military service, special military operation, military security, conscription, mobilization, volunteer formations, military secrets, private military companies.

Транснациональный характер преступлений коррупционной направленности

© Камышанский Дмитрий Юрьевич,
член Экспертно-консультативного совета при
Совете Парламентской Ассамблеи Организации
Договора о коллективной безопасности, старший
преподаватель юридического факультета
Московского университета имени
А.С. Грибоедова

Аннотация. Автором на основе анализа содержания международных правовых актов, научных трудов российских и зарубежных ученых и иных специалистов по указанной проблематике, а также авторского подхода к пониманию преступлений коррупционной направленности проведена корреляция между явлениями коррупции и транснациональной преступности. «Транснациональная коррупция» представляет реальную угрозу экономической безопасности любого государства, поскольку подрывает эффективность управления на всех уровнях (местный, региональный, государственный, международный). «Транснациональные преступления коррупционной направленности» целесообразно отнести к способам негативного воздействия на государства, их внутреннюю и внешнюю политику, экономическую и социальную системы.

Ключевые слова: транснациональные преступления, коррупция, преступления коррупционной направленности, международная коррупция, транснациональная коррупция, транснациональные корпорации.

Совершение преступлений коррупционной направленности в условиях проведения Российской Федерацией специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины продолжает представлять реальную угрозу безопасности Российской Федерации, поскольку затрудняет нормальное функционирование всех общественных механизмов, препятствует проведению социальных преобразований и повышению эффективности экономики, а также вызывает недоверие к государственным институтам.

В современных условиях коррупция рассматривается всеми государствами не как локальная проблема, а как угроза национальной и международной безопасности¹, которая, безусловно, носит транснациональный характер. В этой связи возрастает потребность в расширении сотрудничества в области предупреждения, борьбы и минимизации последствий этого де-

структивного социально-правового явления.

Впервые о транснациональной организованной преступности стали говорить в конце 70-х — начале 80-х гг. XX в. Это было связано с распространением наркотиков и невиданной до этого международной криминальной кооперацией при их незаконном производстве и распространении. В то же время отдельные элементы международного противоправного сотрудничества всегда были характерны для организованной преступности. Например, американский преступный синдикат под названием «корпорация убийц», выполнял заказы на физическое устранение неудобных для представителей организованной преступности лиц по всему миру независимо от гражданства и рода занятий жертвы².

В настоящее время на фоне складывающейся общественно-политической и социально-экономической обстановки

¹ Камышанский Д.Ю. Особенности противодействия преступлениям коррупционной направленности в Киргизской Республике // Вестник ученых-международников. 2023. № 4. С. 163—177.

² См. подробнее: Любин В.П. Италия: партии, мафия, коррупция. (обзор итальянской литературы) // Россия и современный мир. 2007. № 1 (54). С. 214—225.

трансграничная организованная преступность¹ оказывает все более разрушительный характер на развитие любого государства во всех сферах. Ее значение было отмечено около тридцати лет назад на конференции по организованной трансграничной преступности, которая состоялась в Неаполе (Италия) в 1994 г., прошедшей под эгидой Организации Объединенных Наций. В дальнейшем международное сообщество постоянно подчеркивало необходимость активизации противодействия проявлениям трансграничной преступности. Кроме того, растет взаимосвязь между ТОП и различными видами противоправной деятельности, в том числе с «трансграничной коррупцией».

Согласно ст. 3 Конвенции ООН против трансграничной организованной преступности, ратифицированной Российской Федерацией в апреле 2004 г.², преступление носит трансграничный характер, если:

- совершено более чем в одном государстве;
- совершено в одном государстве, но существенная часть его подготовки, планирования, руководства или контроля имеет место в другом государстве;
- совершено в одном государстве, но при участии организованной преступной группы, которая осуществляет преступную деятельность более чем в одном государстве;
- совершено в одном государстве, но его существенные последствия имеют место в другом государстве.

По мнению автора, юридические и организационные механизмы противодействия ТОП, в том числе «трансгранич-

ным преступлениям коррупционной направленности», закрепленные на универсальном уровне, оказали непосредственное влияние на формирование национальных правовых систем многих государств, в том числе государств — партнеров Российской Федерации в рамках различных международных организаций (СНГ, ОДКБ, БРИКС, ШОС и др.). Так, например, положения модельных правовых актов ОДКБ определяют контуры развития угроз, организационные механизмы и перспективные направления совершенствования системы противодействия.

Представляется, что к «трансграничным преступлениям коррупционной направленности» следует относить лишь те коррупционные преступления, которые связаны с присутствием иностранного элемента (субъекта).

Основными особенностями, которые отличают «трансграничную коррупцию» от коррупции в рамках одного государства, являются:

1. Зарубежные компании в большинстве случаев обладают лучшими ресурсами для более успешных переговоров при взаимодействии с публичными должностными лицами, нежели национальные компании (это в первую очередь проявляется в лоббировании собственных интересов компаний в политической среде государства³).
2. Борьба с «трансграничной коррупцией» регламентирована законодательством как государства, в котором юридически зарегистрирована компания, так и государства, на территории которого она непосредственно осуществляет свою деятельность.

3. Противодействие незаконной деятельности компаний в экономической сфере, в том числе при осуществлении «трансграничной коррупции», осуществляют уполномоченные правоохранительные органы всех государств, в кото-

¹ Здесь и далее в научной статье под трансграничной организованной преступностью понимается преступная деятельность (совокупность преступлений), выходящая за пределы национальных границ не менее чем одного государства и посягающая на охраняемые уголовным законом интересы не менее чем двух государств. Далее — ТОП.

² Конвенция Организации Объединенных Наций против трансграничной организованной преступности принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г.

³ См. подробнее: Камышанский Д.Ю. Противодействие преступлениям коррупционной направленности на примере Соединенных Штатов Америки // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2023. № 4 (61). С. 61—68.

рых они осуществляют указанную противоправную деятельность.

По нашему мнению, одним из наиболее активных и значимых субъектов «транснациональной коррупции» в настоящее время являются *транснациональные корпорации*, поскольку у них имеются необходимые ресурсы, а их члены обладают знаниями и навыками, составляющими в совокупности значительную политико-экономическую мощь в мире.

Анализ социологических исследований, проведенных международными организациями, свидетельствует, что в настоящее время насчитывается более 60 тыс. транснациональных корпораций, имеющих около 500 тыс. отделений и филиалов по всему миру. Как отмечают специалисты в указанных исследованиях, такие корпорации «являются работодателями примерно для 4 % всего занятого населения в развитых странах и примерно для 12 % в развивающихся странах»¹. Многие транснациональные корпорации развились до колоссальных размеров, а их ежегодный оборот денежных средств превышает валовой внутренний продукт многих государств мира.

Транснациональные корпорации, по мнению ряда исследователей², представляют собой сеть взаимосвязанных и географически распределенных центров, которые обладают общими стратегиями, нормами и интенсивным обменом сведениями.

¹ Joseph Mase Fighting transnational corruption: [Электронный ресурс] URL: <http://sas-space.sas.ac.uk/3537/1/1559-1907-1-SM.pdf> (дата обращения: 20.08.2024).

² См., например: Икромжонов И.И., Мохорова А.Ю. Транснациональная коррупция как состав международного преступления // Актуальные проблемы науки и практики. 2021. № 2. С. 14—18.; Пантелеев В.Ю. Антикоррупционное право России: системный анализ // Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Екатеринбург: Уральский институт управления — филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2022; Щепетов А.С. Транснациональные преступные структуры: понятие, признаки // Социальное управление. 2023. Т. 5. № 7. С. 300—306 и др.

В свою очередь представители зарубежного научного сообщества³ рассматривают такие корпорации в качестве порождения рыночных отношений и конкуренции, которые могут привести к дифференциации в мире бизнеса.

Представляется важным, что вне зависимости от используемого подхода к определению транснациональных корпораций, общими чертами для них являются именно транснациональность и колоссальные финансовые возможности с привлечением высококвалифицированных специалистов с возможностью лоббирования интересов. Это позволяет транснациональным корпорациям заниматься коррумпированием иностранных должностных лиц в своих интересах в глобальном масштабе.

Также интересно мнение И.М. Мацкевича, доктора юридических наук, профессора, который отмечает, что «транснациональные организованные преступные формирования появились не спонтанно, а умножались по мере роста социально-политической нестабильности, вызванной быстрыми и ошибочными преобразованиями в экономике и политике»⁴.

Криминальные единицы, организуя преступные сообщества, действуют согласованно в едином криминальном пространстве на территориях своих государств. При тенденции роста ТОП указанные преступные формирования успешно используют такие благоприятные для них факторы, как упрощение порядка пересечения границ государства, создание свободных экономических зон, слабость правовой базы борьбы с международной преступностью, несовершенство погранично-

³ См., например: Arnone M., Borlini L.S. Corruption: Economic Analysis and International Law. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing Ltd, 2014; Wolf S. Modernization of the German Anti-Corruption Criminal Law by International Legal Provisions // German Law Journal. 2006. № 7 (9). P. 785—788; Мао Синцинь Исследование специального порядка конфискации противозаконно приобретенного имущества. Пекин: Чжунго цзяньча чубаньшэ, 2014 и др.

⁴ Мацкевич И.М. Транснациональная организованная преступность: понятие и признаки // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2017. № 4. С. 69—77.

го, таможенного и другого контроля для осуществления своих преступных целей.

Рассматривая *примеры правоприменительной практики по противодействию транснациональным преступлениям коррупционной направленности*, можно в первую очередь выделить следующий.

Резонансным было слушание уголовного дела в Камчатском краевом суде об организации преступного сообщества с целью легализации морских биологических ресурсов, произведенной в результате незаконного промысла.

Согласно материалам дела, преступное сообщество, возглавляемое гражданами Соединенных Штатов Америки, Федеративной Республики Германии и Российской Федерации, занималось незаконной добычей крабов в исключительной экономической зоне Российской Федерации для последующего сбыта в Южной Корее и США. При этом их доля на рынке составляла около 70%.

За период в полтора года экипажи принадлежащих им судов выловили более 24,5 тыс. тонн краба вместо разрешенных 4,7 тыс. тонн. Причиненный ими материальный ущерб составил почти 545 млн долл. В рамках дела было арестовано свыше 20 судов, признанных вещественными доказательствами.

Коррупцированные сотрудники правоохранительных органов передавали преступникам информацию о местонахождении патрульных кораблей, сроках и местах проведения спецопераций. Обладая такими сведениями, те могли беспрепятственно составлять графики выхода своих судов на незаконный промысел¹.

Стоит отметить, что формы и методы борьбы с транснациональной коррупцией могут быть различны.

Вследствие самого характера и сложности коррупции как социально-правового явления, особенно на транснациональном уровне, для ее предупреждения требуется

принимать комплекс различных мер, как правовых, так и организационных.

Большинство актов международных организаций, направленных на противодействие транснациональным преступлениям коррупционной направленности, решают лишь отдельные вопросы².

По нашему мнению, *целям дальнейшего укрепления сотрудничества государств в сфере противодействия «транснациональным преступлениям коррупционной направленности» будут соответствовать следующие меры:*

— совершенствование международной нормативной правовой базы, предусматривающей в том числе разработку модельных законов и программ по борьбе с отдельными опасными видами преступлений (применительно к рассматриваемой проблематике – с преступлениями коррупционной направленности);

— совершенствование порядка международного розыска лиц, причастных к ТОП;

— разработка и реализация совместных целевых программ и долгосрочных планов по противодействию ТОП, в том числе «транснациональным преступлениям коррупционной направленности» в рамках основных институтов системы международной безопасности;

— расширение сотрудничества правоохранительных и контролирующих органов государств.

Библиография

1. Икромжонов, И.И. Транснациональная коррупция как состав международного преступления / И.И. Икромжонов, А.Ю. Мохорова // Актуальные проблемы науки и практики. — 2021. — № 2. — С. 14—18.

4. Камышанский, Д.Ю. Основы международного сотрудничества в области противодействия преступлениям коррупционной направленности /

² См. подробнее: Камышанский Д.Ю., Аксенов А.Н. Основы международного сотрудничества в области противодействия преступлениям коррупционной направленности // Грибоедовские чтения — 2023: современные вызовы юридической науки и практики: Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 23 октября 2023 г. М.: Изд. группа «Юрист», 2024. — С. 61—66.

¹ Готовьте камеру Гонтмахеру: [Электронный ресурс] URL: <http://www.debridv.ru/article/2834?ysclid=lx3r5p8iy10867548> (дата обращения: 20.08.2024).

Д.Ю. Камышанский, А.Н. Аксенов // Грибоедовские чтения — 2023: современные вызовы юридической науки и практики : Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 23 октября 2023 г. — Москва: Издательская группа «Юрист», 2024. — С. 61—66.

2. Камышанский, Д.Ю. Особенности противодействия преступлениям коррупционной направленности в Киргизской Республике / Д.Ю. Камышанский // Вестник ученых-международников. — 2023. — № 4. — С. 163—177.

2. Камышанский, Д.Ю. Противодействие преступлениям коррупционной направленности на примере Соединенных Штатов Америки / Д.Ю. Камышанский // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. — 2023. — № 4 (61). — С. 61—68.

5. Любин, В.П. Италия: партии, мафия, коррупция (обзор итальянской литературы) / В.П. Любин // Россия и современный мир. — 2007. — № 1 (54). — С. 214—25.

6. Мао Синцинь Исследование специального порядка конфискации противозаконно приобретенного имущества / Мао Синцинь. — Пекин: Чжунго цзяньча чубаньшэ, 2014. — 262 с.

7. Мацкевич И.М. Транснациональная организованная преступность: понятие и признаки / И.М. Мацкевич // Вестник Московского университета. — Серия 11: Право. — 2017. — № 4. — С. 69—77.

8. Пантелеев, В.Ю. Антикоррупционное право России: системный анализ / В.Ю. Пантелеев. — Екатеринбург: Уральский институт управления — филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2022. — 454 с.

9. Щепетов, А.С. Транснациональные преступные структуры: понятие, признаки / А.С. Щепетов // Социальное управление. — 2023. — Т. 5, № 7. — С. 300—306.

Transnational nature corruption-related crimes

© Kamyshansky D.Yu.,

Member of the Expert Advisory Council under the Council of the Parliamentary Assembly of the Collective Security Treaty Organization, Senior Lecturer of the Law Faculty of Moscow University Named After A.S. Griboyedov

Abstract. The author, based on the analysis of the content of international legal acts, scientific works of Russian and foreign scientists and other specialists on this issue, as well as the author's approach to understanding corruption-related crimes, has made a certain correlation between the phenomena of corruption and transnational crime. «Transnational corruption» poses a real threat to the economic security of any state, since it undermines the effectiveness of governance at all levels (local, regional, state, international). It is advisable to attribute «Transnational crimes of corruption» to the methods of negative impact on states, their domestic and foreign policies, economic and social systems.

Keywords: transnational crimes, corruption, corruption-related crimes, international corruption, transnational corruption, transnational corporations.

Понятие и сущность военного экоцида

© Кириченко Николай Сергеевич,
юрист, кандидат юридических наук

© Александрова Наталья Геннадиевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
кадрового, правового и психологического
обеспечения Академии Государственной про-
тивопожарной службы МЧС России

Аннотация. Уголовное законодательство Российской Федерации содержит большой перечень составов преступлений, за которые соответственно наступает уголовная ответственность. К таким составам относится экоцид (ст. 358 УК РФ), то есть массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершение иных действий, способных вызвать экологическую катастрофу. При этом существует такое понятие как «военный экоцид», которое в большей степени имеет международно-правовую природу. В настоящей статье с позиции военного права мы постараемся раскрыть содержания указанного понятия и дать его краткую характеристику.

Ключевые слова: экоцид, военный экоцид, уголовный кодекс, уголовная ответственность, специальная военная операция, оборона, безопасность.

Уголовная ответственность является самым строгим видом ответственности за совершенные преступные деяния как в нашем государстве, так и во всем мире. В этой связи, на наш взгляд, рассмотрение различных вопросов, связанных с данным видом ответственности, будут актуальны всегда, в том числе связанные с преступлениями в международной и военно-правовой сферах. Данной теме посвящено большое количество научных работ¹, что является

дополнительным доказательством вышеизложенного мнения.

Еще больший интерес и актуальность представляет рассмотрение и изучение особо тяжких преступлений, к которым также относится экоцид (ст. 358 УК РФ), то есть массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершение иных действий, способных вызвать экологическую катастрофу (наказываются лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет).

Экоцид признан Организацией Объединенных Наций международным преступлением. В 1947 г. Генеральная Ассамблея в специальной резолюции поручила Комиссии международного права ООН составить проект Кодекса о преступлениях против мира и безопасности человечества.

¹ См. напр.: Корякин В.М. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по проблемам военного права. М., 2006; Иванова Л.В. Уголовно-правовое противодействие диверсионной деятельности // Новеллы законодательства криминального цикла и их отражение в уголовно-правовых науках : Материалы Международного научно-практического круглого стола. Тюмень, 2023. С. 51—55; Закомолдин Р.В., Данилов П.С. О специальной уголовной ответственности участников добровольческих формирований за преступления против военной службы // Военное право. 2024. № 2 (84). С. 115—120; Кириченко Н.С., Александрова Н.Г., Богданов С.Л. Юридическая ответственность граждан, пребывающих в добровольческих формированиях // Военное право. 2024. № 1 (83). С. 49—54; Козлов А.А. Преступления фашистского режима Киева, ВСУ и нацбатов против мирного населения ДНР, ЛНР // Правовое обеспечение деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации: опыт, проблемы и перспективы : Сборник научных трудов по

результатам мероприятий, организованных в рамках постоянно действующего научно-исследовательского семинара. «Актуальные проблемы правового регулирования деятельности Вооруженных сил Российской Федерации». М., 2023. С. 156—163; Моргуленко Е.А., Харитонов С.С., Шарапов С.Н. О некоторых вопросах уголовной ответственности военнослужащих за воинские преступления в ходе боевых действий // Военно-юридический журнал. 2022. № 11. С. 13—17.

В 1991 г. на своей 43-й сессии Комиссия международного права в предварительном порядке приняла в первом чтении проект этого Кодекса, в котором в качестве преступления, представляющего большую общественную опасность, наряду с геноцидом и военными преступлениями назван экоцид¹.

В науке международного права для обозначения наиболее опасных преступлений, связанных с угрозой окружающей среде, употребляются термины «экоцид» и «биоцид». Однако до сих пор не выработаны общепризнанные определения данных понятий. Так, Н.Ф. Реймерс определяет экоцид с точки зрения биолога как преднамеренное разрушение среды обитания, всего живого, приводящее к биоциду. Биоцид, по его мнению, представляет собой истребление всего живого на больших территориях². Некоторые исследователи связывают экоцид с международными вооруженными конфликтами, определяя его как «преднамеренное разрушительное воздействие на природную среду народа с целью нанесения ущерба противнику главным образом за счет изменения подрыва его экосистем»³. По мнению В.П. Панова, экоцид как международное военное преступление означает общественно опасные для цивилизации посягательства на окружающую природную среду. Его составной частью является «военный экоцид», т.е. принудительное использование природных условий и явлений для достижения военного преимущества над противником и победы в войне⁴.

Военный экоцид представляет собой нарушение экосистем как среды обитания

человека, совершенное в ходе ведения военных действий. Такие действия характеризуются массовым (объемным) характером и совершаются в отношении противника в ходе вооруженной борьбы между государствами или народами, целью которых является превращение определенной местности непригодной для обитания человека.

Существует легенда, что первыми «акт военного экоцида» в 146 г. совершили римляне, которые при разрушении Карфагена посыпали почву солью, чтобы ее нельзя было использовать для земледелия⁵. Однако, это можно назвать пустяком в сравнении с действиями других государств.

Наиболее известный «акт военного экоцида» был совершен США в ходе военной кампании во Вьетнаме (1965—1973 гг.), развернутой с целью сдерживания коммунистического движения и поддержки проамериканского режима в Южном Вьетнаме. С 1965 по 1969 г. Вооруженные силы США проводили крупномасштабные наступательные операции в Южном Вьетнаме, направленные на обнаружение и уничтожение подразделений северовьетнамской армии. В ходе боевых действий военно-воздушные силы США распыляли токсичные дефолианты над джунглями, что было признано одной из крупнейших акций военного экоцида. Активно применялись фугасные бомбы, напалм, фосфор и другие запрещенные виды вооружений. Происходило массовое уничтожение мирных жителей, хозяйственной инфраструктуры, практиковалось разрушение ирригационных сооружений, приведение сельскохозяйственных угодий в негодность⁶.

Армией США во время этой войны было распылено на территории Южного Вьетнама 72 млн. литров дефолиантов «Agent Orange» для уничтожения лесов, в том числе 44 млн литров, содержащих 2,3,7,8-Тетрахлородибензодиоксин. 2,3,7,8-ТХДД является стойким веществом, кото-

¹ Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об охране окружающей среды» (постатейный) / Е.Н. Абаина, А.П. Анисимов, А.В. Кодолова и др.; под ред. А.П. Анисимова. М.: Деловой двор, 2010.

² Словарь терминов и понятий, связанных с охраной живой природы / Под ред. Н.Ф. Реймерса. М., 1982. С. 139.

³ Вавилов А.М. Экологические последствия гонки вооружений. М., 1984. С. 107; Фокин А.В., Хозин А.Г. Экоцид в политике американского империализма. М., 1985. С. 3—4.

⁴ Панов В.П. Международное уголовное право. М., 1997. С. 62.

⁵ Карфаген. Всемирная историческая энциклопедия. URL: <https://www.worldhistory.org/trans/ru/> (дата обращения 26.08.2024).

⁶ Красинский В.В. Защита государственного суверенитета: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2017.

рое, попадая в организм человека с водой и пищей, вызывает различные заболевания печени и крови, массовые врожденные уродства новорожденных и нарушения нормального протекания беременности. После применения американскими военными дефолиантов уже после войны погибло несколько десятков тысяч человек. Всего во Вьетнаме насчитывается около 4,8 млн. жертв распыления дефолиантов¹.

В итоге были уничтожены тропические леса на площади 2 млн га и 43 % площади сельскохозяйственных угодий Вьетнама. Резко обеднилась фауна (к примеру, из 160 видов птиц в районах, подвергнутых обработке дефолиантами, сохранилось менее 20). На обработанной дефолиантами почве лес либо вообще не восстанавливается и разрастается двухметровый злак слоновая трава, либо восстанавливаются малоценные вторичные породы. Кроме того, во время войны в Индокитае использовалась специальная техника для расчистки тропических лесов методом «римского плуга», при которой двести 33-тонных бульдозеров, соединенных тяжелыми цепями, уничтожали естественные леса и плантации деревьев. Также практиковались «ковровые бомбардировки», когда на небольшую площадь сбрасывалось одновременно 93 тяжелых бомбы, а также сверхкрупные бомбы (весом 7 т., «косилки маргариток»). Такие «косилки» разрывались над поверхностью земли и образовывали обширные безлесные пространства для посадки вертолетов. Такие действия США подорвали хозяйство многих районов Индокитае, погибли или получили тяжелые увечья более 2 млн. человек из числа мирного населения².

Во время ирако-кувейтской войны иракцы взорвали 1 200 нефтяных скважин,

ряд нефтепроводов, нефтехранилищ и затопили кувейтские танкеры. Возникшие пожары по масштабам не имели прецедентов в истории человечества. Ежедневно выгорало около 1 млн. т. нефти, в атмосферу выбрасывалось при этом 50 тыс. т. диоксида серы, 100 тыс. т. сажи и 80 т. диоксида углерода. В результате задымления атмосферы температура в районах активных военных действий снизилась на 10 градусов. Черные дожди шли в радиусе 1000 км, что снизило продуктивность сельскохозяйственных угодий и вызвало массовые заболевания населения. На поверхность залива было вылито около 400 т. нефти, нефтяное пятно в Персидском заливе возникло на площади 10 тыс. км². Огромный урон был нанесен экосистемам залива и прибрежных территорий, где наблюдалась массовая гибель птиц (бакланов, пеликанов и др.)³.

При этом Международное гуманитарное право запрещает применять методы или средства ведения военных действий, которые имеют своей целью причинить или, как можно ожидать, причинят обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде. Применительно к военным преступлениям экоцид представляет собой запрещенные международным правом методы ведения военных действий и имеет своей целью разрушение окружающей жизненно важной для человека природной среды и разрыв нормальных связей между человеком и природой. Подпунктом «б» п. 2 ст. 8 Устава Международного уголовного суда предусмотрено, что серьезным нарушением законов и обычаев, применимых в международных вооруженных конфликтах в установленных рамках международного права, является «умышленное совершение нападения, когда известно, что нападение явится причиной ... обширного, долгосрочного и серьезного ущерба окружающей природной среде, который будет явно не соизмерим с конкретным и непосредственно ожидаемым общим военным превосходством»⁴.

¹ МИД: Вьетнам поддерживает требования жертв АО о справедливости. Иллюстрированный журнал Вьетнам (5 февраля 2021). URL: <https://vietnam.vnanet.vn/vietnamese/> (дата обращения 26.08.2024).

² См. напр.: Военный экоцид. Экологический словарь. URL: <https://ecolog.academic.ru/241/ВОЕННЫЙ> (дата обращения 26.08.2024); Холиков И.В., Апросимов А.В. Преступление геноцида в практике органов международного правосудия // Военное право. 2023. № 2 (78). С. 231—239.

³ Там же.

⁴ Белый И.Ю. Производство по делам о военных преступлениях в органах международного уголовного правосудия (проблемы становления и

Следует отметить, что в настоящее время недостаточно проработан вопрос о возмещении ущерба, причиняемого окружающей природной среде в период вооруженного конфликта. Четвертая Гагская конвенция 1907 г. и Дополнительный протокол I 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. гласят: «Сторона, находящаяся в конфликте, которая нарушает положения Конвенций или настоящего Протокола, должна возместить убытки, если к тому есть основания. Она несет ответственность за все действия, совершаемые лицами, входящими в состав ее вооруженных сил». В случае экологической войны вина за ее развязывание, а также за принятие решений по применению экологически опасных средств и методов ее ведения может лежать на гражданских лицах, занимающих высшие должности в аппарате государства и обладающих полномочиями в сфере военной деятельности. Финансовая ответственность государств за нарушение норм права вооруженного конфликта редко приводит к значительным результатам. Лучшим результатом является возложение на потерпевшую сторону обязанности выплатить победителю сумм в качестве репараций за финансовые потери, понесенные им в результате войны. Хотя обязанность побежденной стороны по возмещению ущерба победителю предусмотрена в виде контрибуции, но сегодня она запрещена международным правом. На смену ей пришли иные формы (репарации, реституции), существо которых состоит в обязанности государства-агрессора возместить потерпевшей стороне причиненный агрессивной войной ущерб¹.

Несмотря на международное закрепление запрета экоцида, к которому соответственно относится военный экоцид, государства, совершившие указанные действия, в том числе США, не понесли за это никакой ответственности.

перспективы развития): монография. М.: За права военнослужащих, 2011.

¹ Леншин С.И. Правовой режим вооруженных конфликтов и международное гуманитарное право : монография. М: За права военнослужащих, 2009.

Библиография

1. Белый, И.Ю. Производство по делам о военных преступлениях в органах международного уголовного правосудия (проблемы становления и перспективы развития): монография / И.Ю. Белый. — Москва : За права военнослужащих, 2011. — 288 с.
2. Вавилов, А.М. Экологические последствия гонки вооружений / А.М. Вавилов. — Москва, 1984. — 107 с.
3. Закомолдин, Р.В. О специальной уголовной ответственности участников добровольческих формирований за преступления против военной службы / Р.В. Закомолдин, П.С. Данилов // Военное право. — 2024. — № 2 (84). — С. 115—120.
4. Иванова, Л.В. Уголовно-правовое противодействие диверсионной деятельности / Л.В. Иванова // Новеллы законодательства криминального цикла и их отражение в уголовно-правовых науках : Материалы Международного научно-практического круглого стола. — Тюмень, 2023. — С. 51—55.
5. Кириченко, Н.С. Юридическая ответственность граждан, пребывающих в добровольческих формированиях / Н.С. Кириченко, Н.Г. Александрова, С.Л. Богданов // Военное право. — 2024. — № 1 (83). — С. 49—54.
6. Козлов, А.А. Преступления фашистского режима Киева, ВСУ и нацбатов против мирного населения ДНР, ЛНР / А.А. Козлов // Правовое обеспечение деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации: опыт, проблемы и перспективы : Сборник научных трудов по результатам мероприятий, организованных в рамках постоянного действующего научно-исследовательского семинара «Актуальные проблемы правового регулирования деятельности Вооруженных сил Российской Федерации». — Москва, 2023. — С. 156—163.
7. Корякин, В.М. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по проблемам Военного права / В.М. Корякин. — Москва: За права военнослужащих, 2006.
8. Красинский, В.В. Защита государственного суверенитета : монография / В.В. Красинский Москва: НОРМА, ИНФРА-М, 2017. — 608 с.
9. Леншин, С.И. Правовой режим вооруженных конфликтов и международное гуманитарное право : монография / С.И. Леншин. — Москва: За права военнослужащих, 2009. — 240 с.
10. Моргуленко, Е.А. О некоторых вопросах уголовной ответственности военнослужащих за воинские преступления в ходе боевых действий / Е.А. Моргуленко, С.С. Харитонов, С.Н. Шарапов // Военно-юридический журнал. — 2022. — № 11. — С. 13—17.
11. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об охране окружающей среды» (постатейный) / Е.Н. Абанина, А.П. Анисимов, А.В. Кодолова и др.; под ред. А.П. Анисимова. — Москва: Деловой двор, 2010. — 600 с.

12. Панов, В.П. Международное уголовное право / В.П. Панов. — Москва, 1997.

13. Фокин, А.В. Экоцид в политике американского империализма / А.В. Фокин, А.Г. Хозин Москва, 1985.

14. Холиков, И.В. Преступление геноцида в практике органов международного правосудия // И.В. Холиков, А.В. Апросимов // Военное право. — 2023. — № 2 (78). — С. 231—239.

The essence of the military ecocide

© Kirichenko N. S.,

Lawyer, Candidate of Legal Sciences

© Alexandrova N.G.,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Personnel, Legal and Psychological Support of the Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia of the Russian Federation

Abstract. The criminal legislation of the Russian Federation contains a large list of offences for which criminal liability is accordingly imposed. Such compounds include ecocide (Article 358 of the Criminal Code of the Russian Federation), that is, the mass destruction of flora or fauna, poisoning of the atmosphere or water resources, as well as the commission of other actions capable of causing an environmental disaster. At the same time, there is such a concept as "military ecocide", which is more of an international legal nature. In this article, from the point of view of Military law, we will try to reveal the contents of this concept and give a brief description of it.

Keywords: Ecocide, military ecocide, criminal code, criminal liability, special military operation, defense, security.

О некоторых аспектах разграничения умышленного уничтожения или повреждения военного имущества с иными преступлениями против военной службы

© Соловьев Иван Юрьевич,
военный судья 23 гарнизонного военного суда

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы разграничения умышленного уничтожения или повреждения военного имущества с преступлениями против порядка эксплуатации военной техники, с преступлениями против порядка несения специальных служб, с оставлением погибающего военного корабля, а также с уклонением от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами.

Ключевые слова: военное имущество, военная техника, оружие, боеприпасы, преступления против военной службы.

Сохранность военного имущества является важным составным элементом в структуре боеспособности и боеготовности Вооруженных Сил Российской Федерации, а также обеспечения военной безопасности России в целом.

Уничтожение или повреждение военного имущества помимо нанесения материального ущерба государству существенным образом снижает уровень обороноспособности отдельных структурных подразделений, приводит к срыву боевых задач, чем представляет повышенную опасность для общества и государства.

Актуальным вопросом на сегодняшний день остается вопрос разграничения умышленного уничтожения или повреждения военного имущества и иных преступлений против военной службы.

Перейдем к непосредственному рассмотрению вышеуказанных составов.

1. *Уничтожение или повреждение оружия, боеприпасов и военной техники и оставление погибающего военного корабля* (ст. 345 УК РФ).

Непосредственным объектом оставления погибающего корабля является установленный порядок несения военной службы командиром и составом команды корабля в случае его гибели, обеспечивающий постоянную боеготовность, боеспособность и безопасность личного состава военного корабля.

Объективная сторона оставления погибающего военного корабля проявляется в поведении командира, не исполнившего до конца свои служебные обязанности по предотвращению гибели корабля, спасению личного состава, оружия, имущества, вахтенного и навигационного журналов, секретных документов и аппаратуры, находящихся на корабле, с одновременным прекращением указанных действий при наличии на то объективной возможности.

Анализ положений Корабельного устава Военно-Морского Флота Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что наступление таких условий возможно в случае участия корабля в военных действиях, боевых действиях, условиях боевой обстановки, либо при аварии судна. При этом командир покидает корабль последним (ст. 136—138 Корабельного устава ВМФ, утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 июля 2022 г. № 511).

Анализ вышеизложенного позволяет заключить, что неисполнение командиром корабля своих обязанностей в случае оставления погибающего военного корабля, в уголовно-правовом смысле обусловлено именно нарушением порядка несения военной службы (исполнения обязанностей военной службы) в особых условиях, а не нарушение порядка использования, обращения или сбережения военного имущества.

Кроме того, закон при наступлении особых условий (если спасение корабля невозможно) обязывает командира военного корабля либо посадить корабль на ближайшую мель (то есть, как минимум повредить военную технику), либо затопить корабль и принять меры к невозможности его восстановления противником (уничтожить военную технику).

Поэтому ст. 345 УК РФ исключена из числа преступлений, посягающих на порядок сбережения военного имущества.

2. *Умышленное уничтожение или повреждение военного имущества не входит в группу преступлений против порядка эксплуатации военной техники.* Данную группу формируют следующие преступления: нарушение правил вождения и эксплуатации машин (ст. 350 УК РФ), нарушение правил полетов или подготовки к ним (ст. 351 УК РФ) и нарушение правил кораблевождения (ст. 352 УК РФ). Обязательным признаком объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 351 и 352 УК РФ, являются тяжкие последствия, к которым относятся, в том числе, уничтожение и повреждение военного имущества. В связи с этим необходимо провести отграничение умышленного уничтожения или повреждения военного имущества от преступлений, предусмотренных ст. 351 и 352 УК РФ, выяснить возможность квалификации данных преступлений по совокупности (прежде всего, ситуацию идеальной совокупности).

Объектом преступлений, предусмотренных ст. 351 и 352 УК РФ, является порядок эксплуатации военной техники, обеспечивающий, прежде всего, безопасность эксплуатации данной техники. Объектом умышленного уничтожения или повреждения военного имущества в ст. 346 УК РФ выступает порядок сбережения военного имущества, направленный на предотвращение организационного и имущественного ущерба, сбережения отдельных видов военного имущества.

Обязательным признаком объективной стороны состава преступлений, предусмотренных ст. 351 и 352 УК РФ, является нарушение специальных правил, установленных в целях безопасной эксплуатации

определенных видов военной техники. Последствием нарушения этих правил, как определено выше, может быть уничтожение или повреждение военного имущества; наступление данных последствий в такой ситуации охватывается ст. 351 и 352 УК РФ.

Субъективная сторона преступного нарушения правил эксплуатации военной техники (ст. 351 и 352 УК РФ) характеризуется неосторожной виной, что исключает в вышеприведенной ситуации квалификацию по совокупности ст. 346 и 351 УК РФ или ст. 346 и 352 УК РФ. Так, Ф.С. Бражник отмечает: «В тех случаях, когда содеянное характеризуется прямым или косвенным умыслом на причинение вреда личности или имущественного вреда, содеянное следует квалифицировать как умышленное преступление против личности или собственности. Нарушение правил выступает в этих случаях лишь в качестве способа совершения преступления»¹.

Если уничтожение или повреждение военного имущества выступает не в результате нарушения специальных правил, установленных для безопасной эксплуатации военной техники, а в результате несоблюдения общих правил предосторожности по сбережению военного имущества, то уголовная ответственность не может наступать за нарушение правил эксплуатации военной техники.

Субъектом преступлений против порядка эксплуатации военной техники может быть не любой военнослужащий, как это предусмотрено ст. 346 УК РФ, а лишь тот, на которого возложены обязанности по эксплуатации военной техники. Так, субъектом преступления, предусмотренного ст. 351 УК РФ, являются военнослужащие, на которых возложены обязанности по осуществлению полета, подготовки к полетам, либо по эксплуатации летательного аппарата, а субъектом преступления, предусмотренного ст. 352 УК РФ, может быть только тот военнослужащий, на которого возложены обязанности по кораблевождению или эксплуатации плавающих средств.

¹ Уголовное право Российской Федерации. Воинские преступления. М., 1993. С. 183.

Таким образом, данное преступление нельзя рассматривать как смежное уничтожению или повреждению военного имущества (ст. 346 УК РФ), но необходимо рассмотреть вопрос о квалификации такого деяния, как нарушение правил вождения или эксплуатации машин, повлекшее уничтожение или повреждение военного имущества.

Если нарушение правил полетов или подготовки к ним и нарушение правил кораблевождения выступает в качестве способа умышленного уничтожения или повреждения военного имущества, то данное деяние необходимо квалифицировать по ст. 346 УК РФ. Обязательным условием является отнесение специальной либо транспортной машины к предметам военной техники.

3. *Умышленное уничтожение или повреждение военного имущества и преступления против порядка несения специальных служб.* В преступлениях против порядка несения специальных видов служб уничтожение или повреждение военного имущества может выступать как в качестве способа совершения данных преступлений, так и в качестве последствий. Действующее законодательство к преступлениям против порядка несения специальных видов служб относит следующие: нарушение правил несения боевого дежурства (ст. 340 УК РФ), нарушение правил несения пограничной службы (ст. 341 УК РФ), нарушение уставных правил караульной службы (ст. 342 УК РФ), нарушение правил несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности (ст. 343 УК РФ), нарушение уставных правил несения внутренней службы и патрулирования в гарнизоне (ст. 344 УК РФ). Тяжкие последствия являются обязательным признаком квалифицированных составов преступлений, предусмотренных ст. 340—343 УК РФ, а в преступлении, предусмотренном ст. 344 УК РФ, данный признак характеризует объективную сторону основного состава. При определенных обстоятельствах уничтожение или повреждение военного имущества может выступать в качестве тяжкого последствия в вышеназванных преступлениях. Данное обстоя-

тельство требует проведения отграничения умышленного уничтожения или повреждения военного имущества от преступлений, предусмотренных ст. 340—344 УК РФ. Кроме того, заслуживает внимания вопрос о квалификации вышеназванных преступлений, если способом их совершения является уничтожение или повреждение военного имущества.

Диспозиции статей 340—344 УК РФ по своей конструкции являются бланкетными, сущность их содержания, выражающая деяния, сводится к нарушению специальных правил, регламентирующих тот или иной вид специальной службы.

Объектом группы преступлений, предусмотренных ст. 340—344 УК РФ, является порядок несения специальных видов службы, обеспечивающий безопасность государства, сохранность важных военных и государственных объектов, общественную безопасность и общественный порядок, нормальную жизнедеятельность войск. Объектом умышленного уничтожения или повреждения военного имущества является порядок сбережения военного имущества (оружия, боеприпасов, военной техники). Различие в объекте обуславливает различие в элементах состава, характеризующих субъект и объективную сторону этих преступлений.

Объективная сторона состава нарушения правил несения специальных видов службы, выражается в несоблюдении требований правил, регламентирующих тот или иной вид специальной службы. Последствия таких нарушений должны быть обязательно связаны с назначением и целью специальной службы. Так, нарушение правил несения боевого дежурства (ст. 340 УК РФ) причиняет вред интересам безопасности государства, нарушение правил несения караульной службы (ст. 342 УК РФ) причиняет вред охраняемому объекту. В таком случае, если уничтожение или повреждение военного имущества явилось результатом нарушения правил несения специального вида службы, а охрана военного имущества, в свою очередь, являлась целью несения специальной службы, то эти случаи полностью охватываются статьями

340—344 УК РФ. Дополнительная квалификация по ст. 346 УК РФ не требуется.

Умышленное уничтожение или повреждение военного имущества, совершаемое во время несения некоторых видов специальной службы, представляет собой «редко встречаемую категорию деяний, которые внешне могут проявляться как деяние — нарушение, и как деяние — следствие»¹. Механизмы совершения таких деяний, по мнению А.А. Тер-Акопова, своеобразны: «если обычные нарушения правил выражается в совершении деяния, а затем — наступлении последствий, то данный тип имеет, как бы обратный механизм действия: совершаются действия — последствия, которые представляют собой одновременно нарушения каких-то специальных правил»².

Способом этого нарушения является причинение вреда, предупреждение которого входило в обязанность виновного. Так, например, умышленное уничтожение или повреждение часовым сданного ему под охрану военного имущества (ст. 346 УК РФ), одновременно образует нарушение уставных правил несения караульной службы (ч. 2 ст. 342 УК РФ). В данном случае способом этого нарушения является причинение вреда, предупреждение которого входило в обязанность виновного. Такое деяние образует идеальную совокупность преступлений, в которую входит нарушение уставных правил караульной службы, предусмотренное соответствующей частью ст. 342 УК РФ, и умышленное уничтожение или повреждение военного имущества, предусмотренное ст. 346 УК РФ.

Субъектом преступлений против порядка несения специальных видов служб может быть только специальная категория военнослужащих, на которых возложено исполнение обязанностей той или иной специальной службы. Субъектом уничтожения или повреждения военного имущества может быть любой военнослужащий

независимо от объема и характера возложенных на него обязанностей.

Таким образом, нарушение специальной категорией военнослужащих правил несения той или иной специальной службы, повлекшие уничтожение или повреждение военного имущества, предназначенного для реализации целей специальной службы, следует квалифицировать по соответствующей статье УК РФ (ст. 340—344 УК РФ). Умышленное уничтожение или повреждение военного имущества, явившееся способом нарушения правил несения специального вида службы, образует идеальную совокупность обоих этих преступлений и подлежит квалификации по совокупности соответствующих норм.

4. *Умышленное уничтожение или повреждение оружия, боеприпасов или предметов военной техники, совершенные в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий* (ч. 3 ст. 346 УК РФ) и *уклонение военнослужащего от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или причинения себе какого-либо повреждения (членовредительство), или подлога документов, или иного обмана, совершенные в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий* предусмотрено (ч. 3 ст. 339 УК РФ).

Уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем обмана с объективной стороны заключается как правило в сообщении военнослужащим должностному лицу (лицам) несоответствующей действительности информации, на основании которой согласно установленному порядку принимается решение об освобождении его от исполнения обязанностей военной службы на определенный срок. Это может выражаться в сообщении командованию ложных сведений о наличии тяжелых семейных обстоятельств, обучении в образовательном заведении, обстоятельствах следования в отпуск и т.п.

В данном случае военнослужащий совершает действия, направленные на умышленное уничтожение или повреждение

¹ Тер-Акопов А.А. Ответственность за нарушения специальных правил поведения. М., 1995. С. 17.

² Там же. С. 18.

оружия или предметов военной техники с целью уклониться от исполнения обязанностей военной службы в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий. Так, водитель БМП, управляя военной техникой, направляющейся в зону ведения боевых действий, опасаясь за свою жизнь и здоровье, преднамеренно «сжигает сцепление», чтобы избежать своего участия в вооруженном конфликте, рассчитывая на то, что он не будет направлен в зону ведения боевых действий, а останется с вверенной ему военной техникой для ремонта.

Таким образом, умышленное уничтожение или повреждение военного имущества, явившееся способом обмана при

уклонении военнослужащего от исполнения обязанностей военной службы, совершенные в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий, образует идеальную совокупность обоих этих преступлений и подлежит квалификации по совокупности соответствующих норм (ч. 3 ст. 339 УК РФ и ч. 3 ст. 346 УК РФ).

Библиография

1. Тер-Акопов, А.А. Ответственность за нарушения специальных правил поведения / А.А. Тер-Акопов. — Москва: Юр. лит. 1995. — 173 с.
2. Уголовное право Российской Федерации. Воинские преступления. — Москва: ВАЭФП, 1993.

On some aspects of distinguishing the intentional destruction or damage of military property with other crimes against military service

© Solovyov I.Yu.,

military judge of the 23rd garrison military Court

Abstract. The article discusses the issues of distinguishing the intentional destruction or damage of military property with crimes against the order of operation of military equipment, with crimes against the order of special services, with the abandonment of a dying warship, as well as with evasion from performing military service duties by simulating illness or other means.

Key words: Military property, military equipment, weapons, ammunition, military equipment, crimes against military service.

Уголовно-правовые основы военной безопасности Российской Федерации: актуальные изменения

© Чучулаева Анастасия Ивановна,
юрист

Аннотация. В статье рассматривается действующее уголовное законодательство, обеспечивающее защиту военной безопасности Российской Федерации. Особое внимание автор уделяет рассмотрению изменений, внесенных в Уголовный кодекс России в связи с реалиями современности. На основе результатов анализа обосновывается вывод относительно принятых новшеств в отношении регулирования военной безопасности в рамках уголовного права.

Ключевые слова: национальная безопасность, военная безопасность, уголовно-правовые нормы

Регулирование военной безопасности, как и любой другой составляющей системы национальной безопасности, должно осуществляться комплексно ввиду системности феномена¹. Именно поэтому немаловажную роль играет правовое регулирование данной сферы, особенно в рамках уголовного права. Это обусловлено тем, что в руках высокопоставленных военных чиновников и представителей военной элиты находятся значительные ресурсы. Их неправильное распределение и некорректное пользование ими может привести к краху всей системы обеспечения военной безопасности, а затем и национальной, поэтому за злоупотребление полномочиями вышеуказанными лицами должны следовать самые жесткие санкции. Наложить их представляется возможным только имея монополию на насилие, коим обладает государство в форме издания соответствующих императивных правовых норм. Именно уголовный закон является самым «острым орудием» в руках государства по защите наиболее значимых общественных ценностей, и нарушение правил поведения, установленных в рамках уголовного права, может повлечь угрозу для существования и развития общества, личности, государства². Более того, преступления про-

тив военной службы, которые совершают военнослужащие, являются серьезными нарушениями, подрывающими боеспособность армии и угрожающими безопасности всего государства. Введение уголовной ответственности за такие преступления направлено на поддержание дисциплины и порядка в Вооруженных Силах, что позволит обеспечить военную безопасность изнутри.

Законодательство о преступлениях против военной службы в России прошло сложный путь развития, отражая исторические изменения в государственном устройстве и военно-правовых традициях. Так, в Древнерусском государстве и Московском царстве ответственность за военные преступления регулировалась нормами обычного права и княжескими указами. Первые письменные упоминания о наказаниях за военные преступления можно найти в Русской Правде, где за дезертирство и предательство предусматривались суровые наказания вплоть до отрубания конечностей и использования других негуманных методов исправления.³ В XVI в. при Иване Грозном было издано первое «Уложение о службе», которое содержало нормы о наказаниях за различные военные преступления, включая дезертирство и измену.

В XVIII в. Петр I провел масштабные реформы, затронувшие и военное законодательство. В 1715 г. был принят Воинский

¹ Чучулаева А.И. Правовое регулирование военной безопасности как фактора обеспечения национальной безопасности // Военное право. 2024. № 4(86). С. 41—48.

² Батурин Ю.М., Батюкова В.Е., Белоцерковский С.Д. [и др.]. Преступность в XXI веке. Приоритетные направления противодействия. М.: Изд. «Юнити-Дана», 2020.

³ Свердлов М.Б. Русская Правда (Пространная редакция) / Подгот. текста, пер., коммент. // Библиотека литературы древней Руси Т. 4: XII век. СПб., 1997. С. 496—517, 675—679.

Устав, который систематизировал нормы о военной службе и ответственности за преступления против нее. Устав определял ответственность за такие преступления, как дезертирство, неповиновение, трусость, и предусматривал жесткие меры наказания, включая смертную казнь¹.

Во второй половине XIX в., при Александре II, произошло значительное обновление военного законодательства. В 1869 г. был издан новый Воинский Устав, который систематизировал и обновил нормы о военных преступлениях. Основное внимание уделялось преступлениям против порядка и дисциплины, таким как самовольная отлучка, оскорбление начальства и отказ от выполнения приказа.

После Октябрьской революции 1917 г. новое советское правительство начало формировать собственную правовую систему, включая военное законодательство. В 1920 г. был принят первый Советский воинский устав, который предусматривал меры наказания за различные военные преступления, включая дезертирство, неповиновение и саботаж. В годы Великой Отечественной войны (1941—1945) законодательство о военных преступлениях было значительно ужесточено, особенно в отношении дезертирства и предательства.

После распада СССР в 1991 г. Россия приступила к созданию новой правовой системы. В 1996 г. был принят новый Уголовный кодекс Российской Федерации, который включал гл. 33 «Преступления против военной службы». Эта глава систематизировала и конкретизировала нормы о военных преступлениях, таких как дезертирство (ст. 338), уклонение от военной службы (ст. 328), самовольное оставление части или места службы (ст. 337), а также неповиновение (ст. 332) и насильственные действия в отношении начальника (ст. 333).

В настоящее время законодательство о преступлениях против военной службы в России продолжает развиваться в ответ на изменения в социально-политической и военной обстановке. Недавние поправки ка-

саются ужесточения ответственности за дезертирство и уклонение от службы в условиях военного времени, а также за преступления, связанные с участием в вооруженных конфликтах и контртеррористических операциях.

Таким образом, эволюция законодательства о преступлениях против военной службы в России отражает исторические изменения в государственном устройстве, военной структуре и общественном сознании, от древнерусских обычаев до современных норм правового государства.

Как было упомянуто ранее, в нашей стране единственным источником уголовного права является Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ). В отличие от многих других государств² российский законодатель отказался в данный исторический период от создания обособленного военно-уголовного законодательства в виде кодекса или закона. Сейчас преступления против военной службы содержатся в Особой части УК РФ, в разделе XI, гл. 33. Эти деяния определены как отдельная категория преступлений ввиду специфичности своих составов. В гл. 33 входят статьи с 331 по 352.1, которые охватывают широкий спектр деяний: от самовольного оставления части до нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими.

Кроме того, регулирование уголовной ответственности военнослужащих осуществляется также с помощью норм Общей части УК РФ, которые предусматривают особые виды наказания для осужденных военнослужащих, основания и порядок их назначения и отбывания (ст. 48, 51, 55 и др.)

Данные деяния определяются в ст. 331 УК РФ как преступления против установленного порядка прохождения военной службы, совершенные военнослужащими, проходящими военную службу по призыву либо по контракту, а также гражданами, пребывающими в запасе, во время прохождения ими военных сборов. В данном определении законодатель отмечает особые при-

¹ Бредихин А.Л. Артикулы воинские Петра I: общая характеристика и историческое значение // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 7. № 1 (13). С. 22—26.

² Нудель С.Л., Артемов В. Ю., Белялова А.М., Гаджиев Х.И. [и др.]. Уголовно-правовые гарантии суверенитета государства (сравнительно-правовое исследование) : Научно-практическое пособие. М.: Проспект, 2022.

знаки данного рода преступлений, в частности, особый субъект и специфичность «воинского» содержания преступлений, но не раскрывает понятие «преступление». Это связано с тем, что ст. 14 УК РФ дает единое понятие преступления как виновно совершенного общественно опасного деяния, запрещенного данным Кодексом под угрозой наказания. Поэтому ст. 331 УК РФ не повторяет общих признаков преступления, а лишь указывает на особенности объекта и субъекта преступления против военной службы. Так законодатель показывает, что нормы военно-уголовного права неотделимы от общей системы уголовного законодательства Российской Федерации, оно не имеет специфических предмета и метода правового регулирования, отличных от предмета и метода российского уголовного права в целом.

Основным объектом данной совокупности преступлений является установленный порядок прохождения военной службы, который обеспечивает ее порядок¹. Понятие военной службы закреплено в ст. 2 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», согласно которой, военная служба — это особый вид федеральной государственной службы, исполняемой гражданами, не имеющими гражданства (подданства) иностранного государства, в Вооруженных Силах Российской Федерации и в войсках национальной гвардии Российской Федерации, в спасательных воинских формированиях федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на решение задач в области гражданской обороны, Службе внешней разведки Российской Федерации, органах федеральной службы безопасности, органах государственной охраны, органах военной прокуратуры, военных следственных органах Следственного комитета Российской Федерации и федеральном органе обеспечения мобилизационной подготовки органов государственной власти Российской Федерации, воинских подразделениях федеральной противопожарной службы и создаваемых на

военное время специальных формированиях, а гражданами, имеющими гражданство (подданство) иностранного государства, и иностранными гражданами — в Вооруженных Силах Российской Федерации и воинских формированиях.

Важно отметить, что родовый и видовой объекты вышеупомянутых преступлений совмещены в один, что противоречит теории объекта. Родовой объект объединяет группу схожих общественных отношений, охраняемых от преступных посягательств. Видовой же объект является частью родового, он отражает один и то же интерес участников тех или иных общественных взаимосвязей в рамках более узких групп отношений. Видовой объект объединяет группу общественных отношений одного вида, каждое из которых становится непосредственным объектом при совершении преступления, относящегося к данному виду. Соответственно, отсутствие видовой объекта не позволит грамотно определить непосредственный, который играет ключевую роль при квалификации совершенного противоправного деяния. Более того, О.К. Зателепин в своей работе, указывает, что «порядок», являясь признаком формальным, не может выступать объектом уголовно-правовой охраны, поскольку, во-первых, он представляет собой правовую ценность — средство, а не цель правового регулирования, а во-вторых, — его нарушение не составляет сущности общественной опасности воинского посягательства². Тем не менее вышеупомянутые противоречия не препятствуют вершению правосудия.

На наш взгляд, одной из наиболее подходящих классификаций преступлений данной главы является следующая:

- 1) преступления против порядка подчиненности и уставных взаимоотношений (ст. 332—336);
- 2) уклонение от военной службы (ст. 337—339);
- 3) преступления против порядка несения специальных служб (ст. 340—344);

¹ Военно-уголовное право : Учебник / 2-е изд., перераб. и доп.; под ред. В.В. Ершова, В.В. Хомчика. М.: РГУП, 2020. С. 624.

² Зателепин О.К. Объект преступления против военной службы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 87.

4) преступления против порядка использования и сбережения военной техники и другого имущества (ст. 345–348);

5) преступления против порядка обращения с оружием и эксплуатации военной техники (ст. 349—352)

Субъект данных преступных деяний является специальным. Согласно ст. 331 УК РФ таким субъектом могут быть лишь военнослужащие и граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения ими военных сборов (далее — граждане, проходящие военные сборы). В юридической литературе их часто называют общими субъектами военных преступлений¹.

Помимо преступлений против военной службы, закрепленных в гл. 33 УК РФ, многие преступления, совершаемые военнослужащими и квалифицируемые по соответствующим статьям других разделов и глав Особенной части УК РФ, также сопряжены с нарушением порядка прохождения военной службы. Так, О.К. Зателепин считает, что круг (перечень) воинских должностных преступлений несправедливо ограничивается только ст. 285, 286 и 293 УК РФ². При том он не оспаривает тот факт, что в целом сегодня основные должностные преступления против военной службы предусмотрены общими нормами гл. 30 УК РФ. Мы считаем, что с этим нельзя не согласиться, ведь воинская специфика порядка управления в военных учреждениях государства позволяет к воинским должностным преступлениям относить, к примеру, и нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285.1 УК РФ), и нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов (ст. 285.2), получение

взятки (ст. 290) и иные коррупционные преступления³.

Принимая во внимание нынешние реалии, в первую очередь гибридную войну, развязанную коллективным Западом против России⁴, стоит отметить те существенные новшества, которые произошли в УК РФ в сентябре 2022 г. с принятием Федерального закона от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ. В этом нормативном правовом акте отражены те важные изменения, связанные с адаптацией отдельных положений УК РФ под текущие условия частичной мобилизации и СВО⁵. Произошло ужесточение санкции в ряде норм и появление относительно новых за преступления в сфере воинских правоотношений. Необходимо отметить, что впервые в современном российском уголовном законодательстве определена ответственность военнослужащих в период военного положения, ведения боевых действий и мобилизации. Данное новшество связано с ужесточением наказания в виду высокой ответственности за нарушение норм уголовного законодательства при вышеперечисленных обстоятельствах. Рассмотрим данные изменения более детально.

1. Усиление ответственности за дезертирство и самовольное оставление части:

— ст. 337 УК РФ (самовольное оставление части или места службы): изменены условия квалификации преступления, увеличены сроки наказания, особенно в условиях военного времени или при проведении мобилизации.

— ст. 338 УК РФ (дезертирство): увеличены сроки наказания, введены более жесткие меры ответственности для тех, кто совершает дезертирство в условиях военного времени или мобилизации.

¹ См.: Чхиквадзе В.М. Советское военно-уголовное право : Учеб. пос. М., 1948. С. 162; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. Учеб., практикум / Под ред. А.С. Михлина. М., 2004. С. 83, 84; Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М., 2003. С. 148, 149.

² Зателепин О.К. Квалификация преступлений против военной безопасности государства : монография. М.: За права военнослужащих, 2009. С. 67.

³ Адрианов М.А. Особенности квалификации должностных преступлений военнослужащих как специальных субъектов уголовного права // Военно-юридический журнал. 2013. № 3. С. 13—14.

⁴ Холиков И.В. Гибридная война как многовекторная угроза национальной безопасности России в условиях кризиса системы мирового правопорядка // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 11(304). С. 30—38.

⁵ Кудашкин А.В., Холиков И.В. Опыт концептуализации специальных военных операций в современном праве // Пути к миру и безопасности. 2023. № 1(64). С. 31—47.

2. Введение новых составов преступлений:

— в УК РФ добавлены новые статьи, касающиеся добровольной сдачи в плен (ст. 352.1) и мародерства (ст. 356.1), последняя из которых была восстановлена в УК РФ в расширенной редакции. Эти нововведения направлены на предотвращение поведения, подрывающего боеспособность и моральный дух вооруженных сил.

— ст. 352.1 УК РФ (добровольная сдача в плен): Лица, сдавшиеся в плен без сопротивления и без уважительных причин, могут быть осуждены на срок до 10 лет лишения свободы;

— ст. 356.1 УК РФ (мародерство): устанавливает ответственность за грабеж и хищение имущества в зоне боевых действий, совершаемое преступление подрывает дисциплину и правопорядок. Данная статья содержится в разделе «преступления против мира и безопасности».

3. Ужесточение наказаний за военные преступления в условиях военного времени:

— в ряде статей, касающихся воинских преступлений (например, ст. 331—337 УК РФ), введены квалифицирующие признаки, относящиеся к совершению преступления в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий, ввиду чего предусмотрены более суровые наказания для таких преступлений;

— внесены изменения в ст. 332 УК РФ (неповиновение) и ст. 333 УК РФ (насильственные действия в отношении начальника), увеличены сроки наказания за эти преступления, особенно если они совершены в боевой обстановке или в условиях чрезвычайного положения.

4. Расширение ответственности за отказ от участия в боевых действиях: в ст. 338 УК РФ включены положения, касающиеся отказа от участия в боевых действиях и невыполнения приказа, что считается серьезным нарушением воинской дисциплины. Сроки наказания за дезертирство увеличены. Теперь за данное преступление, совершенное в условиях мобилизации, военного положения или в боевых действиях, предусмотрено наказание до 15 лет лишения свободы. Также расширены квалифицирующие

признаки дезертирства, включающие отказ от участия в боевых действиях. Это означает, что даже попытка уклониться от боевых задач или оставить место службы в условиях конфликта рассматривается как нарушение нормы УК РФ с серьезными правовыми последствиями.

5. Дополнительные меры по защите правопорядка и безопасности государства:

— гл. 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» дополнена двумя новыми составами, которые призваны обеспечить информационную безопасность. Они напрямую сопряжены с обеспечением военной безопасности. К ним относятся ст. 280³ «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации» и ст. 280⁴ «Публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства». Еще одно преступление помещено в гл. 24 «Преступление против общественной безопасности» — ст. 207³ «Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации»;

— усилены меры ответственности за коррупционные преступления в армии, в том числе за взяточничество (ст. 290—291 УК РФ), что должно способствовать улучшению морально-этического состояния военнослужащих;

— расширена ст. 281 УК РФ с целью актуализировать ответственность за совершение диверсии, которая относится к преступлениям против государства. Неодно-

кратно отмечалась необходимость дополнения данного преступления квалифицирующими признаками¹. В новых ст. 281¹—281³ УК РФ по аналогии со статьями о террористических преступлениях криминализована и детализирована диверсионная деятельность, заявлен термин «диверсионное сообщество», дано толкование терминам «поддержка диверсии», «оправдание диверсии», «пропаганда диверсии». В некоторых составах санкция усилена вплоть до пожизненного лишения свободы. Также криминализовано оказание содействия в исполнении решений международных организаций, в которых Российская Федерация не участвует, или иностранных государственных органов (ст. 284³ УК РФ). К государственным законодатель отнес также преступления в сфере охраны деятельности, связанной с исполнением государственных контрактов по государственным оборонным заказам (ст. 285⁵, 285⁶ УК РФ).

Все эти изменения были внесены в условиях обострения международной обстановки и активных военных действий, что потребовало от государства усиления контроля за дисциплиной в вооруженных силах и повышения боеготовности.

Таким образом, изменения, внесенные в УК РФ с 22 сентября 2022 г., отражают стремление российского государства к укреплению правопорядка и воинской дисциплины и усилению ответственности за нарушение воинских обязанностей, особенно в условиях военного положения и мобилизации. Они призваны «восполнить» имеющиеся в законодательстве пробелы, дабы они отвечали сегодняшним реалиям. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что принятые поправки в УК РФ можно считать превентивными мерами в области государственной безопасности в условиях проведения специальной военной операции, ставя задачи по решению и сохранению целостности страны и, государственной власти, в частности. По мнению Х.М. Ахметшина, «в целях надлежащего решения этой задачи необходимо устанавливать и строго соблюдать порядок

прохождения военной службы. Воинский правопорядок юридически обеспечивает реализацию функций, стоящих перед военной организацией государства, т.е. является средством обеспечения военной безопасности. Таким образом, порядок прохождения военной службы выступает правовой формой обеспечения военной безопасности».

Тем не менее данные изменения, внесенные в УК РФ весьма оперативно ввиду необходимости незамедлительного регулирования общественных отношений, возникших в условиях изменившихся реалий, проработаны недостаточно, подвергаются значительной критике со стороны представителей научного сообщества. Часто происходило дублирование уголовно-правового запрета другими формулировками, создание или изменение норм в ущерб системности построения кодекса². В связи с этим необходимо принять соответствующие меры для совершенствования норм УК РФ, что позволило бы своевременно реагировать на угрозы различного уровня, тем самым повысить эффективность обеспечения военной безопасности Российской Федерации как составляющей всей системы национальной безопасности страны.

Библиография

1. Адрианов, М.А. Особенности квалификации должностных преступлений военнослужащих как специальных субъектов уголовного права / М. А. Адрианов // Воен.-юрид. журн. — 2013. — № 3. — С. 13—14.
2. Батулин, Ю.М. Преступность в XXI веке. Приоритетные направления противодействия / Ю.М. Батулин, В.Е. Батюкова, С.Д. Белоцерковский [и др.]; Институт государства и права РАН. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство "Юнити-Дана"», 2020. — 559 с.
3. Бредихин, А.Л. Артикулы воинские Петра I: общая характеристика и историческое значение / А.Л. Бредихин // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. — 2022. — Т. 7. — № 1 (13). — С. 22—26.
4. Военно-уголовное право : Учебник. 2-е изд., перераб. и доп.; под ред. В.В. Ершова, В.В. Хомчика. — Москва: РГУП, 2020. — 624 с.

¹ Давитадзе М.Д. Уголовная ответственность за диверсию // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 169—173.

² Иншаков С. М., Казакова В. А. Уголовно-правовые аспекты реализации стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2023. Вып. 4 (849). С. 102—107.

5. Давитадзе, М. Д. Уголовная ответственность за диверсию / М.Д. Давитзаде // Вестник Московского университета МВД России. — 2020. — № 3. — С. 169—173.
6. Зателепин, О.К. Квалификация преступлений против военной безопасности государства : монография / О.К. Зателепин. — Москва: За права военнослужащих, 2009.
7. Зателепин, О.К. Объект преступления против военной службы : дис. ... канд. юрид. Наук / О.К. Зателепин. — Москва, 1999.
8. Иншаков, С.М. Уголовно-правовые аспекты реализации стратегии национальной безопасности Российской Федерации / С.М. Иншаков, В.А. Казакова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. — 2023. — Вып. 4 (849). — С. 102—107.
9. Кудашкин, А.В. Опыт концептуализации специальных военных операций в современном праве / А.В. Кудашкин, И.В. Холиков // Пути к миру и безопасности. — 2023. — № 1(64). — С. 31—47. DOI 10.20542/2307-1494-2023-1-31-47.
10. Нудель, С.Л. Уголовно-правовые гарантии суверенитета государства (сравнительно-правовое исследование) : научно-практическое пособие / В.Ю. Артемов, А.М. Белялова, Х.И. Гаджиев [и др.]. — Москва: Проспект, 2022. — 352 с.
11. Свердлов, М.Б. Русская Правда (Пространная редакция) / Подгот. текста, пер., коммент. // Библиотека литературы древней Руси. — Т. 4: XII век. — Санкт-Петербург, 1997.
12. Тер-Акопов, А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве / А.А. тер-Акопов. — Москва, 2003.
13. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. Учеб., практикум / Под ред. А.С. Михлина. — Москва, 2004.
14. Холиков, И.В. Гибридная война как многовекторная угроза национальной безопасности России в условиях кризиса системы мирового правопорядка / И.В. Холиков // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 11(304). — С. 30—38.
15. Чучулаева, А.И. Правовое регулирование военной безопасности как фактора обеспечения национальной безопасности / А.И. Чучулаева // Военное право. — 2024. — № 4(86). — С. 41—48.
16. Чхиквадзе, В.М. Советское военно-уголовное право : учеб. пос. / В.М. Чхиквадзе. — М., 1948.

Criminal law bases of military security of the Russian Federation: current changes

© Chuchulaeva A.I.,
Lawyer

Abstract. The article dwells upon the current criminal legislation that protects the military security of the Russian Federation. The author deeply examines the consideration of changes made to the Criminal Code of Russia in connection with the realities of modernity. Based on the analyzed facts, a conclusion is substantiated regarding the adopted innovations in relation to the regulation of military security within the framework of criminal law.

Keywords: national security, military security, criminal law norms, crimes against military service, criminal liability

Уголовный процесс и криминалистика

К вопросу о критериях разграничения процессуальных оснований привлечения к участию в уголовном деле эксперта и специалиста

© Докучаев Олег Олегович,

кандидат юридических наук, старший следователь по особо важным делам следственного управления Главного военного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации, полковник юстиции

© Чуркин Александр Васильевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса ФГКВБОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Минобороны России

Аннотация. Публикация посвящена вопросам совершенствования практики использования специальных знаний при расследовании преступлений за счет конкретизации условий, при которых для доказывания не требуется производство судебной экспертизы и достаточно получение разъяснений (показаний или заключения) специалиста. В результате толкования положений уголовно-процессуального законодательства с позиций гносеологии сформирована гипотеза, согласно которой различие в процессуальных статусах эксперта и специалиста обусловлено местоположением сведущего лица в структуре познавательной деятельности органа предварительного расследования. На основе анализа опыта военных следственных органов СК России по расследованию сложных уголовных дел предложена классификация процессуальных познавательных задач, решение которых допустимо путем получения разъяснений специалиста.

Ключевые слова: сведущее лицо, эксперт, специалист, заключение эксперта, заключение специалиста, показания специалиста, уголовно-процессуальное познание, исследование.

Анализ опыта военных следственных органов СК России по расследованию уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности, хозяйственно-должностных преступлениях, техногенных происшествиях и иных сложных уголовных дел позволяет вести речь о возрастающей актуальности теоретико-правовой проблематики, обусловленной привлечением к решению задач уголовно-процессуальной деятельности экспертов и специалистов.

В качестве необходимого признака каждого из обозначенных участников уголовного судопроизводства положения ч. 1 ст. 57 и ч. 1 ст. 58 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) отмечают наличие специальных знаний. Это дает возможность для объединения соответствующих процессу-

альных статусов в родовую группу и одновременно содержит предпосылки для недостаточного понимания границ между ними.

В литературе при рассмотрении вопросов правового положения в уголовном судопроизводстве эксперта и специалиста нередко указанные участники процесса обозначаются термином «сведущие лица»¹. Ав-

¹ См., например: Бутырин А.Ю. Теория и практика судебной строительно-технической экспертизы. М.: ОАО «Издательский Дом "Городец"», 2006. С. 193, 267; Долгачёва О.И., Шувалов М.Н. К вопросу о сведущих лицах в уголовном судопроизводстве // Философия права. 2019. № 3 (90). С. 134—138; Левшук О.И. Роль сведущих лиц в выявлении и расследовании краж личного имущества граждан на объектах железнодорожного транспорта // Борьба с преступностью: теория и практика : тезисы докладов III Международной научно-практической конференции (Могилев, 20.03.2015): в 2-х ч. Могилев: Могилевский институт МВД, 2015. Ч. 2. С. 93—95.

торами ряда источников в объем данного комплексного понятия включаются также педагог, психолог, врач, переводчик¹.

Настоящая публикация не ставит целью разрешение упомянутой терминологической неясности, заслуживающей отдельного исследования.

С точки зрения потребностей практики первоочередного интереса, на наш взгляд, заслуживают ситуации, когда результатом уголовно-процессуальной деятельности выступают заключение, а также показания эксперта и специалиста как самостоятельные разновидности доказательств по уголовному делу (п. 3, 3.1 ч. 2 ст. 74, ст. 80 УПК РФ). При этом в дальнейшем под сведущими лицами будут пониматься только эксперт и специалист.

Обратим внимание, что в ст. 196 УПК РФ приведен перечень обстоятельств, которые могут быть установлены лишь посредством проведения судебной экспертизы. Выяснение соответствующих фактов путем собирания иных доказательств, в том числе путем получения заключения специалиста, юридически невозможно.

Что касается обстоятельств, не предусмотренных названной статьей, то в ходе расследования нередко возникает вопрос, допустимо ли доказывание какого-либо факта путем привлечения к участию в уголовном деле специалиста, или является необходимым назначение и производство судебной экспертизы, что сопряжено со значительно большим объемом мероприятий.

Из содержания Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (далее — По-

становление Пленума от 21 декабря 2010 г. № 28) усматривается следующий комплекс положений, позволяющих определить позицию высшего судебного органа по данному вопросу.

Так, в соответствии с п. 1 указанного Постановления производство судебной экспертизы необходимо во всех случаях, когда для разрешения возникших вопросов требуется проведение исследования с использованием специальных знаний в науке, технике, искусстве или ремесле. Если проведение исследования не требуется, то возможно привлечение к участию в уголовном судопроизводстве специалиста в порядке, предусмотренном ч. 3 и 4 ст. 80 УПК РФ.

В свою очередь, согласно п. 4 Постановления, недопустима постановка перед экспертами:

— правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора, суда;

— вопросов по оценке достоверности показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля, полученных в ходе производства допроса, очной ставки и иных следственных действий, в том числе с применением аудио- или видеозаписи.

Отмечается также, что в п. 6 указанного Постановления упомянуты справки, акты, заключения и иные формы фиксации результатов ведомственного или другого исследования, полученные по запросу органов предварительного следствия или суда. Указанные материалы, по всей видимости, должны быть отнесены к числу иных документов (п. 6 ч. 2 ст. 74, ст. 84 УПК РФ).

В редакции Постановления Пленума, действовавшей до 29 июня 2021 г., в п. 20 содержалось положение о том, что специалист не проводит исследование вещественных доказательств и не формулирует выводы, а лишь высказывает суждение по вопросам, поставленным перед ним сторонами.

Несмотря на исключение указанного предложения из текста Постановления, сравнительный анализ уголовно-процессуальных норм, содержащихся в п. 10 ч. 1 ст. 204 и ч. 3 ст. 80 УПК РФ, указывает на отсутствие правовых оснований для

¹ См. например: Вареникова С.П. Институт сведущих лиц в уголовном судопроизводстве: генезис и современное состояние // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1 (50). С. 233—139; Семенов Е.А. Участие сведущих лиц в уголовном судопроизводстве России // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Сборник материалов 20-й международной научно-практической конференции : в 2-х т. Иркутск: Восточно-Сибирский ин-т МВД России, 2015. Т. 1. С. 228—231; Шумаев Д.Г., Овинникова Р.В. Понятие сведущего лица в уголовном судопроизводстве // Сборник научных работ серии «Право». 2020. № 1 (17). С. 177—185.

формулирования специалистом каких-либо утверждений, которые могут расцениваться в качестве выводов.

Таким образом, основываясь на положениях уголовно-процессуального закона, с учетом правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в Постановлении Пленума от 21 декабря 2010 г. № 28, назначение судебной экспертизы обязательно при совокупности следующих условий:

а) выяснение какого-либо обстоятельства, подлежащего установлению по уголовному делу, возможно лишь путем формулирования вывода (то есть утверждение о факте не может быть высказано со всей очевидностью, а должно быть выведено из других утверждений- посылок);

б) получение указанного вывода возможно лишь в результате исследования с использованием специальных знаний.

Представляется, что ситуации, предусмотренные ст. 196 УПК РФ, выступают частным случаем совокупности перечисленных условий.

В свою очередь, возможность доказывания какого-либо факта на основе документально зафиксированного результата ведомственного или другого исследования, свидетельствует об отсутствии необходимости доказывания этого же факта путем получения вывода в ходе исследования с применением специальных знаний.

Видимо, термин «исследование» в данном случае использован в двух значениях: как процессуальное основание для производства судебной экспертизы и как вид деятельности, не относящейся к судебной экспертизе, и могущий быть условием для формирования отдельного вида доказательств — иных документов.

Проблема использования термина «исследование» при регламентации уголовно-процессуальной деятельности в юридической литературе связывается с недостатками норм действующего УПК РФ, определяющих порядок назначения и производства судебных экспертиз.

Так, по мнению Председателя Следственного комитета Российской Федерации генерала юстиции Российской Федерации А.И. Бастрыкина, положения ч. 1 ст. 144

УПК РФ, устанавливающие полномочия следователя, наряду с назначением судебных экспертиз, требовать производства исследований документов, предметов, трупов, вступает в противоречие с положениями Постановления Пленума от 21 декабря 2010 г. № 28, согласно которому заключение специалиста не включает в себя проведение исследования тех или иных объектов¹.

Одновременно с этим, в некоторых актах судебного толкования также можно найти расхождения в понимании границ использования в доказывании заключения специалиста.

В частности, как указано в п. 30 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», при отсутствии сведений о стоимости похищенного имущества она может быть установлена на основании заключения специалиста или эксперта.

Между тем, положения п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» в аналогичной ситуации не предусматривают возможности использования заключения специалиста для установления стоимости похищенного имущества.

По всей видимости, подобное различие в подходах судебной практики носит случайный характер и не вызвано какими-либо принципиальными обстоятельствами, связывающими возможность определения стоимости похищенного имущества при помощи заключения специалиста с конкретной формой хищения. Вероятнее всего, мы имеем дело с недостаточной доктринальной проработкой правовой природы заключения специалиста как разновидности доказательства. Как следствие, правоприменители в ряде случаев опасаются прибегать к помощи специалистов, что может отрицательно ска-

¹ Бастрыкин А.И. Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2021. № 1 (31). С. 9—16.

зываются на результативности и качестве уголовно-процессуальной деятельности.

С учетом вышесказанного представляется необходимым получение развернутого толкования упомянутых правил обособления ситуаций, когда при доказывании нельзя ограничиться привлечением специалиста и следует назначить судебную экспертизу.

По нашему мнению, качественное решение указанной задачи и многочисленных подобных ей проблем правотворчества и правоприменения, возможно лишь при уяснении философско-правовых основ рассматриваемой области деятельности.

В этой связи обратимся к ранее выдвинутой гипотезе, в соответствии с которой на этапе предварительного расследования процессуальная деятельность уполномоченного государственного органа по своей природе представляет собой научное познание обстоятельств отдельного, конкретного криминального феномена (группы феноменов) в целях обеспечения правильного применения судом его властных полномочий, за счет доказывания, то есть создания условий для познания судом указанных обстоятельств в упрощенном режиме, в том числе путем обыденного познания¹.

Развитие данного тезиса позволяет предположить, что при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности лицо, уполномоченное осуществлять предварительное расследование (следователь) выступает субъектом научного познания соответствующего феномена, то есть группы фактов, имевших место в прошлом, за счет изучения объектов (доказательств и их источников), которые существуют в настоящем, но в которых искомые факты прошлого нашли отражение (оставили следы).

Деятельность следователя, сопряженная с изучением указанных объектов, направленная на получение знаний о фактах прошлого и, с нашей точки зрения, являющаяся

разновидностью научного познания, возможно обозначить термином «исследование». Анализ многочисленных судебных актов подтверждает широкое использование словосочетания «исследование доказательств» применительно к действиям следователя, прокурора и суда.

Как видно, термин «исследование» может быть применен в трех значениях:

а) как содержание уголовно-процессуальной деятельности по установлению фактических обстоятельств уголовного дела, не требующее специальных знаний;

б) как деятельность судебного эксперта, осуществляемая с применением специальных знаний, результатом которой выступает экспертное заключение;

в) как процедура ведомственной деятельности, выполненная по запросу органов предварительного следствия, по результатам которой изготовлен иной документ.

В процессе исследования доказательств следователь получает знания о фактах, имевших место в прошлом. Поскольку указанное знание не является данностью, то результатом познания становятся выводы следствия — основанные на доказательствах утверждения о том, что определенные факты имели место в прошлом.

Так, в соответствии с п. 22 ст. 5 УПК РФ обвинение — утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном УПК РФ. С формально-логической точки зрения соответствующее утверждение следователя может быть только выводом, то есть новым суждением, полученным из исходных посылок.

Перечень фактов, относительно которых следователь обязан сделать выводы, обозначен в ст. 73 УПК РФ в качестве обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Таким образом, следователем в процессе доказывания производится исследование доказательств, по результатам чего делаются выводы. Указанные выводы в форме утверждений приводятся в описательной части постановления о привлечении в качестве обвиняемого и тексте иных процессуальных документов (к примеру, в постановлениях о прекращении уголовного пресле-

¹ Докучаев О.О. К вопросу о гносеологической природе процессуальной деятельности органа предварительного расследования // Актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства : Сборник материалов круглого стола. Москва, 30.03.2023 / под общ. ред. д-ра юрид. наук, доцента С.Л. Никоновича. М.: ООО «Типография», 2023. С. 36—46.

дования и об отказе в возбуждении уголовного дела, при описании результатов оценки доказательств в обвинительном заключении).

Между тем, в некоторых ситуациях у следователя, несмотря на обязанность сделать вывод относительно определенного факта, в силу отсутствия специальных знаний не имеется полномочий и, как правило, возможности провести исследование, позволяющее прийти к соответствующему выводу.

В данной ситуации уголовно-процессуальное законодательство позволяет следователю *делегировать* иному лицу — эксперту свою обязанность (и сопряженную с ней ответственность) по проведению исследования и формулированию выводов. При этом эксперт становится субъектом научного познания отдельных фактов, относящихся к криминальному феномену.

Обратим внимание, что в результате проведения судебной экспертизы формируется доказательство (заключение эксперта), которое не существовало на момент преступления (криминального феномена), появилось в ходе расследования по инициативе стороны обвинения и при сознательном участии эксперта.

Доказательственная информация, нашедшая отражение в экспертном заключении, по механизму своего получения существенно отличается от результата непосредственного взаимодействия источника доказательства (следвоспринимающего объекта) с криминальным феноменом.

Именно указанным обстоятельством, обуславливающим необходимость предоставления стороне защиты исчерпывающих гарантий обеспечения достоверности и объективности заключения эксперта, объясняется установленная в гл. 27 УПК РФ сложная система правил назначения и производства судебной экспертизы.

При этом констатировать отсутствие оснований для производства судебной экспертизы с одновременной возможностью привлечения к участию в уголовном процессе специалиста, мы можем лишь тогда, когда следователь уполномочен самостоятельно провести необходимое исследование и сделать по его результатам выводы, но для

оперативности и качества данной процедуры необходимо содействие сведущего лица.

Таким образом, с гносеологической точки зрения, критерием разграничения процессуальных оснований привлечения к участию в уголовном деле эксперта и специалиста выступает положение сведущего лица в системе осуществляемого органом предварительного расследования научного познания криминального феномена. Если необходимо, чтобы сведущее лицо приобрело частично делегированный следователем статус субъекта данного познания и находилось между следователем и объектом познания, то данное сведущее лицо может участвовать в уголовном деле только в статусе эксперта. В случае, если сведущему лицу нет необходимости осуществлять функции субъекта научного познания и в системе данного познания оно занимает место возле субъекта (а не между субъектом и объектом), данное сведущее лицо участвует в уголовном судопроизводстве в качестве специалиста.

Отмеченная конфигурация структуры взаимодействия следователя и специалиста хорошо ясна, когда идет речь об участии специалиста в осмотре, следственном эксперименте и тому подобных процессуальных действиях.

Предоставление специалистом письменного заключения и дача им показаний при допросе как отдельные формы реализации его уголовно-процессуального статуса в этой связи требуют дополнительных пояснений.

Необходимо отметить, что с точки зрения механизма уголовно-процессуального познания криминального феномена указанные две формы очень схожи и в судебных актах иногда объединяются термином «разъяснения специалиста».

Также обратим внимание, что положения ст. 307 УК РФ, устанавливая ответственность специалиста за заведомо ложные показания, тем не менее, в отличие от эксперта, не предусматривают ответственности специалиста за заведомо ложное заключение.

По указанной причине и с учетом возможности постановки вопросов и оперативного получения ответов использование в

доказывании показаний специалиста имеет явное преимущество по сравнению с его заключением.

При этом проблема определения условий, при которых отсутствует необходимость назначения экспертизы и достаточно получить разъяснения специалиста, в равной степени относится и к заключению специалиста и к его показаниям.

Для разрешения этой проблемы, основываясь на изученных материалах уголовных дел, предлагаем следующую классификацию уголовно-процессуальных познавательных задач, решение которых, на наш взгляд, допустимо путем получения разъяснений специалиста.

Используя в основе классификации дихотомию сущего (как есть на самом деле) и должного (как должно быть), полагаем возможным разделить соответствующие задачи на нормативные и фактологические.

С другой стороны, по степени приближения к познаваемому криминальному феномену указанные задачи могут быть разделены на:

— справочные (в рамках которых осуществляется познание фактов за пределами конкретного криминального феномена);

— констатирующие (в рамках которых без проведения исследования устанавливаются факты, прямо относящиеся к криминальному феномену, но имеющие специальную природу, в частности, хозяйственные, медицинские, технические факты);

— верификационные (в рамках которых проверяется исследование, относящееся к компетенции следователя и не требующее проведения экспертизы).

В итоге соответствующие познавательные задачи могут быть разделены на: справочно-нормативные, справочно-фактологические, констатирующе-нормативные (оценочно-нормативные), констатирующе-фактологические, верификационно-нормативные, верификационно-фактологические.

Приведем следующие примеры использования разъяснений специалистов для решения каждой из перечисленных задач.

Справочно-нормативная задача.

1. По уголовному делу о преступлении в сфере государственного оборонного заказа

специалистом указаны нормативные положения, регулирующие вопросы ценообразования.

2. По уголовному делу об авиапроисшествии специалистом даны показания о перечне руководящих документов, регламентирующих порядок боевой подготовки оперативно-тактической авиации.

Справочно-фактологическая задача.

1. По уголовному делу о злоупотреблениях при государственных закупках имущества квартирно-эксплуатационной службы специалистом даны показания с описанием собственного опыта служебной деятельности по размещению заказов на поставку продукции аналогичной номенклатуры.

2. По уголовному делу об изнасиловании специалистом на основе известных ему сведений из области медицины даны показания о низкой вероятности передачи половым путем имеющегося у обвиняемого заболевания, чем опровергнуты доводы защиты.

Оценочно-нормативная задача.

1. По уголовному делу о преступлении в области строительства специалистом (работником органа государственного архитектурно-строительного надзора) в своих разъяснениях высказано суждение о несоответствии проектной документации определенным требованиям строительных норм и правил.

2. По уголовному делу о происшествии на полигоне специалистом по итогам изучения материалов уголовного дела дана оценка соответствия уставным требованиям действий воинских должностных лиц различного уровня.

Констатирующе-фактологическая задача.

1. По уголовному делу о неуставных взаимоотношениях специалист (врач), принимавший участие в освидетельствовании потерпевшего в соответствии с ч. 3 ст. 179 УПК РФ, при допросе подтвердил факт обнаружения телесного повреждения и привел его описание.

2. По уголовному делу о контрабанде военной техники специалист в своих показаниях сообщил данные о предприятии, на котором изготовлено осмотренное с его

участием оборудование, и об особенностях его применения.

Верификационно-нормативная задача.

1. По уголовному делу о нарушении правил безопасности специалистом проведен комплексный сравнительный анализ положений различных нормативных правовых актов и определен перечень обязанностей должностного лица.

2. По уголовному делу о коррупционном преступлении специалистом на основе изучения нескольких нормативных правовых актов высказано суждение об обязательности включения в закупочную документацию на определенную продукцию ссылок на ряд государственных стандартов.

Верификационно-фактологическая задача.

1. По уголовному делу о хищении бюджетных денежных средств специалистом на основе изучения первичных учетных документов, выписок по банковским счетам и показаний свидетелей высказано суждение о притворном характере сделок, нанесении ущерба государству, его размере и механизме причинения.

2. По уголовному делу об убийстве специалист на основе анализа осмотренных с его участием данных о телефонных соединениях и записей с камер видеонаблюдения высказал суждение о маршруте движения обвиняемого к месту преступления.

Следует учитывать, что довольно часто при использовании в доказывании разъяснений специалиста вышеобозначенные задачи, имеющие, как нам представляется, самостоятельную гносеологическую природу, могут решаться комбинированно.

Приведенный подход к классификации задач, подлежащих разрешению при получении разъяснений специалиста, согласуется с позицией о невозможности постановки перед экспертом вопросов, относящихся к исключительной компетенции следователя.

Действительно, следователь не может делегировать иному лицу функции по разрешению правовых вопросов. Это, на наш взгляд, не препятствует получению по подобным вопросам разъяснений специалистов.

В этой связи необходимо отметить, что, в частности, к исключительной компетен-

ции следователя руководство государственных судебно-экспертных учреждений относит вопрос об установлении ущерба¹.

Обусловленная указанной позицией невозможность доказывания факта причинения ущерба экспертным путем компенсируется путем получения соответствующего заключения специалиста верификационно-фактологического типа.

Как уже было сказано, по сути, подобные заключения специалиста представляют собой документальную фиксацию логического процесса оценки следователем собранных доказательств и подтверждение со стороны сведущего лица корректности соответствующей системы умозаключений.

Тем самым, верификационно-фактологические разъяснения специалиста не могут содержать новое доказательство какого-либо факта, которое отсутствует в иных материалах уголовного дела. Такое заключение может доказывать лишь существование определенной структуры рассуждений по поводу доказательств, содержащихся в иных источниках. По этой причине верификационные разъяснения специалиста, несмотря на их формально-логическую структуру, не могут содержать выводов в их понимании как ранее не существовавших утверждений о фактах, имеющих значение для уголовного дела. Подобные утверждения формулирует в пределах своих полномочий следователь. Специалист лишь верифицирует логическую процедуру их получения.

Необходимо обратить внимание, что описываемый и подтверждаемый специалистом процесс оценки имеющихся доказательств по своей форме содержит признаки исследования. Между тем, указанное исследование проводится лицом, хотя и имеющим специальные знания, но без их непосредственного применения. В данном случае специалист использует лишь те методы познания, которые имеются в распоряжении следователя.

¹ Порядок назначения судебных экспертиз, исследований и использования экспертно-криминалистических учетов в органах внутренних дел Российской Федерации : Справочное пособие / Под ред. канд. юрид. наук П.Л. Гришина. М.: ЭКЦ МВД России, 2016. С. 105.

Если для проведения исследования требуются методы, которые следователь не уполномочен применять, они должны расцениваться как экспертные, что указывает на основания для назначения судебной экспертизы. Выяснение соответствующих вопросов путем получения разъяснений специалиста процессуально невозможно.

Следовательно, под использованием специальных знаний для проведения исследования необходимо понимать применение обусловленных специальными знаниями методов.

Вышесказанное позволяет заключить, что подтверждением невозможности выяснения какого-либо вопроса с участием специалиста и обязанности назначения судебной экспертизы выступает констатируемая необходимость формулирования выводов по результатам исследования с применением методов, выходящих за пределы компетенции следователя, то есть с использованием специальных знаний.

В свою очередь, отчетливое разграничение ситуаций, когда требуется проведение судебной экспертизы и, с другой стороны, когда достаточно разъяснений (показаний или заключения) специалиста, может способствовать улучшению правовых условий привлечения сведущих лиц к решению задач, возложенных на органы предварительного расследования, и повышению эффективности правоохранительной деятельности.

И в завершении ещё один аспект, который сводится к следующему: нередко по уголовным делам о нарушениях транспортных, строительных или иных специальных правил, которые привели к происшествию, содержащему признаки преступления и являющемуся основанием для возбуждения уголовного дела, уполномоченными органами на основании отраслевого законодательства или подзаконных актов, независимо от уголовно-процессуальной деятельности, проводится ведомственное расследование, результаты которого содержат выводы о причинах произошедшего события в форме, схожей с экспертным заключением или заключением специалиста (комиссии специалистов).

Применительно к работе военных следственных органов наиболее распространенным примером подобной ситуации является расследование обстоятельств авиационного происшествия, проводимое Службой безопасности полетов авиации Вооруженных Сил Российской Федерации.

Как нам представляется, соответствующие результаты ведомственных исследований, хотя и не проведенных по запросу органов предварительного расследования, подпадают под признаки п. 6 названного выше Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 и имеют статус иных документов (ст. 84 УПК РФ). При этом лица, принимавшие участие в соответствующем ведомственном расследовании, в силу их осведомленности о фактических обстоятельствах происшествия, не связанной с уголовно-процессуальной деятельностью, и, несмотря на наличие у них специальных знаний, могут участвовать в производстве по уголовному делу лишь в статусе свидетелей. К выяснению обстоятельств, нашедших отражение в соответствующих материалах ведомственных исследований, в качестве экспертов и специалистов указанные лица, по нашему мнению, допущены быть не могут.

Библиография

1. Бастрыкин, А.И. Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы / А.И. Бастрыкин // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. — 2021. — № 1 (31). — С. 9—16.
2. Бутырин, А.Ю. Теория и практика судебной строительно-технической экспертизы / А.Ю. Бутырин. — Москва: ОАО «Издательский Дом "Гордец"», 2006. — 544 с.
3. Вареникова, С.П. Институт сведущих лиц в уголовном судопроизводстве: генезис и современное состояние / С.П. Вареникова // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 1 (50). — С. 233—139.
4. Докучаев, О.О. К вопросу о гносеологической природе процессуальной деятельности органа предварительного расследования / О.О. Докучаев // Актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства : Сборник материалов круглого стола. — Москва, 30.03.2023 / под общ. ред. д-ра юрид. наук, доцента С.Л. Никоновича. — Москва: ООО «Типография», 2023. — С. 36—46.
5. Долгачёва, О.И. К вопросу о сведущих лицах в уголовном судопроизводстве / О.И. Долгачёва, М.Н. Шувалов // Философия права. — 2019. — № 3 (90). — С. 134—138.

6. Левшук, О.И. Роль сведущих лиц в выявлении и расследовании краж личного имущества граждан на объектах железнодорожного транспорта / О.И. Левшук // Борьба с преступностью: теория и практика : тезисы докладов III Международной научно-практической конференции (Могилев, 20.03.2015) : в 2-х ч. — Могилев: Могилевский институт МВД Республики Беларусь, 2015. — Ч. 2. — С. 93—95.

7. Порядок назначения судебных экспертиз, исследований и использования экспертно-криминалистических учетов в органах внутренних дел Российской Федерации : Справочное пособие /

Под ред. канд. юрид. наук П.Л. Гришина. — Москва: ЭКЦ МВД России, 2016. — 352 с.

8. Семенов, Е.А. Участие сведущих лиц в уголовном судопроизводстве России / Е.А. Семенов // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : Сборник материалов 20-й международной научно-практической конференции : в 2-х т. — Иркутск: Восточно-Сибирский ин-т МВД России, 2015. — Т. 1. — С. 228—231.

9. Шумаев, Д.Г. Понятие сведущего лица в уголовном судопроизводстве / Д.Г. Шумаев, Р.В. Овинникова // Сборник научных работ серии «Право». — 2020. — № 1 (17). — С. 177—185.

On the issue of criteria for distinguishing the procedural grounds for involving an expert and a specialist in a criminal case

© Dokuchaev O.O.,

Candidate of Law, Senior Investigator on particularly important cases of the Investigation Department Main Military Investigation Department Investigative Committee of the Russian Federation, Colonel of Justice

© Churkin A.V.,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of Russia

Annotation. The publication is devoted to improving practice of using special knowledge in the criminal investigation by specifying the conditions under which a forensic examination is not required for proof and it is sufficient to obtain explanations (testimony or conclusion) from a specialist. As a result of the interpretation of the provisions of criminal procedural legislation from the standpoint of epistemology, a hypothesis was formed according to which the difference in the procedural statuses of an expert and a specialist is due to the location in the structure of the cognitive activity of the preliminary investigation body. Based on the analysis of the experience of the military investigative bodies of the IC of Russia in the investigation of complex criminal cases, a classification of procedural cognitive tasks is proposed, the solution of which is permissible by obtaining explanations from a specialist.

Keywords: knowledgeable person, expert, specialist, expert opinion, opinion of specialist, testimony of specialist, criminal procedural cognition, research.

Судебный порядок рассмотрения жалоб в соответствии со ст. 125 УПК РФ: обзор по материалам практики военных судов

© Раков Андрей Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права Военного
университета

© Харитонов Станислав Станиславович,
кандидат юридических наук, профессор

Аннотация. В статье дан обзор примеров военно-судебной практики, связанных с подачей и принятием военным судом к рассмотрению жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ на действия и решения должностных лиц и органов, осуществляющих в ходе досудебного производства уголовное преследование.

Ключевые слова: судебный порядок рассмотрения жалоб; военнослужащий; военные суды.

Большая часть людей слишком ленива для того, чтобы докапываться до истины; они довольствуются первым же попавшимся им авторитетным мнением.

Фукидид

Тезис о важности единства судебной практики, которая, подчеркиваем, не заостенела и изменяется по мере обновления правовых норм, в целях обеспечения надежной судебной защиты прав граждан и поддержания баланса между частными и общественными интересами, поддерживается юристами, как теоретиками, так и практиками.

Как справедливо указывают ученые, рассмотрение судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ — одно из основных направлений осуществления судебного контроля в ходе досудебного производства наряду с рассмотрением судом ходатайств органов предварительного расследования о применении мер уголовно-процессуального принуждения, а также о производстве отдельных следственных действий, затрагивающих конституционные права и свободы граждан¹.

Военные юристы в той или иной степени рассматривали в своих научных публикациях прямо или косвенно теорию и

практику рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, в том числе и в отношении военнослужащих².

² См., например: Власов С.Ю., Харитонов С.С. Прочтение военными судами норм уголовно-процессуального законодательства (по материалам судебной практики) // Военное право. 2024. № 3 (85). С. 209—214; Заказнова А.Н., Харитонов С.С. О рассмотрении военным судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ (по материалам судебной практики) // Военное право. 2023. № 3 (79). С. 157—163; Зюбанов Ю.А. Добровольная сдача в плен // Военное право. 2024. № 3 (85). С. 170—174; Лобов Я.В. Есть ли будущее у военно-пенитенциарного законодательства? // Военное право. 2009. № 3. С. 29—35; Моргуленко Е.А., Шарапов С.Н. О необходимости совершенствования уголовно-правовой защиты интересов государства и общества в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 3 (320). С. 93—98; Назаров А.А., Харитонов С.С. Некоторые вопросы применения военными судами требований уголовно-процессуального законодательства // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 7 (312). С. 83—89; Раков А.В., Харитонов С.С. Уголовное наказание: современная действительность военно-судебной практики // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 1 (318). С. 82—87;

¹ См.: Дикарев И.С., Юткина С.М. Критерии приемлемости жалоб, подаваемых в порядке ст. 125 УПК // Законность. 2023. № 2. С. 48—51.

Несмотря на детальное правовое регулирование судебного порядка рассмотрения жалоб в уголовно-процессуальном законодательстве, имеющиеся разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (далее — Постановление Пленума ВС РФ № 1), в судебной практике периодически допускаются ошибки как заявителями при подаче жалоб, так и судами при решении вопроса о принятии их к производству. Устранение подобных нарушений способствовало бы не только повышению уровня процессуальных гарантий прав и законных интересов граждан, вовлеченных в орбиту уголовного правосудия, но и существенной экономии времени и сил как судей, так и других участников досудебного производства по уголовным делам¹.

С учетом изложенного полагаем возможным остановиться на некоторых примерах из военно-судебной практики по рассматриваемой теме

1. *Подсудность жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ определяется подсудностью уголовного дела (возбужденного или о возбуждении которого решается вопрос).*

Постановлением судьи гарнизонного военного суда от 29 ноября 2022 г. оставлена без удовлетворения жалоба в порядке ст. 125 УПК РФ заявителя Б.

Исходя из разъяснений, изложенных в абз. 2 п. 6 Постановления Пленума ВС РФ № 1, гарнизонными военными судами рассматриваются жалобы, поданные в порядке ст. 125 УПК РФ на решения и действия (бездействие) должностных лиц военных следственных органов и военных

прокуратур, только по делам, подсудным военным судам в соответствии с ч. 3 ст. 22 Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации».

Частью 3 ст. 22 названного Федерального конституционного закона, а также ч. 5 и 9 ст. 31 УПК РФ определено, что гарнизонный военный суд рассматривает уголовные дела о всех преступлениях, совершенных военнослужащими и гражданами, проходящими военные сборы, за исключением уголовных дел, подсудных вышестоящим военным судам.

Следовательно, подсудность жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ определяется подсудностью уголовного дела (возбужденного или о возбуждении которого должностными лицами военного следственного органа решается вопрос).

Как установлено судом апелляционной инстанции, 5 сентября 2021 г. в военный следственный отдел по Ростовскому гарнизону от заявителя Б. поступило заявление, в котором последний, выражая несогласие с действиями должностных лиц военного комиссариата городского округа Истра Московской области, просил провести процессуальную проверку в порядке, установленном ст. 144—145 УПК РФ, по изложенным в его заявлении доводам и возбудить в отношении неустановленных должностных лиц названного комиссариата уголовное дело.

Согласно сообщению военного комиссара городских округов Истра и Восход Московской области от 3 февраля 2023 г., в штатном расписании названного военного комиссариата военнослужащие и граждане, проходящие военную службу (военные сборы), не предусмотрены.

Учитывая изложенное, окружной военный суд пришел к выводу о неподсудности жалобы Б. гарнизонному военному суду, что повлекло отмену постановления судьи, вынесенного по результатам рассмотрения такой жалобы по существу, поскольку она подлежала возвращению заявителю с разъяснением

Сотникова В.В., Бунин К.А. Расследование преступлений, совершенных с использованием компьютерных технологий: сегодня и завтра // Военное право. 2019. № 2 (54). С. 279—283; Харитонов В.С. О возможностях проявления вигилянства в армии: нормативный и криминологический аспект // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 11 (316). С. 126—128, и др.

¹ См.: Дикарев И.С., Юткина С.М. Указ. соч.

права на обращение в соответствующий районный суд¹.

2. *Направление уголовного дела в суд для рассмотрения по существу не является безусловным основанием для отказа в принятии к производству жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, прямо или косвенно связанных с данным делом.*

Постановлением судьи гарнизонного военного суда от 12 апреля 2023 г. отказано в принятии к рассмотрению жалобы, поданной в порядке ст. 125 УПК РФ представителем К. в интересах Г., о признании незаконным постановления следователя об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении С.

В обоснование принятого решения судья указал, что уголовное дело в отношении Г. и других лиц, по которому С. признан потерпевшим, направлено в суд для рассмотрения по существу, в связи с чем доводы о незаконности постановления следователя об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении С. вправе рассмотреть суд, рассматривающий уголовное дело.

Апелляционным постановлением окружного военного суда от 25 июня 2023 г. постановление судьи отменено по следующим основаниям.

Согласно ч. 1 ст. 125 УПК РФ в суд могут быть обжалованы постановления следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные действия (бездействие) и решения должностных лиц, принятые на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, если они способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства или иных лиц, чьи права и законные интересы нарушены, либо могут затронуть доступ граждан к правосудию.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 9 Постановления Пленума ВС РФ № 1, если будет установлено, что уголовное дело, по которому поступила жалоба, направлено в суд для рассмотрения по существу либо по делу постановлен приговор или иное окончательное решение, судья принимает к производству и рассматривает лишь жалобы на решения и действия (бездействие) должностных лиц, затрагивающие права и законные интересы заявителей, не являющихся участниками судебного разбирательства по данному уголовному делу.

Подлежат рассмотрению жалобы, где ставится вопрос о признании незаконными и необоснованными решений и действий (бездействия), которые в соответствии с УПК РФ не могут быть предметом проверки их законности и обоснованности на стадии судебного разбирательства при рассмотрении уголовного дела судом, в том числе в апелляционном или кассационном порядке ст. 389², 401³ УПК РФ).

Как усматривалось из поданной представителем К. в порядке ст. 125 УПК РФ жалобы в интересах Г., последняя претендовала на роль потерпевшей в конфликте, произошедшем между ней и другими лицами с одной стороны и военнослужащим С. с другой. Однако в отношении С. военным следственным органом было принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела, оспоренное указанным представителем.

Таким образом, предметом обжалования по поданной жалобе выступали не решения и действия должностных лиц по расследованию уголовного дела в отношении Г. и других лиц, а постановление следователя об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении военнослужащего С.

При этом районный суд, в который было направлено для рассмотрения по существу уголовное дело в отношении гражданки Г. и других, неправомочен принимать решение в отношении военнослужащего С., о чем ошибочно указал судья в постановлении.

¹ См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов по уголовным делам и материалам за первое полугодие 2023 г., утвержденный постановлением президиума Южного окружного военного суда 14.07.23 № 17 URL: http://yovs.ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_community&id=319 (дата обращения 04.09.2024).

Более того, данный суд рассматривает уголовное дело в соответствии со ст. 252 УПК РФ только в отношении подсудимых, что не дает суду основания для проверки законности отказа в возбуждении уголовного дела в отношении С.

При таких обстоятельствах жалоба подлежала рассмотрению по существу судьей гарнизонного военного суда, что не повлекло бы предрешения вопросов, которые могли стать предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела в отношении гражданки Г. и других, поскольку в рамках данного уголовного дела военнослужащий С. к уголовной ответственности не привлекался.¹

3. В порядке ст. 125 УПК РФ обжалуются решения и действия (бездействие) дознавателя, следователя, прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию.

При рассмотрении материалов судебной проверки по апелляционной жалобе адвоката С. в интересах Б. на постановление судьи Реутовского гарнизонного военного суда от 20 декабря 2022 г., которым его жалоба на постановление заместителя военного прокурора 42 военной прокуратуры гарнизона об отмене постановления следователя 516 военного следственного отдела СК России от 25 октября 2022 г. об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении последнего, оставлена без удовлетворения, было установлено следующее.

В силу ч. 4 ст. 7 УПК РФ постановление судьи, вынесенное по результатам рассмотрения жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ, должно быть законным, обоснованным и мотивированным, основанным на исследованных материалах с

проверкой доводов, приведенных заявителем.

Судьям надлежит на основе имеющихся данных и дополнительно представленных материалов проверять законность решений и действий (бездействия) должностных лиц, указанных в ч. 1 ст. 125 УПК РФ, касающихся заявленных требований граждан об устранении допущенных нарушений, ущемляющих их права и свободы.

Постановление судьи гарнизонного военного суда по жалобе адвоката не соответствовало приведенным требованиям закона.

Как следовало из материалов судебной проверки, адвокат обратился с жалобой на постановление заместителя военного прокурора 42 военной прокуратуры гарнизона.

В соответствии с абзацами третьим и четвертым п. 1 Постановления Пленума ВС РФ № 1 при проверке законности и обоснованности решений и действий (бездействия) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора судья не должен ограничиваться установлением лишь того, соблюдены ли должностными лицами формальные требования закона, а обязан удостовериться в фактической обоснованности обжалуемого решения.

Также в случае отмены прокурором постановления дознавателя, следователя о прекращении уголовного дела или уголовного преследования на такое постановление прокурора может быть подана жалоба в порядке ст. 125 УПК РФ лицами, конституционные права которых затрагивает принятое решение (лицом, в отношении которого возобновлено производство по делу; потерпевшим при возобновлении производства по делу, ранее прекращенному по не реабилитирующему основанию, и др.).

Таким образом, заявитель фактически выразил свое несогласие с конкретным постановлением заместителя военного прокурора, законность которого должна проверяться в установленном законом порядке.

¹ См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов по уголовным делам и материалам за первое полугодие 2023 г., утвержденный постановлением президиума Южного окружного военного суда 14.07.23 № 17 URL: http://yovs.ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_community&id=319 (дата обращения 02.09.2024).

В этой связи окружной военный суд пришел к выводу, что указанные в жалобе действия должностного лица являлись предметом обжалования в соответствии со ст. 125 УПК РФ и именно они подлежали оценке судом первой инстанции относительно наличия или отсутствия в них каких-либо нарушений норм уголовно-процессуального законодательства, причиняющих ущерб конституционным правам и свободам Б., либо затрудняющих ему доступ к правосудию.

Кроме того, согласно п. 10 того же Постановления Пленума и положений ч. 3 ст. 125 УПК РФ судья обязан обеспечить своевременное извещение о месте, дате и времени судебного заседания заявителя, его защитника, представителя (законного представителя), прокурора, участие которого является обязательным (п. 8 ст. 38 УПК РФ), руководителя следственного органа, следователя, осуществляющего расследование по уголовному делу, по которому принесена жалоба. Подлежат извещению и иные лица, чьи интересы непосредственно затрагиваются обжалуемым действием (бездействием) или решением.

Как следовало из обжалуемого постановления, постановление следователя от 25 октября 2022 г. об отказе в возбуждении уголовного дела вынесено в отношении Б., Т. и М..

Из постановления судьи о принятии жалобы и назначении судебного заседания следовало, что было необходимо уведомить о дате, времени и месте судебного заседания Б., его представителя С., руководителя 516 военного следственного отдела СК России, следователя и военного прокурора. Решение об уведомлении иных, заинтересованных лиц принято не было.

Ввиду допущенных нарушений уголовно-процессуального закона постановление судьи Реутовского гарнизонного военного суда отменено, а материалы по жалобе переданы на новое судебное разбирательство в тот же суд в ином составе суда.

Приведенные выше примеры показывают, на наш взгляд, важность судебного контроля за законностью и

обоснованностью процессуальной деятельности органов дознания и следствия на досудебной стадии процесса.

Библиография

1. Власов, С.Ю. Прочтение военными судами норм уголовно-процессуального законодательства (по материалам судебной практики) / С.Ю. Власов, С.С. Харитонов // *Военное право*. — 2024. — № 3 (85). — С. 209—214.
2. Дикарев, И.С. Критерии приемлемости жалоб, подаваемых в порядке ст. 125 УПК / И.С. Дикарев, С.М. Юткина // *Законность*. — 2023. — № 2. — С. 48—51.
3. Заказнова, А.Н. О рассмотрении военным судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ (по материалам судебной практики) / А.Н. Заказнова, С.С. Харитонов // *Военное право*. — 2023. — № 3 (79). — С. 157—163.
4. Зюбанов, Ю.А. Добровольная сдача в плен / Ю.А. Зюбанов // *Военное право*. — 2024. — № 3 (85). — С. 170—174.
5. Лобов, Я.В. Есть ли будущее у военнопенитенциарного законодательства? / Я.В. Лобов // *Военное право*. — 2009. — № 3. — С. 29-35.
6. Моргуленко, Е.А. О необходимости совершенствования уголовно-правовой защиты интересов государства и общества в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий / Е.А. Моргуленко, С.Н. Шарапов // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. — 2024. — № 3 (320). — С. 93—98.
7. Муравьев, К.В. Соразмерность процессуальных ограничений грозящему наказанию и экономия принуждения при выборе меры пресечения / К.В. Муравьев // *Юридический вестник Самарского университета*. — 2020. — № 6 (4). — С. 72—79.
8. Назаров, А.А. Некоторые вопросы применения военными судами требований уголовно-процессуального законодательства / А.А. Назаров, С.С. Харитонов // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. — 2023. — № 7 (312). — С. 83—89.
9. Раков, А.В. Уголовное наказание: современная действительность военно-судебной практики / А.В. Раков, С.С. Харитонов // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. — 2024. — № 1 (318). — С. 82—87.
10. Сотникова, В.В. Расследование преступлений, совершенных с использованием компьютерных технологий: сегодня и завтра / В.В. Сотникова, К.А. Бунин // *Военное право*. — 2019. — № 2 (54). — С. 279—283.
11. Харитонов, В.С. О возможностях проявления виллантизма в армии: нормативный и криминологический аспект / В. С. Харитонов // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. — 2023. — № 11 (316). — С. 126—128.

**Judicial procedure for considering complaints in accordance with
Art. 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation:
a review of the practice of military courts**

Rakov A.V.,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Military University

Kharitonov S.S,

Candidate of Law, Professor

Abstract. The article provides an overview of examples of military judicial practice related to the filing and acceptance by a military court for consideration of complaints in accordance with Art. 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation against the actions and decisions of officials and bodies carrying out criminal prosecution during pre-trial proceedings.

Keywords: judicial procedure for considering complaints; military serviceman; military courts.

О квалификации действий должностных лиц Вооруженных Сил Украины в ходе проведения специальной военной операции

© Чушенко Дмитрий Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
процессуального права Южно-Российского
института управления — филиала Российской
академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте
Российской Федерации, майор запаса

Аннотация. В настоящей статье автором исследуются проблемы уголовно-правовой оценки действий должностных лиц конфликтующих государств в ходе ведения боевых действий, поднимается вопрос о правильности квалификации деяний отдельных военнослужащих Вооруженных Сил Украины в контексте норм международного гуманитарного права и высказываются сомнения относительно законности и обоснованности некоторых правоприменительных решений в отношении них.

Ключевые слова: специальная военная операция, уголовная ответственность, вооруженный конфликт, боевые действия, террористический акт, терроризм, комбатант, международное гуманитарное право, Женевские конвенции 1949 года, ракетно-бомбовые удары, топливно-энергетический комплекс.

Проведение специальной военной операции (СВО) по денацификации и демилитаризации Украины вскрыло ряд важных проблем, связанных с уголовно-правовой квалификацией действий воюющих сторон в рамках продолжающегося российско-украинского конфликта. В частности, ряд процессуальных решений, принятых должностными лицами отечественных правоохранительных органов в отношении тех или иных деяний, совершенных военнослужащими Вооруженных Сил Украины и имевших место за пределами театра боевых действий, вызывают серьезные сомнения на предмет их соответствия нормам международного гуманитарного права, а также нормам внутреннего российского уголовного законодательства.

Рассмотрим два случая привлечения к уголовной ответственности военнослужащих Вооруженных Сил Украины.

Так, по факту уничтожения 23 февраля 2024 г. самолета Воздушно-космических сил Российской Федерации в небе над Краснодарским краем, повлекшим за собой гибель 10 человек экипажа, Следственным комитетом Российской Федерации (СК России) было возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, преду-

смотренного п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ (террористический акт)¹.

Как следует из информационного сообщения пресс-службы СК России, была установлена причастность к этому происшествию командира 138 зенитно-ракетной бригады Вооруженных Сил Украины полковника Н.И. Дзямана, в связи с чем Хамовническим районным судом г. Москвы ему была заочно избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Квалификация деяния обосновывается следственным органом тем, что воздушное судно не было предназначено для ведения боевых действий, не имело вооружения и в момент уничтожения находилось в воздушном пространстве Российской Федерации.

Несмотря на трагичность произошедшего (гибель 10 членов экипажа и уничтожение самолета), факт возбуждения уголовного дела и квалификация данного деяния как террористического акта вызывают определенные сомнения, а именно наличие в действиях данного должностного лица Вооруженных Сил Украины состава вмененного ему преступления.

¹ См.: <https://sledcom.ru/news/item/1892602/> (дата обращения 19.07.2024 г.).

Во-первых, в целях правильной квалификации действий украинского военнослужащего необходимо понять, о каком сбите самолета идет речь.

Мониторинг средств массовой информации, а также изучение информационных сообщений граждан в социальных сетях, содержащих видеозаписи произошедшей трагедии, позволяет утверждать, что речь идет о самолете А-50У¹.

Как следует из открытых источников информации, данный борт относился к семейству самолетов дальнего радиолокационного обнаружения и управления (точнее, это самолет радиолокационного дозора и наведения — СРЛДН), предназначенных для дальнего обнаружения объектов противника и наведения на них средств поражения или перехвата².

Исходя из этого, с большой долей вероятности можно предположить, что с точки зрения норм международного гуманитарного права самолет СРЛДН А-50У, входивший в состав Воздушно-космических сил Вооруженных Сил Российской Федерации, обладал статусом военного объекта в той мере, в какой он определяется п. 2 ст. 52 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. (далее — Протокол I к Женевским конвенциям 1949 г.) и не мог обладать защитой в качестве объекта гражданской обороны, как это определено в ст. 67 указанного Протокола. Из данного предположения следует, что на него распространялись риски, определяемые данным статусом, даже несмотря на то обстоятельство, что в момент поражения он находился в воздушном пространстве России.

Общеизвестно, что применение зенитно-ракетного комплекса по воздушной цели (военный самолет, вертолет, ракета и т.п.) с целью ее уничтожения является предназначением любого зенитного комплекса, его

основной задачей, в связи с чем имеются определенные сомнения, что применение средств противовоздушной обороны в рамках вооруженного конфликта в отношении военных летательных аппаратов своего противника может квалифицироваться в качестве террористического акта.

Утверждение СК России о том, что данный летательный аппарат не был предназначен для ведения боевых действий и не имел вооружения, а также тот факт, что полет проходил в воздушном пространстве России, по мнению автора, для квалификации деяния правового значения не имеет, так как уничтожение военной техники своего противника либо же выведение ее из строя относится к обычаям войны вне зависимости от того, признает ли одна из сторон состояние войны или нет³.

Необходимость применения норм Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. о защите гражданского населения во время войны к оцениваемым правоотношениям подтверждается также положениями ст. 2 данной Конвенции, гласящей, что она подлежит применению не только при объявлении войны, но и в отношении любого другого вооруженного конфликта.

В силу положений ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права и международных договоров превалируют над внутренним законодательством Российской Федерации, в связи с чем положения российского уголовного законодательства должны толковаться и применяться с учетом указанной нормы Конституции Российской Федерации и норм обычного международного права, в частности, Женевских конвенций 1949 г. и протоколов к ним.

Кроме того, сомнения в правильной квалификации деяния вызывает изучение диспозиции ч. 1 ст. 205 УК РФ, в которой указывается, что именно следует понимать под террористическим актом: это действия, направленные на устрашение населения в

¹ См., например: https://t.me/fighter_bomber/15804 (дата обращения 19.07.2024 г.).

² См.: <https://rg.ru/2023/12/26/letaiushchij-dozornyj-kak-ustroeny-i-na-cto-sposobny-rossijskie-samolety-a-50.html> (дата обращения 19.07.2024 г.).

³ Ст. 2 Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. о защите гражданского населения во время войны (принята 12 августа 1949 г. Дипломатической конференцией для составления международных конвенций о защите жертв войны, заседавшей в Женеве с 21 апреля по 12 августа 1949 г.).

целях последующей дестабилизации деятельности публичных органов государства либо воздействия на принятие ими решений. Как указал Верховный Суд Российской Федерации в п. 1 Постановления Пленума от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», дестабилизация деятельности органов власти либо воздействие на принятие ими решений являются обязательным признаком объективной стороны террористического акта.

Автору видится весьма сомнительным, что поражение самолета, хотя и весьма ценного в военном отношении, может устрашать население или воздействовать на принятие решений органами государственной власти либо местного самоуправления (кроме разве что тех, которые направлены на снижение возможности поражения в будущем объектов Воздушно-космических сил России средствами ПВО противника), в связи с чем объективная сторона анализируемого деяния, по нашему мнению, не содержит необходимых признаков состава преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ.

Кажется вполне очевидным, что применение дозволенного средства ведения боевых действий (в данном случае средства ПВО) одной из воюющих сторон против военной техники другой стороны относится к дозволенным способам их ведения, тем более что и другая сторона, в свою очередь, активно применяла и применяет средства ПВО, что подтверждается многочисленными сообщениями пресс-службы Минобороны России об уничтожении самолетов Военно-воздушных сил Украины.

Во-вторых, в целях правильной квалификации необходимо определиться и со статусом его экипажа: являлись ли погибшие военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации или нет. Изучение новостей в информационно-коммуникационной сети Интернет показало, что экипаж, с большой долей вероятности,

состоял из военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации¹.

Таким образом, исходя из того, что погибшие на борту самолета СРЛДН А-50У лица являлись действующими военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации, следует признать за ними статус комбатантов, который так же, как и статус военного объекта, наделял экипаж не только определенными правами, но и налагал определенные риски².

Статус комбатанта, как он определен ст. 43 Протокола I к Женевским конвенциям 1949 г., предполагает в ходе войны или иного военного конфликта право применения военного насилия (в оговоренных международными конвенциями пределах). В то же время к ним самим тоже может применяться военное насилие в том числе в виде его высшей формы — физического уничтожения. При этом риски, связанные со статусом комбатанта, не зависят от того, принимает ли он непосредственное участие в боевых действиях (в том числе на территории иностранного государства) или обеспечивает их успешное проведение на территории собственной страны.

Таким образом, имеются определенные основания предполагать, что в данном случае отсутствует вмененный Н.И. Дзяману состав преступления, предусмотренный ч. 3 ст. 205 УК РФ.

К большому сожалению, на официальном интернет-портале Хамовнического районного суда г. Москвы (<https://mosgorsud.ru/rs/hamovnicheskij>) отсутствует какая-либо информация о принятых в отношении Н.И. Дзямана судебных актах, что делает практически невозможным проведение анализа доводов, положенных судом в основу избрания в отношении его указанной

¹ См.: <https://rwnews.ru/474164/Krushenie-samoljeta-A-50-pod-Krasnodarom-v-seti-poyavilsya-spisok-chlenov-ekipazha>, <https://37kp.ru/%D0%BA%D1%80%D1%83%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D0%B0-50-%D0%B1%D0%BE%D1%80%D1%82-%E2%84%96-42-23-02-2024>, https://vk.com/wall-157936091_241778, (дата обращения 19.07.2024 г.).

² Глухов Е.А. Повышенная опасность характера военной службы для жизни и здоровья военнослужащих как составляющая их правового статуса // Военное право. 2024. № 4(88). С. 91.

меры пресечения. В любом случае, автор планирует и дальше отслеживать правоприменительные решения по данному делу.

Другим, тоже достаточно спорным, является уголовное дело в отношении командира 7 бригады тактической авиации Вооруженных Сил Украины Е.Б. Булацика, заочно приговоренного 2-м Западным окружным военным судом к 18 годам лишения свободы за совершение преступления, предусмотренного п. «а» и «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ¹.

По сообщению пресс-службы СК России, 30 апреля 2022 г. два фронтовых бомбардировщика Су-24м одного из соединений Вооруженных сил Украины, возглавляемых Е.Б. Булациком, исполняя его и иных вышестоящих должностных лиц из числа военно-политического руководства страны противоправный приказ, незаконно пересекали воздушное пространство Российской Федерации и нанесли бомбовый удар по нефтеналивной станции «Русснефть-Брянск», что поставило под угрозу жизнь и здоровье большого числа гражданских лиц и повлекло за собой разрушение и повреждение имущества на сумму не менее 11 млн. руб.²

В данном случае, несмотря на вступивший в законную силу приговор суда, также имеются определенные сомнения в правильности уголовно-правовой квалификации действий Е. Б. Булацика.

Данное уголовное дело и постановленный судом обвинительный приговор тем примечательнее, что рассматриваемые действия (пересечение государственной границы военными летательными аппаратами, а также нанесение ракетно-бомбовых ударов по объектам топливной и нефтеперерабатывающей промышленности, а также электро-

энергетики), периодически осуществляются обеими сторонами конфликта.

Так, по сообщениям средств массовой информации и пресс-службы Минобороны России, Вооруженными Силами России неоднократно наносились удары по объектам нефтепереработки и электрогенерации: Кременчугскому нефтеперерабатывающему заводу и хранилищам топлива (2 и 25 апреля, 13 мая и 18 июня 2022 г., 20 сентября и 1 ноября 2023 г., 27 января 2024 г.)³, Драгобычевскому нефтеперерабатывающему заводу (21 сентября 2023 г.)⁴, Одесскому нефтеперерабатывающему заводу и хранилищам горюче-смазочных материалов (3 апреля 2022 г.)⁵, Бурштынской ТЭС (10 и 19 октября 2022 г., 14 января 2023 г. 24 марта 2024 г.)⁶, Змиёвской ТЭС (11 сентября 2022 г., 22 марта 2024 г.)⁷, Славянской ТЭС (17 сентября 2022 г., 5 мая 2024 г.)⁸, Харьковской ТЭЦ-5 (11 сентября 2022 г., 22 марта 2024 г.)⁹, Днепровской ТЭС (31 октября 2022 г., 22 марта 2024 г.)¹⁰ Ладыжинской ТЭС (11 октября 2022 г., 24 марта 2024 г.)¹¹,

³ См.: https://t.me/mod_russia/13895, https://t.me/mod_russia/14752, https://t.me/mod_russia/15692, https://t.me/mod_russia/16880, <https://www.rbc.ru/politics/01/11/2023/6541f82b9a7947d4f856a3dd>, <https://www.mk.ru/politics/2024/01/28/kremenchugskiy-np-z-vy-gorel-pochti-dotla-tekhnika-i-samolety-vs-ostalis-bez-topliva.html> (дата обращения 19.07.2024 г.).

⁴ См.: https://t.me/don_partizan/3489 (дата обращения 19.07.2024 г.).

⁵ См.: <https://www.ntv.ru/novosti/2700196> (дата обращения 19.07.2024 г.).

⁶ См.: <https://lenta.ru/news/2022/10/20/tesbur/>, <https://gia.ru/20230114/udar-1844894092.html> (дата обращения 19.07.2024 г.).

⁷ См.: <https://www.kommersant.ru/doc/6608369> (дата обращения 19.07.2024 г.).

⁸ См.: <https://rg.ru/2024/05/05/reg-dnr/poiavilis-kadry-posledstvij-udarov-po-slavianskoj-tes.html> (дата обращения 19.07.2024 г.).

⁹ См.: <https://lenta.ru/news/2022/09/12/vzrivideo>, <https://lenta.ru/news/2024/03/22/rossiyskie-voennye-porazili-tankovyy-zavod-i-dve-tets-v-harkove/> (дата обращения 19.07.2024 г.).

¹⁰ См.: <https://www.ntv.ru/novosti/2818617>, <https://t.me/izvestia/110081> (дата обращения 19.07.2024 г.).

¹¹ См.: <https://www.rbc.ru/politics/28/03/2024/6605786a9a7947f087152cb0> (дата обращения 19.07.2024 г.).

¹ Уголовное дело № 1-69/2024 [Электронный ресурс] // 2zovs.msk.sudrf.ru: официальный интернет-сайт 2-го Западного окружного военного суда. – 2024. – URL: https://2zovs--msk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=1971307&case_uid=67b10f5d-f2b1-4698-b7ad-f93d2b4ad527&delo_id=1540006 (дата обращения 12.07.2024 г.).

² См.: <https://sledcom.ru/news/item/1877847> (дата обращения 19.07.2024 г.).

Трипольской ТЭС (11 апреля 2024 г.)¹, Приднепровской ТЭС (18 октября 2022 г.)², а так же иным объектам украинской энергетики³.

Как следует из брифингов руководителя Департамента информации и массовых коммуникаций Минобороны России генерал-лейтенанта И.Е. Конашенкова, указанные объекты использовались для снабжения украинской армии и объектов военно-промышленного комплекса.

В свою очередь, Вооружённые Силы Украины тоже пытались и пытаются вывести из строя объекты российского топливно-энергетического комплекса, нанося по ним целенаправленные удары с различной степенью эффективности, о чем свидетельствуют многочисленные сообщения в информационном пространстве, в том числе и должностных лиц субъектов Российской Федерации. В частности, подвергались атаке следующие объекты: нефтебаза в г. Клинцы Брянской области (19 января 2024 г.)⁴, комплекс по фракционированию и перевалке газового конденсата в порту Усть-Луга (21 января 2024 г.)⁵, Туапсинский нефтеперерабатывающий завод (25 января и 17 мая 2024 г.)⁶, Волгоградский нефтеперерабатывающий завод (3 февраля и 12 мая 2024 г.)⁷,

нефтебаза АО «Белгороднефтепродукт» (5 марта 2024 г.)⁸, Нижегородский нефтеперерабатывающий завод (12 марта 2024 г.)⁹, Новошахтинский нефтеперерабатывающий завод (22 июня 2022 г., 13 марта и 6 июня 2024 г.)¹⁰, Рязанский нефтеперерабатывающий завод (13 марта и 1 мая 2024 г.)¹¹, Славянский нефтеперерабатывающий завод (17 марта 2024 г.)¹², Старооскольская нефтебаза (6 июня 2024 г.)¹³, электроподстанции в Запорожской области (17 июля 2024 г.)¹⁴ и др.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что удары по объектам топливно-энергетического комплекса является в настоящее время достаточно распространенным явлением и применяются обеими сторонами конфликта. С большой долей вероятности можно предположить, что нанесение ударов представляет угрозу жизни и здоровью сотрудников из числа гражданского персонала указанных предприятий вне зависимости от того, какая из сторон конфликта их наносит. Это ставит под сомнение законность и обоснованность вступившего в законную силу обвинительного приговора в отношении Е.Б. Булацика.

При указанных обстоятельствах уголовное преследование командира 7-й бригады тактической авиации Вооруженных сил Украины полковника Е.Б. Булацика, а равно и вынесенный в отношении него приговор, по мнению автора, видится весьма спорным, так как в его действиях либо отсутствует состав преступления, либо имеет место быть избирательное применение права, что тео-

¹ См.: <https://rg.ru/2024/04/11/centrengo-tripolskaia-tes-pod-kievom-polnostiu-unichtozhena.html> (дата обращения 19.07.2024 г.).

² См.: <https://lenta.ru/news/2022/10/18/kivatets> (дата обращения 19.07.2024 г.).

³ См.: <https://tass.ru/armiya-i-opk/18138513>, <https://neftegaz.ru/news/incidental/841923-vs-rf-nanesli-udar-po-npz-i-khranilishchu-topлива-na-ukraine>, https://t.me/mod_russia/36956, https://t.me/mod_russia/36901, <https://www.mk.ru/politics/2024/03/31/gundarov-ocenil-udary-po-tes-i-ges-ukrainy-dadut-nakopitelnyy-effekt.html> (дата обращения 19.07.2024 г.).

⁴ См.: <https://t.me/avbogomaz/5131> (дата обращения 19.07.2024 г.).

⁵ См.: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/01/21/22158775.shtml> (дата обращения 19.07.2024 г.).

⁶ См.: <https://lenta.ru/news/2024/01/25/stalo-izvestno-o-prichastnosti-sbu-k-pozharu-na-neftyanom-zavode-v-tuapse/>, <https://t.me/opershtab23/8069> (дата обращения 19.07.2024 г.).

⁷ См.: <https://www.rbc.ru/economics/03/02/2024/65be28989a7947b0c0053774>, https://t.me/rgn_34/6151 (дата обращения 19.07.2024 г.).

⁸ См.: <https://www.gazeta.ru/social/2024/03/05/18374798.shtml> (дата обращения 19.07.2024 г.).

⁹ См.: <https://www.kommersant.ru/doc/6562793> (дата обращения 19.07.2024 г.).

¹⁰ См.: <https://www.rbc.ru/politics/13/03/2024/65f17b919a79470aa434062e> (дата обращения 19.07.2024 г.).

¹¹ См.: <https://www.gazeta.ru/army/news/2024/05/01/22908613.shtml>, <https://www.kommersant.ru/doc/6563571>, https://t.me/golubev_vu/1361 (дата обращения 19.07.2024 г.).

¹² См.: <https://www.kommersant.ru/doc/6578419> (дата обращения 19.07.2024 г.).

¹³ См.: <https://t.me/vvgladkov/7666> (дата обращения 19.07.2024 г.).

¹⁴ См.: <https://t.me/BalitskyEV/3586> (дата обращения 19.07.2024 г.).

ретически может дискредитировать судебную и правоохранительную систему нашей страны, и о чем ранее уже говорилось отечественными специалистами, в частности, О.В. Дамаскиным (правда, применительно к другой ситуации и другим судам).

В понимании автора, сходные действия, содержащие одинаковые объективную и субъективную стороны деяния, а также объект и субъект, должны квалифицироваться с точки зрения уголовного закона одинаковым образом. Он придерживается позиции, что действия, являющиеся с точки зрения международного гуманитарного права и уголовного закона правомерными для одной стороны вооруженного конфликта, не могут не являться таковыми и для другой стороны.

Кроме того, имеются существенные сомнения в возможности исполнения постановленного в отношении Е.Б. Булацика приговора 2-го Западного окружного военного суда. Единственной реальной возможностью является захват его в плен, что в нынешних реалиях видится маловероятным.

Впрочем, уголовное преследование — это далеко не самый эффективный способ воздействия на должностных лиц украинских Вооруженных Сил.

Автор исходит из того, что победа над врагом во время вооруженного конфликта достигается не посредством уголовного преследования, а с помощью собственных Вооруженных Сил, нацеленных, в первую очередь, на нанесение тому военного поражения. Для минимизации деструктивной деятельности должностных лиц командного

звена Вооруженных Сил Украины по отношению к нашей стране, следует сосредоточиться на их нейтрализации как комбатантов, а не расплывать ресурсы следственных и судебных органов на бесперспективное уголовное преследование. Исключением из этого могут являться случаи нарушения международного гуманитарного права и совершение преступлений против человечности (убийство гражданских лиц и военнопленных, взятие заложников, геноцид и т.п.), в иных же случаях победу над противником и достижение целей СВО следует искать на поле боя либо посредством переговорного процесса, а не в кабинетах правоохранительной системы.

Автор обращает внимание, что все вышеизложенное ни прямо, ни косвенно или опосредованно не является оправданием террористической деятельности, а его позиция об ошибках правоприменения (действительных или мнимых) является исключительно его личным мнением и не преследует цели признания анализируемых действий украинских должностных лиц заслуживающими сочувствия и тем более поддержки.

Библиография

1. Глухов, Е.А. Повышенная опасность характера военной службы для жизни и здоровья военнослужащих как составляющая их правового статуса / Е.А. Глухов // Военное право. — 2024. — № 4(86). — С. 91—96.
2. Дамаскин, О.В. Современные военные проблемы международного права и международной юрисдикции / О.В. Дамаскин // Военное право. — 2017. — № 1(41). — С. 5—16.

On the qualification of actions of officials of the Armed Forces of Ukraine during a Special military operation

© Chushenko D.N.,

Cand. Sci. (Jurid.), Associate Professor at the Department of Procedural Law of the South-Russia Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Reserve Major

Annotation. In this article, the author examines the problems of the legal assessment of the actions of officials of conflicting states during the conduct of hostilities and raises the question of the correctness of the qualification of the acts of individual servicemen of the Armed Forces of Ukraine in the context of international humanitarian law and expresses doubts about the legality and validity of law enforcement decisions in relation to them.

Keywords: special military operation, criminal liability, armed conflict, hostilities, terrorist act, terrorism, combatant, international humanitarian law, Geneva Conventions of 1949, missile and bomb attacks, fuel and energy complex.

Зарубежное военное законодательство. Военные проблемы международного права

О теоретико-правовых особенностях ответственности международных организаций в международном праве

© Баймышев Владимир Геннадьевич,
слушатель магистратуры Института законода-
тельства и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации

Аннотация. Роль международных организаций в современной системе международных отношений неуклонно возрастает. В условиях динамичного изменения международной обстановки приобретает особую актуальность вопрос создания эффективного инструмента применения международно-правовой ответственности к международным организациям с целью сохранения мира и стабильности, основанного на центральной роли Организации Объединенных Наций в международных отношениях в соответствии с Уставом ООН. В статье подчеркивается значимость отрасли права международной ответственности, призванной регулировать поведение государств и их союзов в условиях войн и конфликтов, обеспечивать справедливость и гарантировать возмещение ущерба пострадавшим сторонам. Проводится анализ исторических этапов становления данной отрасли международного права от Древних веков до настоящего времени. Делается вывод о необходимости дальнейшего прогрессивного развития и кодификации отрасли права международной ответственности.

Ключевые слова: международное право, международно-правовая ответственность, международные организации.

Динамичное изменение текущей военно-политической обстановки, связанное в первую очередь со стремлением США сохранить глобальное доминирование, оказывает серьезное влияние на функционирование всей сбалансированной системы мироустройства. В этой связи особую актуальность приобретает вопрос формирования новой «системы неделимой безопасности, доступной для всех субъектов международных отношений на равноправных условиях, при которых безопасность одних не может быть обеспечена за счёт безопасности других»¹. По заявлению Президента Российской Федерации В.В. Путина, на основе новой политической, экономической реальности сегодня формируются «контуры многополярного и многостороннего мироустройства как новой системы международных отношений, приходящей

на смену западноцентричному миру»². Построение надёжного, справедливого порядка в области международной безопасности с опорой на общепризнанные базовые нормы международного права должно обеспечить поддержание миропорядка, основанного на центральной роли Организации Объединенных Наций (ООН) в регулировании международных отношений в соответствии с Уставом ООН, признанным на основе консенсуса всеми членами данной универсальной организации.

На этом фоне возрастает значимость отрасли права международной ответственности, призванной регулировать поведение государств и их союзов, обеспечивать справедливость и гарантировать возмещение ущерба пострадавшим сторонам. Именно эта отрасль выступает гарантом надёжности и авторитетности всего международного права³. Правильное понима-

¹ Материалы выступления Президента РФ В.В. Путина 14 июня 2024 г. на встрече с руководством МИД РФ.
<http://kremlin.ru/events/president/news/74285>.

² Там же.

³ Замятин В.Ю. Ответственность международных организаций : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

ние важности ее роли и места возможно получить благодаря проведению анализа теоретико-правовых предпосылок, способствовавших становлению данной отрасли права. При этом изучение исторических аспектов развития понятия международно-правовой ответственности позволит более точно установить сущность данного явления, избежать грубых ошибок и просчетов в его использовании. И.И. Лукашук полагает, что неверное толкование прошлого «влечет за собой непонимание настоящего и ошибочную оценку будущего»¹. В свою очередь М. Ляхс считает, что в международном праве не все вчерашнее устарело².

Проблемам и особенностям развития международно-правовой ответственности в научной литературе посвящено достаточно большое количество трудов, однако дискуссии по данному вопросу продолжаются. Принципиальные расхождения в научных взглядах касаются главным образом времени возникновения международного права и самой теории международной ответственности. Единства мнений нет ни в отечественной, ни в зарубежной школах.

Так, в российской доктрине наиболее распространена точка зрения, согласно которой международное право появилось одновременно с государством³, а институт ответственности, в свою очередь, создается вместе с международным правом⁴.

Представители западного научного сообщества в своем большинстве придерживаются мнения, в соответствии с которым международное право возникло лишь в

конце Средних веков⁵, а понятие ответственности начало формулироваться только в XVII в. в трудах голландского юриста Г. Гроция⁶.

Общепризнанным положением теории международного права сформулированы два условия создания его нормы: «согласие субъектов относительно содержания нормы и согласие придать ей юридическую силу»⁷. Еще на самых ранних стадиях развития государств имелось понимание, что взаимодействие между независимыми образованиями нуждается в управлении и контроле. Однако практика юридического регулирования межгосударственных отношений стала применяться только в Средние века⁸. Вместе с тем сложно отрицать, что основа этому формировалась в течение длительного исторического периода, в ходе которого нарабатывался опыт регулирования межгосударственных отношений, создавались и апробировались формы их взаимодействия. Таким образом появлялись международно-правовые нормы, которые по мере усиления взаимодействия между государствами претерпевали изменения и, в конечном итоге, в той или иной форме нашли свое отражение в современном международном праве. Характерным примером являются отдельные нормы, относящиеся к праву международных договоров и к дипломатическому праву. Одновременно развивалась научная мысль, определившая одну из особенностей права международной ответственности: трансформация отрасли происходит в значительной степени вследствие доктри-

¹ Лукашук И.И. Международное право. Общая часть : учеб. для студентов юрид. фак. и вузов / Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 42.

² Lachs M. Rzecz o nauce prawa miedzynarodowego. Warszawa, 1986. S. 113.

³ Левин Д.Б. История международного права. М., 1962. С. 4; Баскин Ю.Я., Фельдман Д.И. История международного права. М., 1990. С. 12, 14; Международное право. Учебник / Отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. М., 1999. С. 25; Международное публичное право : учебник / Под ред. К.А. Бекашева. М., 1998. С. 31; Тункин Г.И. Международное право. М., 1994. С. 23.; Ушаков П.А. Международное право. М., 2000. С. 20.

⁴ Колосов Ю.М. Ответственность в международном праве. М., 1975. С. 6.

⁵ Van Vollenhoven C. Grotius and Geneva // Bibliotheca Vusseriana. 1926. P. 5; Nussbaum A. A Concise History of the Law of Nations. N.Y., 1962. P. 17; Anand R. International Law and the Developing Countries. N. Delhi, 1986. P. 5.

⁶ Баскин Ю.Я., Фельдман Д.И. Роль Гуго Гроция в развитии науки международного права // СЕМП. 1982. М., 1983. С. 256.; Eagleton C. The Responsibility of States in International Law. New York, 1928. P. 17.

⁷ Тункин Г.И. Теория международного права. М., 1970. С. 289.

⁸ Лукашук И.И. Указ. соч. С. 43.

нальных изысканий теоретиков, а не только благодаря усилиям практиков¹.

Периодизация истории международного права «неотделима от периодизации истории международных отношений»². С учетом этого в рамках комплексного изучения вопроса о генезисе международно-правовой ответственности полагается целесообразным провести анализ процесса формирования данной отрасли по следующим этапам:

— ранние формы ответственности в международных отношениях (предыстория международного права — с Древних веков до середины XVII в.);

— Вестфальская система международно-правовой ответственности (период Классического международного права — с заключения Вестфальского договора о мире до учреждения ООН);

— «оноцентричная» система международно-правовой ответственности (период Современного международного права — с принятия государствами-членами организации Устава ООН до настоящего времени).

Ранние формы ответственности в международных отношениях. В интересах регулирования внешних связей племена, общины, царства, империи заключали договоры и соглашения, в основе которых лежали личные обязательства вождей, фараонов, царей, императоров и др. Сформированные на первых этапах развития человечества взаимоотношения имели ограниченные механизмы ответственности и по своей сути были скорее результатом политических договоренностей и обычаев нежели четко определенных правовых норм. Важную основу для подобных форм заложила Древнеримская империя. Значимость ее вклада в развитие международно-

го права неоспорима³, несмотря на то, что римская правовая система, по мнению И.И. Лукашука, не содержала идеи международного права⁴, а сам Рим, как полагал А.А. Рубанов, рассматривал право лишь «как право всеобщее»⁵. Накопленный в те времена опыт имел колоссальное значение, в том числе и для последующего формирования права ответственности международных организаций. Наглядными примерами этому являются Древнеримский Закон XII таблиц, в котором присутствуют отдельные положения по вопросам регулирования ответственности⁶, а также практика учреждения Империей смешанных согласительных комиссий, призванных рассматривать споры между Римом и иностранными государствами⁷. Тем самым Римское право в своем содержании доказало принципиальную возможность регулирования межгосударственных отношений на нормативном уровне, а также определило формы подобного регулирования — обычаи и договоры, которые в последующем послужили основой для формирования практики составления и заключения международно-правовых документов и нормативных актов. В мировой истории данные факты свидетельствуют об одной из первых попыток создания простых по форме, но по содержанию все-таки международных организаций, а в источнике права — о начале закрепления понятия ответственности.

Регуляторами в первых союзах и различного рода объединениях раннего средневековья служили примитивные по своей форме договоры, обязательства по кото-

¹ Сазонова К.Л. Становление отрасли международной ответственности государств в доктрине международного права // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2015. № 3 (22).

² Международное право : учебник / Отв. ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Международные отношения, 2005. С. 29.

³ Грабарь В.Э. Римское право в истории международно-правовых учений. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1901.

⁴ Лукашук И.И. Право международной ответственности. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 26.

⁵ Рубанов А.Л. Теоретические основы международного взаимодействия национальных правовых систем. М., 1984. С. 95.

⁶ Законы XII таблиц. // История государства и права зарубежных стран: Источники права. М., 1993. С.121; Жидков О.А., Крашенинникова Н.А. История государства и права зарубежных стран. Норма, 2004. С. 200—224.

⁷ Левин Д.Б. История международного права. С. 14, 18.

рым во многих случаях ограничивались согласием сторон о предоставлении военной поддержки в случае начала войны и практически не затрагивали другие аспекты дву- или многостороннего взаимодействия. Международные связи, как правило, не выходили за региональные рамки, внутри которых существовали примерно одинаковые способы и уровень регулирования отношений. Средством их обеспечения долгое время выступало основанное на религиозных догматах каноническое право¹.

Стремление образовать международную организацию вновь возродилось в Европе в XV в., когда чешский король Иржи Подибрад предложил создать союз дружбы и братства. В основу он заложил идею заключения договора с любыми из христианских королей, князей или магнатов². Проект конфедерации христианских европейских государств «для защиты веры Христовой от самого ужасного турка» он описал в труде «Трактат об установлении мира в мире христианском» (1462)³. Чешским королем в качестве высшего органа управления назначалась конгрегация. Основным принципом ее формирования определялось равенство представителей христианских держав, которые должны были избираться на пять лет. Союз наделялся исполнительными и судебными полномочиями с целью урегулирования споров мирным путем. В трактате также упоминается право избрания арбитров для отстаивания своих интересов перед судьями, так как «поддержка мира без правосудия и правосудия без

мира не может существовать»⁴. И. Подибрад считал возможным выделение средств на содержание союзной армии. При этом «в случае возникновения распрей и войн»⁵ конгрегация наделялась полномочиями верховного командования. Идеи чешского короля реализованы не были, но оказали значимое влияние на последующее развитие правовой науки. Отдельные мысли, изложенные в трактате, предвосхитили идею Устава ООН, другие — были частично воплощены при создании Евросоюза.

В целом к середине XVII в. был накоплен достаточно богатый опыт «неправового нормативного регулирования межгосударственных отношений»⁶, сформировалось устойчивое убеждение в необходимости принятия мирового правопорядка, сложились важные для того времени материальные и духовные предпосылки к дальнейшему формированию международного права.

Вестфальская система международно-правовой ответственности. Распад Священной Римской империи и существенное ослабление верховной власти Папы создали неопределенность в нормативном регулировании отношений между государствами Западной Европы. Ее разрешил Вестфальский мирный договор 1648 г., положивший конец Тридцатилетней войне (1618—1648 гг.) и закрепивший новую систему международных отношений. Тем самым была сформирована общепризнанная основа международного права в понимании суверенитета, легитимности и

¹ Горелов М.М. Войны Карла Великого: создание империи // Карл Великий: реалии и мифы / Ин-т всеобщ. истории РАН. Центр истории западноевропейского Средневековья и Раннего Нового времени; Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 2001.

² История политических и правовых учений : учебник / Азаркин Н.М., Жуков В.Н., Завьялов Ю.С., Левченко В.Н., Мартышин О.В., Петрова Г.Н., Поликарпова Е.В.; под общ. ред. О.В. Мартышина. М.: Проспект, 2016.

³ Трактат об установлении мира в мире христианском // The Universal Peace Organisation of King George of Bohemia A Fifteenth Century Plan for World Peace. 1462/1464. Prague, 1964. Russian Translation (L.P. Mozhanskaya, E.V. Tarabrin).

⁴ Палацкий Ф. Краткий очерк истории чешского народа. Киев: Типография М.П. Фрица, 1872; Долгополова Т.А. Йиржи из Подебрад - идеолог мирного сосуществования в Европе XV в. / Т. А. Долгополова // Неделя науки СПбПУ : Материалы научной конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 13—19 ноября 2017 г. Санкт-Петербург: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», 2018. С. 312—315.

⁵ Левин Д.Б. История международного права. М.: Изд-во ИМО, 1962.

⁶ Лукашук И.И. Право международной ответственности. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 31.

принципов равенства государств¹. Помимо этого, документ содержал положения, касающиеся международной ответственности государств по выполнению обязательств по международным договорам и соглашениям. В статьях договора о реституции были согласованы вопросы по восстановлению положения, существовавшего до войны, что стало основополагающим принципом в современной концепции возмещения вреда.

Важную роль в зарождении и формировании основ международно-правового сознания на рубеже XVI—XVII вв. сыграли труды юристов. В них была сформулирована сама идея международного права, в том числе определяющая право международной ответственности. Наибольший вклад в развитие международного права на данном историческом этапе внес Г. Гроций, который в фундаментальной работе «О праве войны и мира» (1625 г.) впервые в истории обосновал существование «права, определяющего отношения между народами или их правителями»². Г. Гроций также описал отдельные элементы концепции международной ответственности. В частности, по мнению ученого, правонарушением называется «всякая вина, состоящая в действии или воздержании от действия, противному тому, как люди должны поступать вообще или же сообразно определенному качеству. В силу такой вины возникает естественное обязательство при наличии ущерба, а именно – обязательство возместить его... и надежда на возможную выгоду, проистекающую от нашего имущества»³. Одновременно голландский юрист заявляет о существовании «множественности обязанных лиц, причинивших ущерб»⁴, определяет условия и порядок привлечения их к ответственности, а также исключает ответственность за причинение

ущерба в период вооруженных конфликтов.

Сформулированные Г. Гроцием научные мысли в целом закладывали идею императивности норм международного права и позже вошли в основу современной теории международной ответственности. Ряд его правовых концепций с незначительными изменениями использован при составлении Глав II и III проектов статей об ответственности государств⁵ и международных организаций⁶.

В период конца XVI и XVII вв. также стали приобретать очертания контуры доктрины международного права. Нормы международного права были признаны мировым сообществом и нашли реализацию через морально-политический механизм регулирования. Получила широкое применение практика использования государствами репрессалий в случае нарушения данных норм. Обязанность возместить ущерб регулярно включалась в тексты международных договоров и в решения арбитражей⁷. Устойчиво расширялись сферы международного взаимодействия и интеграции международного сообщества, что в свою очередь способствовало укреплению права международной ответственности. Так, в XVIII в. швейцарец Э. де Ваттель в своих научных изысканиях разработал теорию и аргументированно обосновал положения о праве создания международных союзов с целью ответного наказания государства, которое нарушило права других субъектов международных отношений: «Если какая-либо нация открыто попирает справедливость, презирая и

¹ Van Vollenhoven C. Grotius and Geneva Bibliotheka Vusseriana 1926. P. 5; Nussbaum A. A Concise History of the Law of Nations. N.Y., 1962. P. 17; Anand R. International Law and the Developing Countries. N. Delhi, 1986. P. 5.

² Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги. М., 1956. С. 44, 48.

³ Там же. С. 419.

⁴ Там же. С. 419—420.

⁵ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 56/589 от 12 декабря 2001 г. «Ответственность государств за международно-противоправные деяния» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН; URL: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/>.

⁶ Проект статей об ответственности международных организаций. International Law Commission's Draft Articles on the Responsibility of International Organizations, 2011 [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН; URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/intorg_responsibility.pdf.

⁷ Phillipson C. The International Law and Custom of Ancient Greece and Rome. Vol. II. Ch. XXVII. L., 1911.

нарушая права других всякий раз, когда она найдет повод для этого, то высший интерес безопасности человеческого общества дает другим нациям право объединиться для отпора и для наказания такой нации»¹.

Во второй половине XIX в. одновременно с гуманизацией международных отношений начала формироваться концепция международно-правовой ответственности. Она сопровождалась значимыми сдвигами в международно-правовой парадигме и обеспечили необходимые условия для зарождения системы принципов и норм, впоследствии составивших основу современного международного права².

Рост международных противоречий и в целом обострение на рубеже XIX—XX вв. военно-политической обстановки остро поставили вопрос о необходимости правового регулирования данной области международного взаимодействия, что нашло свое отражение в научных изысканиях юристов того времени. Так, общепризнанный основоположник права международной ответственности А.-В. Гефтер обосновал использование гражданско-правовых понятий контрактной и деликтной ответственности в международном праве³. В труде «Европейское международное право»⁴ (1880) он описал применение различных средств для разрешения международных споров, провел анализ «принудительных средств и репрессалий», «эмбарго, блокады и фактической угрозы войной», а также «реторсию как исправительную меру». По мнению К. Иглтона, А.-В. Гефтер подготовил основу для признания ответственности в качестве института международного права⁵. Теорию ответственности в данный исторический период продвигали

также такие ученые-международники, как немецкий юрист Г. Трипель, проанализировавший проблемы ответственности государств за действие его органов и индивидов в монографии «Международное право и национальное право»⁶ и итальянец Д. Анцилотти, опубликовавший в курсе международного права развернутую характеристику права ответственности государств, признавая две формы такой ответственности: сатисфакцию и репарацию⁷. Теоретические положения о возмещении и основных формах ответственности в международном праве были подробно рассмотрены в научных трудах французского юриста П. Фошиля, австрийца Ф. Листа и британца К. Иглтона⁸. Ощутимый вклад в работу Гаагских конференций 1899 и 1907 гг. и в целом в определение подходов к правовому регулированию международных отношений внес российский юрист Ф.Ф. Мартенс в труде «Современное международное право цивилизованных народов»⁹.

С окончанием Первой мировой войны сформировалось понимание мирового сообщества в необходимости внесения коренных изменений в показавший свою низкую эффективность механизм регулирования международных отношений. Создание в 1919 г. Лиги Наций стало важным этапом в становлении классического международного права. Международно-правовое сознание, подкрепленное богатым практическим опытом, вышло на более высокий уровень развития. Сформировались условия для объективного понимания потребности в действенных механизмах регулирования деятельности субъектов международных отношений и закрепления принципов международной ответственности в общепризнанных нормах международного права. Доктрина между-

¹ Ваттель Э. Право народов. М., 1980. С. 253.

² Сазонова К.Л. Основные аспекты международно-правовой ответственности международных организаций // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2012. 3. С. 124—128.

³ Гефтер А.-В. Европейское международное право. СПб.: Тип. В. Безобразова и Компании. 1880.

⁴ Там же С. 203—212.

⁵ Eagleton C. The Responsibility of States in International Law. New York, 1928. P. 19.

⁶ Triepel H. Völkerrecht und Landesrecht. Leipzig. Vrlg. von C.L. Hirschfeld. 1899.

⁷ Анцилотти Д. Курс международного права. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. 1 т.

⁸ Fauchille P. Traite de droit international public. T. I. Premiere partie. Paris, 1922; Liszt F. Das Völkerrecht. Berlin. 1918; Eagleton C. The Responsibility of States in International Law. New York, 1928.

⁹ Мартенс Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1. СПб., 1895.

народного права в свою очередь обеспечила признание за международным правом юридической силы, а также подготовила фундаментальную теоретическую основу для утверждения, в том числе применительно к международным организациям, концепции международной ответственности. Целый ряд разработанных в данный период научным сообществом идей и положений в области теории международной ответственности в последующем нашли свое отражение в разработанных Комиссией международного права ООН проектах статей об ответственности государств (2001) и международных организаций (2011).

«Оноцентричная» система международно-правовой ответственности. Окончание Второй мировой войны и последовавшее за этим учреждение в 1945 г. универсальной Организации Объединенных Наций положили общепризнанное начало периоду Современного международного права.

Устав ООН, имея в основе принципы равноправия и справедливости, сыграл ключевую роль в дальнейшем формировании права международной ответственности. Документ в том числе определил цели и принципы международного права, наделил их высшей юридической силой; выстроил систему субъектов международного права и внес изменения в механизм его функционирования, способствовал тем самым созданию развитой системы международных организаций; сформировал основы появления института императивных норм, их имплементации в международном праве и национальных правовых системах; положил в практическую плоскость положения об ответственности.

Характерным примером является содержание ст. 24 Устава ООН, согласно которой члены ООН «возлагают на Совет Безопасности главную ответственность за поддержание мира и безопасности...»¹.

¹ Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. // ООН, Нью-Йорк, 1982. Ст. 24. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН; URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>.

ООН также наделяется правоспособностью «необходимой для выполнения ее функций и достижения ее целей»². Данные положения основополагающего документа универсальной организации вводят в действие механизмы институциональной ответственности ООН.

Практически с момента основания ООН возникли вопросы о необходимости дальнейшего развития института ответственности, очередной этап становления которого обрел очертания во время Второй мировой войны: в 1943 г. на Московской конференции правительства СССР, США и Великобритании приняли инициированную Советским Союзом декларацию «Об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства». Ее положения в дальнейшем применялись в решениях Нюрнбергского (1946) и Токийского трибуналов (1948), положили основу идеи создания постоянно действующего международного органа уголовного правосудия³. Тем самым сформировался институт международно-правовой ответственности индивидов. Вместе с тем по сравнению с ней ответственность государств затрагивала более глубокие проблемы международных отношений в связи со сложностью и спецификой данного субъекта международного права. Так, к обсуждению данных вопросов члены ООН приступили в 1949 г. Поручением Генассамблеи ООН в 1953 г. кодификация норм была возложена на Комиссию международного права (КМП). Работа над этим вопросом завершилась только в 2001 г. принятием Резолюции Генеральной Ассамблеи с приложением проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния. В свою очередь проблемы международной ответственности международных организаций за нарушение норм международного права оказались куда сложнее в доказательстве и реализации относительно

² Там же. Ст. 104.

³ Холиков И.В., Большакова В.М., Наумов П.Ю., Зелепукин Р.В. Ценности и смыслы главного судебного акта XX века: аксиологические концепты книги А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира». (Материалы дискуссии) // Государство и право. 2022. № 10. С. 51—62.

ответственности государств¹. Вопрос о кодификации норм об ответственности международных организаций впервые был поднят в рамках КППМ ООН еще в 1963 г. Однако только в 2002 г. после завершения работы над документом об ответственности государств была создана Рабочая группа по теме ответственности международных организаций и в августе 2011 г. на 63-й сессии Генассамблеи ООН был принят соответствующий проект статей.

Формулированию положений документов о международной ответственности, а также развитию права международной ответственности из института в отдельную отрасль международного права в значительной мере способствовали научные изыскания в области международного права как советских (российских) теоретиков, так и западных ученых. Среди наиболее значимых работ отечественных представителей можно выделить труды Д.Б. Левина, Л.А. Моджорян, П.М. Куриса, Ю.М. Колоцова, В.А. Василенко, Ю.М. Решетова и Н.А. Ушакова². Позже свой вклад внесли Г.И. Тункин, И.И. Лукашук, К.А. Бекашева, А.С. Галусарян, В.Ю. Замятин, И.В. Холиков, К.Л. Сазонова³ и др. Суще-

ственное значение для рассматриваемой тематики имели труды таких крупных специалистов в области военного права и военных проблем международного права как О.В. Дамаскина, А.И. Землина, В.М. Корякина, А.В. Кудашкина, В.В. Кудашкина, И.В. Холикова и ряд других⁴.

сти. М.: Волтерс Клувер, 2004; Бекашева Б.Ш. Международно-правовая ответственность международных межправительственных организаций: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. М., 2002; Гулусарян А.С. Международно-правовая имплементация норм об ответственности международных организаций : монография / под ред. К.А. Бекашева. М.: Статут, 2015; Холиков И.В., Сазонова К.Л. Международно-правовые аспекты ответственности государств и международных организаций за распространение эпидемий, пандемий и массовых заболеваний // Военно-медицинский журнал. 2015. Т. 336, № 8. С. 51—57; Sazonova K. L. The Ebola Response Team Deployment in the Guinea Republic: Organizational, Ethical, Legal Issues and a Problem of Responsibility / K. L. Sazonova, I. Kholikov // Ethical Challenges for Military Health Care Personnel. Edited by Daniel Messelken and David Winkler. New York: Routledge, 2018. P. 38—51.

⁴ Землин А.И. Вопросы развития военно-правовой науки в контексте современных проблем обеспечения национальной безопасности России // Военное право. 2022. № 5(75). С. 8—14; Землин А.И., Корякин В.М. Методология военно-правового исследования. Общая часть: Учебник и практикум для студентов, обучающихся в военных учебных центрах при федеральных образовательных организациях высшего образования. М.: КноРус, 2021; Корякин В.М. Право социального обеспечения военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей. М.: За права военнослужащих, 2005; Кудашкин А.В. Холиков И.В. Опыт концептуализации специальных военных операций в современном праве // Пути к миру и безопасности. 2023. № 1(64). С. 31—47; Кудашкин В.В. Закономерности правового регулирования международных частных отношений // Московский журнал международного права. 2002. № 3. С. 96—126; Холиков И.В., Окоца В.А. Применение вооруженной силы частными морскими охранными компаниями: динамика границ и специфика правового регулирования в современном мире // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 147—158; Холиков И.В. Противодействие преступным посягательствам на международную морскую безопасность // Преступность в XXI веке. Приоритетные направления противодействия / Институт государства и права РАН. М.: Изд. «Юнити-Дана», 2020. С. 431—459; Наумов П.Ю., Захарцев С.И., Холиков И.В., Большакова В.М. Ценность права и правовые ценности в глобализующемся мире

¹ Холиков И.В., Сазонова К.Л. Проблемные вопросы реализации международной ответственности международных организаций за нарушения норм международного гуманитарного права // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 4(297). С. 102—111.

² Левин Д.Б. Ответственность государств в международном праве. М.: Международные отношения, 1966; Моджорян Л.А. Ответственность в современном международном праве // Советский ежегодник международного права. 1970; Курис П.М. Международные правонарушения и ответственность государств. Вильнюс, 1973; Колосов Ю.М. Ответственность в международном праве. М.: Юридическая литература, 1975; Василенко В.А. Ответственность государства за международные правонарушения. Киев, 1976; Мазов В.А. Ответственность в международном праве. М.: Юридическая литература, 1979; Решетов Ю.А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. М.: Международные отношения, 1983; Ушаков Н.А. Основания международной ответственности государств. М.: Международные отношения, 1983.

³ Тункин Г.И. Теория международного права / Под общ. ред.: Л.Н. Шестаков. М.: Зерцало, 2000; Лукашук И.И. Право международной ответственности

В европейской доктрине значимый вклад внесли, в том числе Р. Аго, П.-М. Дюпюи, А. Пелле, Дж. Кроуфорд, А. Ноллкампер, М. Спинеди, А. Ниссель, Э. Уайлер, П. Клейн, М. Рагацци¹.

При поддержке научной доктрины положения об ответственности международных организаций были внедрены в различные конвенционные нормы, регулирующие деятельность данных субъектов международного права в таких специфических областях, как атомная энергетика, космос, открытое море и др. Примерами служат Венская конвенция о гражданской ответственности за ядерный ущерб 1964 г.; Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г.; Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1972 г.; Венская конвенция о представительстве государств в их отношениях с международными организациями универсального характера 1975 г.; Конвенция ООН по морскому праву 1982 г.; Венская

конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями 1986 г.

В целом данный период характеризуется появлением важных элементов в системе международного права. В первую очередь к ним можно отнести создание и начало функционирования ее новой отрасли – международно-правовой ответственности. Представляется, что очередной этап развития концепции международно-правовой ответственности будет характеризоваться одобрением государствами-членами ООН разработанных Комиссией международного права проектов статей о международной ответственности государств и международных организаций и принятием их в виде Конвенции о международной ответственности субъектов международного права. Данный универсальный документ в последующем должен приобрести императивный статус и стать «фундаментальной основой международного публичного права»².

Таким образом, результаты анализа теоретико-правовых предпосылок становления права международной ответственности международных организаций демонстрируют эволюцию международного права от ранних форм договорных обязательств к более сложным и интегрированным механизмам. Позитивное развитие отрасли права международной ответственности продолжается. Однако, несмотря на значительный прогресс на этом направлении, вопросы совершенствования правовых норм регулирования деятельности данных субъектов международного права, особенно привлечения к ответственности международных организаций за нарушение взятых на себя обязательств, требуют дальнейшего изучения и проработки.

Библиография

1. Анцилотти Д. Курс международного права / Д. Анцилотти. — Москва: Изд-во иностр. лит., 1961. 1 т.
2. Баскин Ю.Я. История международного права / Ю.Я. Баскин, Д.И. Фельдман. — Москва, 1990.

(Аксиологический обзор книги "Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права") // Государство и право. 2023. № 9. С. 64—72.

¹ Pellet A. The Definition of Responsibility in International Law // *The Law of International Responsibility* / Edited by J. Crawford, A. Pellet, and S. Olleson. Oxford University Press, 2010. P. 11; Dupuy P.-M. Le fait générateur de la responsabilité internationale des États // *Recueil des cours de l'Académie de droit international de La Haye*, 1984. № V. P. 55—60; Nollkaemper A. Systemic Effects of International Responsibility for International Crimes // *Santa Clara Journal of International Law*. 2010. P. 313—352; Spinedi M. State Responsibility v. Individual Responsibility for International Crimes: Tertium Non Datur? // *European Journal of International Law*. 2002. № 4. P. 895—899; Nissel A. The duality of State Responsibility // *Columbia Human Rights Law Review*. 2013. № 3. P. 794—858; Wyler E. From "State Crime" to Responsibility for "Serious Breaches of Obligations under Peremptory Norms of General International Law" // *European Journal of International Law*. 2002. № 5. P. 1147—1960; Klein P. La responsabilité des organisations internationales dans les ordres juridiques et en droit des gens. Bruxelles, 1998. P. 527—581; Ragazzi M. (ed.). *Responsibility of International Organizations: Essays in Memory of Sir Ian Brownlie*. Martinus Nijhoff Publishers, 2013. P. 339—387.

² Дипломатический вестник. 2001. № 12. С. 95-97.

3. Баскин, Ю.Я. Роль Гуго Гроция в развитии науки международного права / Ю.Я. Баскин, Д.И. Фельдман // СЕМП. 1982. Москва, 1983.
4. Бекашева Б.Ш. Международно-правовая ответственность международных межправительственных организаций : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Б.Ш. Бекашева. — Москва, 2002. — 178 с.
5. Василенко, В.А. Ответственность государства за международные правонарушения / В.А. Василенко. — Киев, 1976.
6. Ваттель, Э. Право народов / Э. Ваттель. — Москва, 1980.
7. Гефтер, А.-В. Европейское международное право / А.-В. Гефтер. — Санкт-Петербург: Тип. В. Безобразова и Компании. 1880. — 619 с.
8. Горелов, М.М. Войны Карла Великого: создание империи / М.М. Горелов // Карл Великий: реалии и мифы / Ин-т всеобщ. истории РАН. Центр истории западноевропейского Средневековья и Раннего Нового времени; Отв. ред. А.А. Сванидзе. — Москва, 2001.
9. Грабарь, В.Э. Римское право в истории международно-правовых учений / В.Э. Грабарь. — Юрьев: Типография К. Маттисена, 1901.
10. Гроций, Г. О праве войны и мира. Три книги / Г. Гроций. — Москва, 1956.
11. Долгополова, Т.А. Йиржи из Подебрад – идеолог мирного сосуществования в Европе XV в. / Т. А. Долгополова // Неделя науки СПбГУ: Материалы научной конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 13—19 ноября 2017 г. — Санкт-Петербург: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», 2018. С. 312—315.
12. Жидков О.А., Крашенинникова Н.А. История государства и права зарубежных стран / О.А. Жидков, Н.А. Крашенинников. — Москва: НОРМА, 2004. — 609 с.
13. Законы XII таблиц // История государства и права зарубежных стран: Источники права. — Москва, 1993.
14. Замятин, В.Ю. Ответственность международных организаций : дис. ... канд. юрид. : 12.00.10 / В.Ю. Замятин. — Москва, 2005. — 224 с.
15. Землин, А.И. Вопросы развития военно-правовой науки в контексте современных проблем обеспечения национальной безопасности России / А.И. Землин // Военное право. — 2022. — № 5(75). — С. 8—14.
16. Землин, А.И. Методология военно-правового исследования. Общая часть : Учебник и практикум для студентов, обучающихся в военных учебных центрах при федеральных образовательных организациях высшего образования / А.И. Землин, В.М. Корякин. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство "КноРус"», 2021. — 228 с.
17. История политических и правовых учений: учебник / Азаркин Н.М., Жуков В.Н., Завьялов Ю.С., Левченко В.Н., Мартышин О.В., Петрова Г.Н., Поликарпова Е.В.; под общ. ред. О.В. Мартышина. — Москва: Проспект, 2016.
18. Колосов, Ю.М. Ответственность в международном праве / Ю.М. Колосов. — М., 1975.
19. Корякин В.М. Право социального обеспечения военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей / В.М. Корякин. — Москва: За права военнослужащих, 2005. — 287 с.
20. Кудашкин, А.В. Опыт концептуализации специальных военных операций в современном праве / А.В. Кудашкин, И.В. Холиков // Пути к миру и безопасности. — 2023. — № 1(64). — С. 31—47. DOI 10.20542/2307-1494-2023-1-31-47.
21. Кудашкин, В.В. Закономерности правового регулирования международных частных отношений / В.В. Кудашкин // Московский журнал международного права. — 2002. — № 3. — С. 96—126. DOI 10.24833/0869-0049-2002-3-96-126.
22. Курис, П.М. Международные правонарушения и ответственность государств / П.М. Курис. — Вильнюс, 1973.
23. Латышев, В.В. Очерк греческих древностей / В.В. Латышев. — Санкт-Петербург, 1997. — Ч. 1.
24. Левин, Д.Б. История международного права / Д.Б. Левин. — Москва: Изд-во ИМО, 1962. — 136 с.
25. Левин Д.Б. Ответственность государств в международном праве / Д.Б. Левин. — М.: Международные отношения, 1966.
26. Лукашук, И.И. Кодификация права международной ответственности / И.И. Лукашук // Московский журнал международного права. — 2002. — № 3.
27. Лукашук, И.И. Международное право. Общая часть: учеб. для студентов юрид. фак. и вузов. Изд. 3-е, перераб. и доп. / И.И. Лукашук. — Москва: Волтерс Клувер, 2005.
28. Лукашук, И.И. Право международной ответственности / И.И. Лукашук. — Москва: Волтерс Клувер, 2004.
29. Мазов, В.А. Ответственность в международном праве / В.А. Мазов. — Москва: Юридическая литература, 1979.
30. Мартенс, Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1. / Ф.Ф. Мартенс. — Санкт-Петербург, 1898.
31. Международное право : Учебник для вузов / отв. ред. Г.В. Игнатенко и О.И. Тиунов. 3-е изд., перераб. и доп. — Москва, 2003.
32. Международное публичное право : Учебник / Под ред. К.А. Бекашева. — Москва, 1998.
33. Моджорян, Л.А. Ответственность в современном международном праве / Л.А. Моджорян // Советский ежегодник международного права. 1970.
34. Наумов, П.Ю. Ценность права и правовые ценности в глобализующемся мире

(Аксиологический обзор книги "Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права") / П.Ю. Наумов, С.И. Захарцев, И.В. Холиков, В.М. Большакова // Государство и право. — 2023. — № 9. — С. 64—72. DOI 10.31857/S102694520024304-5.

35. Палацкий, Ф. Краткий очерк истории чешского народа / Ф. Палацкий. — Киев: Типография М. П. Фрица, 1872.

36. Решетов, Ю.А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности / Ю.А. Решетов — Москва: Международные отношения, 1983.

37. Рубанов, А.Л. Теоретические основы международного взаимодействия национальных правовых систем / А.Л. Рубанов. — Москва, 1984.

38. Сазонова, К.Л. Основные аспекты международно-правовой ответственности международных организаций / К.Л. Сазонова // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. — 2012. — № 3. — С. 124—128.

39. Сазонова, К.Л. Становление отрасли международной ответственности государств в доктрине международного права / К.Л. Сазонова // Вестник ВГУ. — Серия: Право. — 2015. — № 3 (22).

40. Тункин Г.И. Международное право / Г.И. Тункин — Москва., 1994.

41. Тункин Г.И. Теория международного права / Под общ. ред.: Л.Н. Шестаков. — Москва: Зеркало, 2000.

42. Ушаков, Н.А. Основания международной ответственности государств / Н.А. Ушаков. — Москва: Международные отношения, 1983.

43. Холиков, И.В. Международно-правовые аспекты ответственности государств и международных организаций за распространение эпидемий, пандемий и массовых заболеваний / И.В. Холиков, К.Л. Сазонова // Военно-медицинский журнал. — 2015. — Т. 336, № 8. — С. 51—57.

44. Холиков, И.В. Применение вооруженной силы частными морскими охраняемыми компаниями: динамика границ и специфика правового регулирования в современном мире / И.В. Холиков, В.А. Окоча // Журнал российского права. — 2020. — № 12. — С. 147-158. DOI 10.12737/jrl.2020.154;

45. Холиков, И.В. Проблемные вопросы реализации международной ответственности международных организаций за нарушения норм международного гуманитарного права / И.В. Холиков, К.Л. Сазонова // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 4(297). — С. 102—111.

46. Холиков И.В. Противодействие преступным посягательствам на международную морскую безопасность / И.В. Холиков // Преступность в XXI веке. Приоритетные направления противодействия / Институт государства и права РАН. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Юнити-Дана", 2020. — С. 431—459.

47. Холиков, И.В. Ценности и смыслы главного судебного акта XX века: аксиологические концепты книги А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира» (Материалы дискуссии) / И.В. Холиков, В.М. Большакова, П. Ю. Наумов, Р. В. Зелепукин // Государство и право. — 2022. — № 10. — С. 51—62. DOI 10.31857/S102694520021788-7.

48. Anand R. International Law and the Developing Countries. N.Delhi, 1986. P. 5.

49. Eagleton C. The Responsibility of States in International Law. New York, 1928. P. 17.

50. Dupuy P.-M. Le fait générateur de la responsabilité internationale des Etats // Recueil des cours de l'Académie de droit international de La Haye, 1984. — № V. — P. 55—60.

51. Eagleton C. The Responsibility of States in International Law. New York, 1928.

52. Fauchille P. Traite de droit international public. T. I. Première partie. Paris, 1922.

53. Klein P. La responsabilité des organisations internationales dans les ordres juridiques et en droit des gens. Bruxelles, 1998. P. 527—581.

54. Klengel H. Hattuschili und Ramses, Hethiter und Ägypter. Ihr langer Weg zum Frieden. Mainz, 2002. С. 52.

55. Lachs M. Rzecz o nauce prawa miedzynarodowego. Warszawa, 1986. S. 113.

56. Nissel A. The duality of State Responsibility // Columbia Human Rights Law Review. 2013. № 3. P. 794-858.

57. Nollkaemper A. Systemic Effects of International Responsibility for International Crimes // Santa Clara Journal of International Law. 2010. P. 313-352.

58. Nussbaum A. A Concise History of the Law of Nations. N.Y., 1962. P. 17.

59. Pellet A. The Definition of Responsibility in International Law // The Law of International Responsibility / Edited by J. Crawford, A. Pellet, and S. Olleson. Oxford University Press, 2010. P. 11.

60. Phillipson C. The International Law and Custom of Ancient Greece and Rome. Vol. II. Ch. XXVII. L., 1911.

61. Ragazzi M. (ed.). Responsibility of International Organizations: Essays in Memory of Sir Ian Brownlie. Martinus Nijhoff Publishers, 2013. P. 339-387.

62. Sazonova K.L. The Ebola Response Team Deployment in the Guinea Republic: Organizational, Ethical, Legal Issues and a Problem of Responsibility / K. L. Sazonova, I. Kholikov // Ethical Challenges for Military Health Care Personnel. Edited by Daniel Messelken and David Winkler. New York: Routledge, 2018. P. 38-51.

63. Spinedi M. State Responsibility v. Individual Responsibility for International Crimes: Tertium Non Datur? // European Journal of International Law. 2002. № 4. P. 895-899.

64. Triepel H. Völkerrecht und Landesrecht. Leipzig. Vrlg. von C.L. Hirschfeld. 1899.

65. Van Vollenhoven C. Grotius and Geneva Bibliotheca Vusseriana 1926. P. 5.

On the theoretical and legal features of the responsibility of international organizations in international law

© **Baymyshev V.G.**,

master degree student at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

Annotation. The role of international organizations in the modern system of international relations is steadily increasing. In the context of dynamic changes in the international situation, the issue of creating an effective instrument for applying international legal responsibility to international organizations in order to maintain peace and stability, based on the central role of the United Nations in international relations in accordance with the UN Charter, is becoming especially relevant. The article emphasizes the importance of the branch of international responsibility law, designed to regulate the behavior of states and their unions in wars and conflicts, ensure justice and guarantee compensation for damage to the injured parties. An analysis of the historical stages of the formation of this branch of international law from Ancient times to the present day is carried out. A conclusion is made about the need for further progressive development and codification of the branch of international responsibility law.

Keywords: international law, international responsibility, international organizations.

Основы организации и обеспечения обороны страны по законодательству Республики Молдова

© Редкоус Владимир Михайлович,
доктор юридических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник сектора
административного права и
административного процесса Института
государства и права РАН, член Комиссии по
военному праву и правовому обеспечению
национальной безопасности
Общероссийской общественной организации
«Ассоциация юристов России»

Аннотация. Для политики большинства государств — участников Содружества Независимых Государств характерна многовекторность, что относится, в том числе, и к сфере обороны. Ряд государств стремится к расширению военного и военно-технического сотрудничества с Российской Федерацией, а ряд государств — к сужению взаимодействия в сфере военного строительства и решения задач национальной обороны. В связи с этим теоретический и практический интерес представляет сравнительный анализ законодательства в области обороны именно второй группы государств. Стремление построить систему национальной обороны и безопасности по так называемому «западному» образцу влечет трансформацию национальных законодательств, наполнение их институтами, характерными для правовых систем западных государств. В этом контексте проведён анализ Закона Республики Молдова от 25 июля 2003 г. № 345-XV «О национальной обороне», который устанавливает структуру национальной системы обороны Республики Молдова, основы организации и обеспечения обороны страны, полномочия и ответственность органов публичной власти в области обороны, руководство, организацию, назначение сил национальной системы обороны и планирование национальной обороны.

Ключевые слова: оборона; безопасность; структура национальной системы обороны; основы организации и обеспечения обороны; полномочия и ответственность органов публичной власти в области обороны; руководство, организация, назначение сил национальной системы обороны; планирование национальной обороны.

В настоящее время в российском обществе наблюдается повышенный интерес ко всему, что связано с организацией и деятельностью Вооруженных Сил нашей страны, Министерства обороны России. Закономерно ставятся вопросы о необходимости совершенствования государственного управления в области обороны, повышения ответственности должностных лиц военного управления за принимаемые решения, усиления контроля за деятельностью военной организации государства в целом. Трансформируется военное право, усиливается его конституционализация¹. Поднимается вопрос и о совершен-

ствовании Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне», определяющего основы и организацию обороны Российской Федерации, полномочия органов государственной власти Российской Федерации, функции органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, организаций и их должностных лиц, права и обязанности граждан Россий-

М.: ВУ, 2024; Туганов Ю.Н. Военное право: от прагматизма теории к эффективности практики // Военно-правовые проблемы: новые подходы в теории и практике : Сборник материалов межведомственной научно-практической конференции, Москва, 27 апреля 2022 г. / Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации. Часть 1. М.: ВУ, 2022. С. 12—16.

¹ Конституционализация военного права в современной России: вопросы теории и практики / С.В. Тарадонов, А.В. Барков, В.М. Корякин [и др.].

ской Федерации в области обороны, силы и средства, привлекаемые для обороны, ответственность за нарушение законодательства Российской Федерации в области обороны, а также другие нормы, касающиеся обороны.

В настоящей статье будет рассмотрен опыт правового регулирования Республики Молдова (далее — РМ) в области обороны как с информационно-правовыми целями, так и в контексте определения возможных положительных моментов регулирования отношений в области обороны в РМ и выработки предложений по их учету в российских условиях.

Рассмотрим Закон Республики Молдова от 25 июля 2003 г. № 345-XV «О национальной обороне» (далее — Закон РМ), который устанавливает структуру национальной системы обороны, основы организации и обеспечения обороны страны, полномочия и ответственность органов публичной власти в области обороны, руководство, организацию, назначение сил национальной системы обороны и планирование национальной обороны. Его действие распространяется на органы публичной власти, силы, предназначенные для обеспечения национальной обороны, публичные учреждения, хозяйствующие субъекты независимо от вида собственности и граждан РМ.

Важнейшим теоретико-правовым понятием, сформулированным в данном Законе РМ, является отнесение национальной обороны к важнейшим функциям государства и констатация того, что национальная оборона является делом всего народа.

В данном Законе РМ определяются следующие понятия:

национальная оборона — совокупность мероприятий и действий, принятых и проводимых РМ в целях гарантирования суверенитета, независимости и единства государства, территориальной целостности страны и конституционной демократии;

национальная система обороны — руководство, совокупность сил, средств и элементов инфраструктуры, а также сово-

купность действий, предназначенных для обеспечения обороны страны;

вооруженная агрессия — использование военной силы одним государством против суверенитета, территориальной целостности либо политической независимости другого государства или любым способом, несовместимым с Уставом ООН;

операция — совокупность военных действий, проводимых воинскими соединениями в соответствии с единым планом для достижения оперативных или стратегических целей;

оборонительные действия — основная форма боевых действий, имеющая целью затруднить наступательные действия противника, нанести возможно более ощутимые потери, надежно удержать вверенные позиции, выиграть время и создать необходимые условия для перехода к наступательным военным действиям с целью освобождения оккупированной территории;

воинское соединение — тактическая или оперативная группировка войск с постоянной, как правило, организацией, располагающая силами и средствами нескольких или одного рода войск, с твердо установленной тактической или оперативной плотностью;

воинская часть — постоянная группировка военнослужащих с такой установленной организацией и оснащением, которые позволяют проводить все мероприятия по боевой подготовке, располагающая собственными органами управления и тылового обеспечения, способная выполнять боевые задачи с определенной степенью самостоятельности.

Правовую базу национальной обороны РМ составляют Конституция РМ, Стратегия национальной безопасности, Национальная стратегия обороны и Военная стратегия, Военная доктрина РМ, Закон о национальной обороне, другие нормативные акты РМ, а также общепризнанные нормы международного права.

Организация национальной обороны в РМ включает: определение оборонной политики и основных принципов военного строительства; утверждение стратегии

национальной безопасности, национальной стратегии обороны и военной стратегии; развитие военной науки и военного искусства; создание нормативной базы национальной обороны; анализ военно-политического положения, прогнозирование рисков и угроз военного характера в адрес национальной безопасности; определение приоритетных национальных интересов в области национальной обороны, определение комплекса политико-дипломатических и иных мер невоенного характера, создание благоприятной международной обстановки в целях обеспечения национальной обороны; подготовку сил, предназначенных для обеспечения национальной обороны, поддержание высокого уровня боевой и мобилизационной готовности; централизованное оснащение сил, предназначенных для обеспечения национальной обороны, современным вооружением и техникой, их обеспечение материально-техническими средствами в необходимом объеме; согласование с другими государствами и международными организациями усилий для предупреждения и снижения уровня возможной военной опасности; совершенствование системы подготовки военных кадров; подготовку мобилизационных резервов для нужд военного времени; мобилизационную подготовку национальной экономики, органов публичной власти, публичных учреждений, хозяйствующих субъектов, населения и территории для обороны; подготовку граждан к защите Родины; обеспечение демократического контроля над силами, предназначенными для обеспечения национальной обороны; осуществление иных мероприятий в области национальной обороны.

В ст. 4 Закона РМ, раскрывающей организацию национальной обороны в РМ, достаточно много общего со ст. 2 («Организация обороны») Федерального закона «Об обороне». Однако можно выделить и одну особенность: в Законе РМ организация обороны значительно теснее рассматривается в контексте обеспечения национальной безопасности страны, что в целом следует признать оправданным. Этот опыт может пригодиться и при правовом регу-

лировании отношений в области обороны в Российской Федерации.

Так, с организацией национальной обороны законодатель РМ связывает, в частности, утверждение стратегии национальной безопасности, национальной стратегии обороны и военной стратегии; прогнозирование рисков и угроз военного характера в адрес национальной безопасности. Актуальными направлениями организации национальной обороны конкретно указаны: развитие военной науки и военного искусства; совершенствование системы подготовки военных кадров.

Мероприятия, определенные для обеспечения национальной обороны, являются обязательными для органов публичной власти, публичных учреждений, хозяйствующих субъектов независимо от вида собственности, а также для граждан Республики Молдова.

Закон РМ устанавливает, что в целях выполнения обязательств, принятых в рамках Устава ООН, договоров, заключенных с Европейским Союзом, другими международными организациями и иностранными государствами, РМ может принимать участие в международных миссиях и операциях в соответствии с Законом об участии РМ в международных миссиях и операциях. Проведение учений и других совместных мероприятий с конкретно определенными сроками, предусматривающих въезд или пребывание иностранных воинских частей на территории РМ либо пересечение ими национальной территории, осуществляется в соответствии с законодательством.

Гл. II «Структура национальной системы обороны» (ст. 7—23) Закона РМ закрепляет, что национальная система обороны включает руководство, силы, ресурсы и территориальную инфраструктуру.

Руководство национальной системой обороны является исключительным и неотъемлемым атрибутом конституционных органов государства и осуществляется Парламентом, Президентом РМ, Правительством, Министерством обороны и другими органами публичной власти, имеющими полномочия в области нацио-

нальной обороны, в пределах, установленных Конституцией и другими нормативными актами.

Силами, предназначенными для обеспечения национальной обороны, являются Вооруженные силы, включающие Национальную армию и Генеральный инспекторат карабинеров.

Силы национальной системы обороны организуются по принципу оборонной достаточности.

В случае вооруженной агрессии, масштабы которой превышают боевую мощь сил национальной системы обороны, к ее отражению привлекаются все имеющиеся в наличии людские и материальные ресурсы.

Дислокация и структура воинских соединений, частей и учреждений Национальной армии и других компонентов Вооруженных сил имеют целью поддержание и развитие их боеспособности и боевой готовности, необходимых для быстрого и решительного отпора возможной агрессии или другим действиям, посягающим на национальную безопасность.

Комплектование сил, предназначенных для обеспечения национальной обороны, личным составом осуществляется по смешанному принципу — на основе воинской обязанности и добровольного поступления по контракту.

В целях комплектования сил, предназначенных для обеспечения национальной обороны, в соответствии с мобилизационным планом Вооруженных сил, создания резерва и компенсации возможных потерь в военное время осуществляется подготовка резерва Вооруженных сил. Назначение, структура, виды подготовки и порядок применения резерва Вооруженных сил устанавливаются Законом о резерве Вооруженных сил.

Силы, предназначенные для обеспечения национальной обороны, проводят специфические мероприятия по своей подготовке в пределах национальных наземных, воздушных и водных границ с соблюдением норм охраны окружающей среды. Для проведения указанных мероприятий силы, предназначенные для обеспечения национальной обороны, исполь-

зуют центры подготовки, полигоны, аэродромы, земельные участки и другие элементы оборонительной инфраструктуры.

Военные объекты и сооружения, все виды вооружения, военной техники и другого военного имущества являются государственной собственностью, находятся в ведении Вооруженных сил, которые на основании и в пределах, установленных законодательством, осуществляют право владения, пользования и распоряжения ими. Имущество государства, обеспечивающее нужды национальной системы обороны и выполнение мобилизационных заданий, не подлежит аресту и не может передаваться в частную собственность.

Ресурсы национальной системы обороны образуются из совокупности людских, финансовых, материальных и иных ресурсов, которые государство обеспечивает и привлекает в целях обеспечения национальной обороны. Людские ресурсы включают все население страны, годное для национальной обороны. Подготовка граждан к защите Родины регламентируется органическим законом.

Должностные лица министерств и ведомств, руководители органов местного публичного управления, руководители публичных учреждений и хозяйствующих субъектов, имеющих мобилизационные задания, проходят в соответствии с утвержденными Правительством программами подготовку по выполнению возложенных на них обязанностей в области обеспечения национальной обороны.

Подготовка национальной экономики к обороне осуществляется в соответствии с Законом о мобилизационной подготовке и мобилизации.

Расходы для обеспечения национальной обороны осуществляются из государственного бюджета в пределах ассигнований, утвержденных ежегодным бюджетным законом, направляемых на содержание и подготовку сил национальной обороны, оснащение вооружением, военной и специальной техникой и другими материально-техническими средствами, финансирование военно-научных исследований, капитальное строительство, пенсионное обеспечение, обязательное государствен-

ное страхование, медицинское обеспечение, подготовку резервистов, а также на организацию мобилизации. Контроль за расходованием финансовых средств для обеспечения национальной обороны осуществляется в соответствии с законодательством.

Территориальная инфраструктура состоит из совокупности работ и обустройства территории, которые могут быть использованы в целях обеспечения национальной обороны. Подготовка территории к национальной обороне обеспечивается в соответствии с законом.

Вооруженные силы создают в мирное время собственные резервы вооружения, техники, материально-технических средств, предназначенных для обеспечения мобилизации, развертывания сил и выполнения возложенных на них задач, компенсации расходов и возможных потерь в военное время.

При объявлении осадного или военного положения, мобилизации может быть реквизировано имущество, принадлежащее публичным учреждениям, хозяйствующим субъектам и физическим лицам, а также могут быть вызваны трудоспособные граждане для выполнения трудовой обязанности в интересах общества на условиях, предусмотренных Законом о реквизиции имущества и выполнении трудовой обязанности в интересах общества.

В ситуациях, предусмотренных ч. 1 ст. 21 Закона РМ, решением Высшего совета обороны хозяйствующие субъекты, деятельность которых непосредственно связана с обеспечением ресурсов для нужд обороны, переводятся на особый режим работы. Порядок организации и функционирования этих хозяйствующих субъектов устанавливается постановлением Правительства.

Уровень подготовки населения, национальной экономики и территории к обороне проверяется путем проведения военных сборов, мобилизационных учений и тренировок в соответствии с утвержденным Правительством планом.

Производство, поставка и ремонт вооружения, военной техники, комплекту-

ющих изделий и другого имущества, поставка продовольствия для нужд обороны, а также выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и строительных работ в интересах обороны, создание, развитие и сохранение мобилизационных емкостей, накопление мобилизационных резервов включаются в государственный заказ. Выполнение государственных заказов для нужд обороны стимулируется налоговыми, кредитными и другими льготами.

Органы публичного управления, публичные учреждения и хозяйствующие субъекты независимо от вида собственности обязаны выполнять заказы, необходимые для обеспечения нужд обороны, полностью и в установленные договором сроки в мирное время и в приоритетном порядке в военное время.

Гл. III Закона РМ устанавливает руководство национальной системой обороны (ст. 24—31).

Так, Парламент РМ обеспечивает законодательное регулирование и осуществляет парламентский контроль в области национальной обороны в формах и пределах, предусмотренных Конституцией. Парламент имеет следующие полномочия: утверждает стратегию национальной безопасности, национальную стратегию обороны и военную доктрину государства; утверждает и изменяет по предложению Президента РМ или Правительства общую структуру и численность личного состава компонентов Вооруженных сил; утверждает объем бюджетных ассигнований на нужды обороны; утверждает дисциплинарный воинский устав; объявляет осадное или военное положение; объявляет мобилизацию и демобилизацию; осуществляет парламентский контроль над Вооруженными силами; осуществляет иные полномочия в области национальной обороны, предусмотренные законодательством.

Президент РМ является Главнокомандующим Вооруженными силами и несет ответственность за состояние национальной системы обороны в пределах полномочий, предусмотренных Конституцией и другими нормативными актами.

Президент РМ имеет следующие полномочия:

— осуществляет общее руководство национальной системой обороны и координирует деятельность органов публичного управления в области национальной обороны;

— инициирует процесс разработки: стратегии национальной безопасности; национальной стратегии обороны;

— представляет на утверждение Парламенту проекты: стратегии национальной безопасности; национальной стратегии обороны; общей структуры и численности личного состава компонентов Вооруженных сил; дисциплинарного воинского устава;

— утверждает: положение о Высшем совете безопасности; положение о Генеральном штабе; программы и планы строительства и развития Вооруженных сил; мобилизационный план Вооруженных сил; план применения Вооруженных сил; воинские уставы; состав Военной коллегии Министерства обороны;

— координирует деятельность в области международного военного сотрудничества;

— осуществляет общее руководство накоплением ресурсов для нужд национальной системы обороны;

— издает указы о призыве граждан на срочную и сокращенную военную службу и увольнении их в резерв;

— ведет переговоры, заключает международные договоры в военной области от имени РМ и представляет их в установленном законом порядке для ратификации Парламенту;

— вносит в Парламент предложения об участии личным составом, вооружением и военной техникой в международных операциях по поддержанию мира или в гуманитарных целях;

— в установленном законом порядке, по предложению Правительства назначает на должность и освобождает от должности офицеров Главного командования Вооруженных сил, за исключением командующего Генеральным инспектором карабинеров;

— присваивает высшие воинские звания, предусмотренные законом;

— осуществляет иные полномочия в области национальной обороны, предусмотренные законодательством.

При Президенте РМ на правах консультативного органа в мирное время действует Высший совет безопасности, который разрабатывает и представляет рекомендации в области обеспечения национальной обороны. Полномочия и деятельность Высшего совета безопасности регламентируются положением о нем, утвержденным указом Президента РМ.

С момента объявления осадного или военного положения Высший совет безопасности преобразуется в Высший совет обороны и действует в соответствии с полномочиями, предусмотренными законодательством. В этот период в административно-территориальных единицах второго уровня создаются территориальные советы обороны, подчиненные Высшему совету обороны.

Правительство отвечает за организацию и осуществление мероприятий в области национальной обороны в пределах полномочий, предусмотренных законодательством.

Правительство имеет следующие полномочия: координирует деятельность министерств и других органов публичного управления по реализации мероприятий по обеспечению обороноспособности страны; разрабатывает и представляет Президенту РМ национальную стратегию обороны для направления на утверждение Парламенту; утверждает военную стратегию; утверждает стратегический анализ обороны; обеспечивает выделение и использование в соответствии с законом финансовых и материальных средств, необходимых для организации, оснащения и мобилизации Вооруженных сил, содержания и подготовки войск, поддержания в боевой готовности техники и вооружения, мобилизационной подготовки национальной экономики; разрабатывает и реализует государственные программы строительства и развития Вооруженных сил, основные направления международного военного сотрудничества; предлагает для

утверждения объем бюджетных ассигнований на нужды обороны; обеспечивает ежегодный призыв граждан на срочную и сокращенную военную службу; обеспечивает в мирное время создание материальных резервов, необходимых в военное время; разрабатывает и вносит на утверждение Парламенту мобилизационный план национальной экономики, устанавливает министерствам, ведомствам и хозяйствующим субъектам задания в соответствии с данным планом; учреждает и расформировывает образовательные учреждения сферы военного дела; принимает решения по вопросам пенсионного обеспечения граждан, уволенных с военной службы, социальной и правовой защиты военнослужащих и членов их семей, граждан, проходящих подготовку в составе резерва, а также членов семей военнослужащих, погибших, умерших или пропавших без вести в период исполнения военной службы, в соответствии с законодательством; обеспечивает выполнение международных договоров в военной области; осуществляет иные полномочия в области национальной обороны, предусмотренные законодательством.

Министерство обороны является центральным отраслевым органом, который организует, координирует и руководит выполнением мероприятий в области национальной обороны и несет ответственность за строительство и развитие Национальной армии, за ее подготовку к выполнению задач по обороне страны.

Министерство обороны наделено следующими полномочиями: изучает и оценивает военно-политическую обстановку, определяет уровень рисков и угроз военного характера, потребности обеспечения национальной обороны и вносит компетентным органам публичной власти предложения о мерах по организации и подготовке национальной системы обороны; участвует и руководит процессом разработки национальной стратегии обороны; разрабатывает военную стратегию и по согласованию с Президентом РМ представляет ее на утверждение Правительству; издает директиву о планировании обороны; вносит предложения по усовер-

шенствованию правовой базы и программных документов в области национальной обороны, а также предложения по формированию военного бюджета; организует научные исследования в военной области, обеспечивает внедрение их результатов в деятельность Национальной армии; планирует, организует и осуществляет контроль за исполнением мероприятий по обеспечению постоянной боевой и мобилизационной готовности Национальной армии для выполнения задач по предназначению; осуществляет в установленном законодательством порядке финансовое обеспечение Национальной армии за счет ассигнований из государственного бюджета, утвержденных ежегодным бюджетным законом; принимает меры по оснащению в необходимом объеме вооружением, техникой и материально-техническими средствами, является главным государственным заказчиком по закупке, созданию, производству, ремонту и тестированию вооружения, военной техники и другого военно-технического имущества, реализует в соответствии с законодательством неиспользуемые излишки военной техники, вооружения и другого имущества; взаимодействует с министерствами, другими органами публичного управления и хозяйствующими субъектами в вопросах производства некоторых видов вооружения, техники и другой продукции военного назначения; руководит деятельностью военно-административных органов, разворачивает призыв граждан на срочную или сокращенную военную службу, на военные сборы, мобилизационные учения и тренировки, при мобилизации, а также увольнение в резерв или по демобилизации; организует подготовку личного состава Национальной армии к выполнению поставленных задач; организует совместно с другими органами публичного управления, в которых предусмотрена военная служба, деятельность образовательных учреждений сферы военного дела, подготовку, повышение квалификации, переподготовку военных кадров в учебных заведениях в стране и за рубежом; осуществляет найм военного и гражданского

персонала, необходимого для выполнения поставленных задач; принимает меры по улучшению условий исполнения службы военнослужащими, организует деятельность подчиненных военно-медицинских учреждений, разрабатывает планы капитального строительства и обеспечивает их выполнение; разрабатывает предложения по программам пенсионного обеспечения военнослужащих, обеспечивает выплату пенсий гражданам, уволенным с военной службы по контракту в составе Национальной армии, социальную и правовую защиту военнослужащих и членов их семей; устанавливает и поддерживает международные отношения по сотрудничеству в соответствии со своими полномочиями; поддерживает связи с общественностью, общественными организациями, принимает меры по информированию общества о деятельности Национальной армии; осуществляет иные полномочия в области национальной обороны, предусмотренные законодательством.

Порядок организации деятельности и структура Министерства обороны устанавливаются Правительством.

Требования Министерства обороны в области национальной обороны являются обязательными для всех органов центрального и местного публичного управления, публичных учреждений, хозяйствующих субъектов и граждан РМ.

В мирное и военное время руководство Вооруженными силами осуществляется Главным командованием Вооруженных сил во главе с Президентом РМ — Главнокомандующим Вооруженными силами, который во исполнение своих полномочий издает приказы и директивы, обязательные для всего личного состава Вооруженных сил.

В состав Главного командования входят также министр обороны, начальник Главного штаба Национальной армии, командующий Генеральным инспекторатом карабинеров. Министр обороны является заместителем Главнокомандующего Вооруженными силами.

Главным органом, обеспечивающим в мирное и военное время Главному командованию планирование, организацию, ко-

мандование и контроль войск Вооруженных сил по их подготовке и выполнению задач по обороне страны, является Генеральный штаб Вооруженных сил, руководимый начальником Главного штаба Национальной армии.

Генеральный штаб Вооруженных сил создается на основе Главного штаба Национальной армии и осуществляет свою деятельность на основе положения, утвержденного Главнокомандующим Вооруженными силами. В состав Генерального штаба Вооруженных сил входят также начальник штаба Генерального инспектората карабинеров и другие должностные лица, назначаемые Главнокомандующим Вооруженными силами.

Руководители компонентов Вооруженных сил, руководители государственных структур, в состав которых входят военизированные или специальные подразделения, обязаны по требованию начальника Генерального штаба представлять данные о состоянии войск (подразделений), находящихся в их подчинении, вносить предложения по их применению для содействия Вооруженным силам в оборонительных операциях (действиях) или для выполнения других задач, поставленных Главнокомандующим Вооруженными силами.

Генеральный инспекторат карабинеров Министерства внутренних дел осуществляет руководство подчиненными ему частями (подразделениями) по выполнению задач, возложенных на них в соответствии с Законом о Генеральном инспекторате карабинеров № 219/2018, и обеспечивает подготовку этих частей (подразделений) для участия в оборонительных операциях (действиях) в соответствии с планом применения Вооруженных сил.

С момента объявления осадного или военного положения части (подразделения) Генерального инспектората карабинеров участвуют в оборонительных операциях (действиях) под руководством Генерального штаба Вооруженных сил.

Гл. IV Закона РМ называется «Национальная армия» (статьи 32—36). Устанавливается, что Национальная армия являет-

ся основной составляющей Вооруженных сил РМ, обеспечивающей в мирное и военное время сведение в единую концепцию мероприятий всех сил, участвующих в действиях по обороне страны. Главной задачей Национальной армии является обеспечение национальной обороны путем предупреждения, пресечения и ликвидации угроз и агрессий военного характера, направленных против страны.

Национальная армия используется в соответствии с ее конституционным предназначением в целях гарантирования суверенитета, независимости, единства и территориальной целостности страны и конституционной демократии. Использование Национальной армии в решении проблем, не связанных непосредственно с обороной государства, осуществляется исключительно на основании постановления Парламента, а в экстремальных ситуациях — по указу Президента Республики Молдова. Участие отдельных частей (подразделений) Национальной армии с личным составом, вооружением и военной техникой в совместных военных учениях с воинскими частями других государств вне пределов страны утверждается Главкомандующим Вооруженными силами.

Непосредственное руководство Национальной армией осуществляется министром обороны через Главный штаб Национальной армии. Полномочия и компетенции Главного штаба Национальной армии определяются положением о нем, утвержденным министром обороны.

Министр обороны является командующим Национальной армией. В случае назначения на должность министра обороны гражданского лица начальник Главного штаба Национальной армии становится одновременно командующим Национальной армией.

Общая структура и численность личного состава Национальной армии и учреждений Министерства обороны утверждаются Парламентом.

Министр обороны вправе вносить изменения в организационно-штатную структуру Национальной армии и учреждений Министерства обороны в преде-

лах утвержденных общей структуры и численности.

В соответствии с уровнем подготовки Национальная армия включает:

1) операционные силы (постоянной готовности), которые включают воинские части (подразделения), укомплектованные личным составом, вооружением и техникой до уровня, обеспечивающего выполнение возложенных на них специфических задач;

2) силы с сокращенным личным составом (с ограниченной степенью готовности), которые включают воинские соединения и части (подразделения), базы, склады для хранения вооружения, техники, военного имущества, нуждающиеся в доукомплектовании личным составом, вооружением и техникой, а также боевом слаживании для выполнения поставленных задач;

3) вновь сформированные части (резервные), которые включают боевые воинские части и воинские части обеспечения, которые создаются в соответствии с мобилизационным планом Вооруженных сил.

Отнесение сил (воинских частей) к соответствующей функциональной категории осуществляется министром обороны.

В гл. IV-1 Закона РМ (ст. 36-1—36-9) урегулированы вопросы планирование национальной обороны.

Закреплено, что планирование обороны является важнейшим компонентом оборонной политики, представляющим собой процесс определения задач обеспечения национальной обороны и способов их выполнения, а также установления объема и структуры ресурсов, необходимых для обороны, и порядка их представления.

Выполнение задач национальной обороны обеспечивается в том числе при содействии других органов публичной власти и публичных учреждений, хозяйствующих субъектов и граждан в соответствии с настоящим законом и другими законодательными актами.

Сферы планирования национальной обороны включают: планирование сил;

планирование ресурсов; планирование логистики; планирование вооружений и военной техники; планирование командования, контроля и связи. Процесс планирования обороны включает также программы сотрудничества и международной военной помощи.

Планирование национальной обороны осуществляется на основе мер и действий по планированию, осуществляемых Парламентом, Президентом РМ и Правительством, а также органами публичной власти, наделенными полномочиями в области безопасности и национальной обороны.

Программными документами, на основе которых осуществляется планирование национальной обороны, являются стратегия национальной безопасности, национальная стратегия обороны и военная стратегия.

Задачи, приоритеты и направления деятельности в области обороны устанавливаются в программе правления в соответствии с процессом планирования и программными документами, на основе которых осуществляется планирование национальной обороны.

Другие относящиеся к области национальной обороны документы, разработанные органами публичной власти, согласовываются с Министерством обороны, обеспечивая взаимодополняемость и связанность предусмотренных данными документами действий и мероприятий.

При необходимости Министерство обороны осуществляет стратегический анализ обороны в целях оценки существующего и определения необходимого потенциала, представления рекомендаций по обеспечению соответствия национальной системы обороны существующим или вероятным вызовам военного характера. Министерство обороны представляет стратегический анализ обороны на утверждение Правительству.

Стратегия национальной безопасности представляет собой программный документ, устанавливающий порядок выполнения функций государственных учреждений с целью обеспечения национальной безопасности, исходя из анализа

среды безопасности¹. Данная Стратегия рассчитана на среднесрочную перспективу и включает определение национальных интересов и задач в области безопасности, анализ среды безопасности, выявление факторов риска, направлений деятельности, способов выполнения задач безопасности и обороны.

Президент РМ инициирует разработку стратегии национальной безопасности. В случае, когда в период действия стратегии национальной безопасности возникают значительные изменения среды безопасности, Президент РМ инициирует процесс пересмотра действующей или разработки новой стратегии с представлением ее Парламенту для принятия.

Национальная стратегия обороны представляет собой программный документ, устанавливающий порядок выполнения функций государственных учреждений с целью обеспечения национальной обороны. Для выполнения национальных задач в области безопасности и обороны, определенных в стратегии национальной безопасности, Правительство разрабатывает национальную стратегию обороны, которая выявляет потенциальные риски и угрозы в области обороны с учетом среды безопасности, определяет задачи оборонной политики, а также пути и средства, необходимые для их выполнения. Национальная стратегия обороны рассчитана на среднесрочную перспективу. Правительство представляет Президенту РМ национальную стратегию обороны для направления Парламенту на утверждение в срок до шести месяцев с момента утверждения стратегии национальной безопасности.

Военная стратегия представляет собой программный документ, устанавливающий порядок выполнения функций структур Вооруженных сил с целью реализации военных задач. Военная стратегия включает среду безопасности, риски военного характера, военные задачи, необходимый

¹ Правовое обеспечение национальной безопасности : учебное пособие / Ю.Н. Туганов, В.И. Баронов, С.И. Журавлев [и др.]. – 2-е изд., пер. и доп. М.: Юрайт, 2024.

потенциал и приоритеты по его реализации, концепции применения Вооруженных сил, задачи родов войск, структуру войск, их подготовку и оснащение, предусматривая одновременно необходимые для этого ресурсы.

Военная стратегия рассчитана на среднесрочную перспективу и представляется на утверждение Правительству по согласованию с Президентом РМ в срок до шести месяцев после утверждения национальной стратегии обороны.

На основе положений национальной стратегии обороны и военной стратегии министр обороны издает Директиву о планировании обороны, включающую основные задачи и приоритеты Министерства обороны, руководящие документы по сферам планирования обороны, конкретные задачи, возможности и проекты бюджета для каждой из программ. Разработка, согласование и мониторинг бюджетных программ, включенных в Директиву, возлагаются на подразделения по планированию обороны Министерства обороны, а ответственными за их исполнение являются директора программ. Директива разрабатывается на среднесрочную перспективу и ежегодно пересматривается.

Порядок разработки, согласования и исполнения других документов по планированию обороны регулируется ведомственными актами, утвержденными министром обороны.

Для реализации программных документов в области национальной обороны Министерство обороны может заключать межведомственные соглашения о сотрудничестве.

Полномочия других органов публичной власти, публичных учреждений и хозяйствующих субъектов, права и обязанности граждан в области национальной обороны закреплены в Гл. V Закона РМ (ст. 37—41).

Так, Служба информации и безопасности, Министерство внутренних дел, Служба государственной охраны планируют и осуществляют мероприятия и представляют информацию, необходимые для организации национальной обороны. При объявлении осадного или военного

положения вышеуказанные органы публичной власти в соответствии со своими полномочиями согласовывают с Генеральным штабом Вооруженных сил меры по поддержанию режима осадного или военного положения и участвуют в обеспечении операций по обороне страны.

Министерства и ведомства, вовлеченные в обеспечение национальной обороны, в соответствии со своими полномочиями несут ответственность за выполнение мероприятий по обеспечению обороны страны, за поставку необходимой продукции для обеспечения нужд обороны, за мобилизационную подготовку соответствующей отрасли и принимают меры по обеспечению ее устойчивого функционирования в военное время в соответствии с планом мобилизационной подготовки национальной экономики.

При объявлении мобилизации или военного положения руководители отраслевых органов публичного управления непосредственно отвечают за распределение ресурсов: сырья, промышленной продукции, продовольствия, электроэнергии, а также за транспорт, общественные работы и коммуникации.

Органы местного публичного управления в пределах полномочий, установленных законодательством, отвечают за выполнение публичными учреждениями, хозяйствующими субъектами и гражданами положений законодательства в области обеспечения национальной обороны.

Органы местного публичного управления в пределах подведомственных им территорий имеют следующие полномочия: обеспечивают выполнение подведомственными им органами, публичными учреждениями, хозяйствующими субъектами и гражданами распоряжений и мероприятий по подготовке граждан, экономики и территории для обороны; обеспечивают на договорной основе поставку воинским частям и военным учреждениям необходимой продукции местного производства, снабжение их водой, теплом и электроэнергией, предоставляют им средства связи, коммунально-бытовые и иные услуги; предоставляют земли для нужд обороны в соответствии с законодатель-

ством и осуществляют контроль за их использованием; принимают меры по предупреждению противоправных действий в отношении военных объектов, военнослужащих и членов их семей; осуществляют в соответствии с законодательством военно-административные мероприятия, организуют и обеспечивают воинский учет, подготовку граждан к военной службе и способствуют постановке на воинский учет и призыву граждан на военную службу, обеспечивают военные центры помещениями, средствами связи, инвентарем и фондами, необходимыми для осуществления их деятельности; обеспечивают выполнение мероприятий по мобилизационной подготовке, учет и подготовку к реквизиции имущества, подлежащего реквизиции, обязательное осуществление реквизиции транспортных средств и иного имущества и выполнение гражданами трудовой обязанности в интересах общества в пределах полномочий, установленных законодательством; осуществляют иные полномочия в области национальной обороны, предусмотренные законодательством.

При объявлении мобилизации или военного положения органы местного публичного управления выполняют мероприятия, предусмотренные мобилизационным планом национальной экономики, и другие распоряжения по обеспечению нужд национальной системы обороны в соответствии с законодательством.

Публичные учреждения и хозяйствующие субъекты ответственны за создание мобилизационных емкостей и резервов, выполнение договорных обязательств по производству, поставке и ремонту вооружения, военной техники, а также за осуществление иных полномочий в области национальной обороны, предусмотренных законодательством.

При объявлении мобилизации или военного положения публичные учреждения и хозяйствующие субъекты имеют следующие полномочия: осуществляют переход на рабочий режим военного времени и производство продукции военного назначения в соответствии с мобилизационными планами; обеспечивают устойчивое

функционирование производственных подразделений; осуществляют иные полномочия в области национальной обороны, предусмотренные законодательством.

Права и обязанности граждан в области национальной обороны устанавливаются законодательством. Государство гарантирует гражданам надлежащие условия для выполнения ими конституционных обязанностей по защите Родины в соответствии с законодательством.

Гл. VI Закона РМ, регламентирующая ответственность за нарушение положений рассматриваемого Закона РМ, является достаточно бланкетной (ст. 42). В ней говорится, что несоблюдение гражданами и должностными лицами положений настоящего закона влечет за собой уголовную, административную или гражданско-правовую ответственность, предусмотренную законодательством. Важное значение имеет ч. 2 ст. 42, закреплено, что создание и функционирование в Республике Молдова вооруженных формирований, не предусмотренных законодательством, не допускается и влечет ответственность в соответствии с законом.

Несмотря на то, что Федеральный закон «Об обороне» апробирован временем и показал свою действенность, его некоторые положения могли бы стать более совершенные при адаптации положительного зарубежного опыта, в том числе и опыта Республики Молдова. Это касается и содержательной стороны нормативного правового регулирования, и законодательной техники.

В частности, содержательная часть Федерального закона «Об обороне» могла бы быть усилена включением в него положений о том, что: во-первых, оборона относится к важнейшим функциям государства; во-вторых, оборона организуется и осуществляется не просто «в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами, настоящим Федеральным законом, законами Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами», как записано в п. 2 ст. 1 Федерального закона «Об обороне», а также в соответствии с такими

важнейшими документами стратегического планирования, какими являются Военная доктрина Российской Федерации, утв. Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400; в-третьих, в Федеральном законе «Об обороне» целесообразно было бы также, как и в Законе Республики Молдова от 25 июля 2003 г. № 345-XV «О национальной обороне», выделить в рамках отдельной статьи определения основных понятий, используемых в рассматриваемой области и регулируемых нормами Федерального закона «Об обороне». Пусть в Законе Республики Молдова их немного, но они есть, что способствует единообразию понимания и применения терминологического аппарата, обеспечивающих единство правового регулирования, минимизацию правовых коллизий.

Интересно закрепление в законе РМ предназначения Национальной армии РМ: «Национальная армия используется в соответствии с ее конституционным предназначением в целях гарантирования суверенитета, независимости, единства и территориальной целостности страны и конституционной демократии».

Следует отметить как положительный момент, что в рассматриваемом Законе РМ устанавливается приоритет Стратегии национальной безопасности перед иными документами стратегического планирования в области обороны и безопасности. Также заслуживает внимания закреплен-

ное в Законе РМ положение, что в случае, когда в период действия стратегии национальной безопасности возникают значительные изменения среды безопасности, Президент РМ инициирует процесс пересмотра действующей или разработки новой стратегии с представлением ее Парламенту для принятия.

Таким образом, ряд положений Закона Республики Молдова от 25 июля 2003 г. № 345-XV «О национальной обороне» может быть рассмотрен в плане совершенствования как концептуальных вопросов правового регулирования в области обороны Российской Федерации, так и в плане улучшения содержания действующих статей Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне».

Библиография

1. Конституционализация военного права в современной России: вопросы теории и практики / С.В. Тарадонов, А.В. Барков, В.М. Корякин [и др.]. — Москва : Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, 2024. — 370 с.
2. Правовое обеспечение национальной безопасности : учебное пособие / Ю.Н. Туганов, В.И. Баронов, С.И. Журавлев [и др.]. — 2-е изд., пер. и доп. — Москва : Юрайт, 2024. — 180 с.
3. Туганов, Ю.Н. Военное право: от прагматизма теории к эффективности практики / Ю.Н. Туганов // Военно-правовые проблемы: новые подходы в теории и практике : Сборник материалов межведомственной научно-практической конференции, Москва, 27 апреля 2022 г. / Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации. Часть 1. — Москва: Военный университет им. князя Александра Невского Минобороны России, 2022. — С. 12—16.

Fundamentals of the organization and provision of defense of the country according to the legislation of the Republic of Moldova

© Redkous V.M.,

Doctor of Law, Professor, leading researcher of the sector administrative law and administrative process Institute of State and Law RAS, Member of the Commission on Military Law and Legal Support national security of the All-Russian public organization "Association of Lawyers of Russia"

Resume: the policy of most member states of the Commonwealth of Independent States is characterized by a multi-vector nature, which applies, among other things, to the defense sphere. A number of states seek to expand military and military-technical cooperation with the Russian Federation, and a number of states seek to narrow interaction in the sphere of military construction and solving national defense problems. In this regard, a comparative analysis of the defense legislation of the second group of states is of theoretical and practical interest. The desire to build a national defense and security system according to the so-called "Western" model entails the transformation of national legislation, filling it with institutions characteristic of the legal systems of Western states. In this context, an analysis will be made of the Law of the Republic of Moldova dated July 25, 2003 No. 345-XV "On National Defense", which establishes the structure of the national defense system of the Republic of Moldova, the principles of organizing and ensuring the country's defense, the powers and responsibilities of public authorities in the field of defense, the management, organization, appointment of forces of the national defense system and the planning of national defense.

Key words: defense; security; structure of the national defense system; fundamentals of the organization and provision of defense; powers and responsibilities of public authorities in the field of defense; leadership, organization, appointment of forces of the national defense system; planning of national defense.

Правовое регулирование противодействия финансированию терроризма и отмыванию доходов, полученных преступным путем: опыт Китайской Народной Республики

© Шестаков Виктор Анатольевич,
доктор юридических наук, доцент, профессор
кафедры криминалистики Московской
академии Следственного комитета
Российской Федерации

Аннотация. Ужасающие по своим масштабам террористические акты, произошедшие в начале XXI века, побудили мировое сообщество и отдельно взятые государства, включая Китайскую Народную Республику, к разработке мер, направленных на противодействие данной угрозе. За этим последовала необходимость создания механизма реализации этих мер, в том числе за счет пересмотра существующих нормативно-правовых актов, а также за счет подготовки и принятия совершенно новых. Автором проведено комплексное исследование национального законодательства Китайской Народной Республики, предусматривающего уголовную и административную ответственность за финансирование терроризма и отмывание (легализацию) доходов, полученных преступным путем.

Ключевые слова: террористическая деятельность, финансирование терроризма, административная ответственность, уголовная ответственность, легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем.

Правовая система Китайской Народной Республики (КНР) относится к смешанному типу, причем сочетает в себе как древние правовые традиции, так и современное законодательство, преимущественно характерное для романо-германской системы права. Действующая Конституция КНР признает верховенство закона и принцип разделения властей. Однако четкого разделения на законодательную, исполнительную и судебную ветви власти в рассматриваемом государстве не наблюдается. Основным законодательным органом Китая является Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП).

Основополагающим источником уголовного права в Китайской Народной Республике признается Уголовный закон КНР, впервые принятый на второй сессии ВСНП 1 июля 1979 г. и впоследствии пересмотренный на пятой сессии Всекитайского собрания народных представителей 14 марта 1997 г.

С момента принятия и официального опубликования в Уголовный закон КНР было внесено множество поправок в целях актуализации его положений постоянно воз-

никающим вызовам и грозам. Это было связано со следующими обстоятельствами. Так, с 1990-х годов Китай активизировал усилия по созданию национальной правовой базы по борьбе с терроризмом, воспользовавшись накопленным международным опытом. В результате в марте 1997 г. Всекитайское собрание народных представителей внесло изменения в Уголовный закон Китая, имплементировав в него положения, предусматривающие уголовную ответственность за создание, руководство или участие в террористической организации, а также ужесточив санкции за совершение иных преступлений террористического характера.

Террористический акт, совершенный 11 сентября 2001 г. на территории США, стал своеобразным катализатором для внесения новых изменений и в Уголовный закон КНР. Так, в декабре 2001 г. ВСНП внесло ряд поправок в национальное законодательство страны, в том числе включив в него новый состав уголовно наказуемого деяния — финансирование террористической деятельности, при этом, прямо не используя данное понятие в тексте нормативно-правового акта. Пункт 6 Поправки № IX от 2015 г. к

Уголовному закону КНР предусмотрел новую формулировку состава преступления «финансирование терроризма»: в соответствии с положениями ст. 120(I) Уголовного закона Китая «любое лицо, оказывающее финансовую поддержку террористической организации или лицам, осуществляющим террористическую деятельность, а равно любое лицо, финансирующее обучение лиц, осуществляющих террористическую деятельность, подлежит привлечению к уголовной ответственности и назначению ему наказания в виде лишения свободы на определенный срок, но не превышающий 5 лет, аресту, надзору или лишению политических прав, а также штрафу»¹.

Норма, содержащаяся в ст. 191 Уголовного закона Китая, предусмотрела ответственность за отмывание (легализацию) денежных средств, полученных преступным путем, причем данный состав имеет ряд особенностей, заслуживающих отдельного правового анализа. Во-первых, в качестве субъекта отмывания денег признаются как физические, так и юридические лица. Во-вторых, ответственность за совершение деяний, охватываемых данным составом, распространяется и на отмывание доходов, полученных в результате совершения преступления на территории иностранного государства². В-третьих, в качестве предикатных преступлений по отмыванию денег называются следующие уголовно наказуемые деяния: незаконный оборот, производство и хранение наркотических средств и психотропных веществ, организация, руководство и участие в мафиозных группировках или террористических организациях, а равно финансирование терроризма и др.³

Размер наказания, применяемого к лицу, совершившему преступления по отмыванию денег, является более строгим по сравнению с ответственностью, предусмотренной за финансирование терроризма: лишение свободы на срок до 10 лет, содержание под стражей, конфискация имущества и штраф.

Автор обращает внимание на тот факт, что последние изменения, внесенные в Уголовный закон Китая Поправкой № XII в марте 2024 г., касаются ужесточения санкций, применяемых к субъекту противоправной деятельности, за коррупцию на частных предприятиях. Новые изменения посвящены установлению личной ответственности для руководителей и сотрудников предприятий с иностранными инвестициями, как и для китайских государственных предприятий. При этом отдельное внимание уделено вопросу так называемого «непотизма»⁴, который в соответствии с положениями действующего Уголовного закона Китая может проявляться в умышленном приобретении товаров или услуг у родственников или друзей покупателей по заведомо завышенным ценам или низкого качества.

Кроме того, Поправкой XII было изменено и содержание ст. 390 Уголовного закона Китая путем внесения положения об отягчающих обстоятельствах, признаваемых таковыми в случае привлечения лица к ответственности за получение или дачу взятки. Так, к примеру, в качестве отягчающих обстоятельств признаются: множественное взяточничество, получение взятки государственным служащим, использование доходов, полученных в результате совершения преступления, с последующим намерением дать взятку и др.⁵

¹ Criminal Law of the People's Republic of China. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/englishnpc/Law/2007-12/13/content_1384075.htm (дата обращения: 30.05.2024).

² Guiying, Yu. The Offence of Money Laundering and its Constitutive Characteristics in China [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.penal.org/sites/default/files/files/YuMLChina.pdf> (дата обращения: 30.05.2024).

³ AML Country Guide / Anti-Money Laundering (AML) in China – 23.05.2024. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.sanctionsscanner.com/Aml->

[Guide/anti-money-laundering-aml-in-china-164](#) (дата обращения: 30.05.2024).

⁴ Huang, Daisy. China Amends Criminal Law to Strengthen Anti-Bribery Regulation for Private Companies. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.china-briefing.com/doing-business-guide/china/company-establishment/china-amends-criminal-law-to-strengthen-anti-bribery-regulation-for-private-companies> (дата обращения: 30.05.2024).

⁵ Criminal Law of the People's Republic of China. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/englishnpc/Law/2007-12/13/content_1384075.htm (дата обращения: 30.05.2024).

Еще одним свидетельством особой важности, придаваемой преступлениям по отмыванию денег китайским законодателем, является принятие в 2006 г. Закона о борьбе с отмыванием денежных средств, вступившего в законную силу в 2007 г. Цель принятия данного нормативно-правового акта заключалась в пресечении противоправной деятельности по отмыванию доходов, поддержанию финансового порядка и пресечению иных преступлений, непосредственно связанных с отмыванием (легализацией) доходов. Так, положения анализируемого нормативно-правового акта закрепляют обязанность финансовых учреждений по установлению и соблюдению процедуры идентификации личности клиентов¹.

Кроме того, финансовые учреждения обязаны вести учет транзакций в течение установленного законом периода времени, а также сообщать обо всех подозрительных транзакциях и (или) крупных финансовых операциях в Китайский центр мониторинга и анализа противодействия отмыванию денег². Стоит отметить, что Национальный банк КНР является основным государственным органом, осуществляющим регулирование и надзор за отмыванием денег. При этом в Китайской Народной Республике учреждены профильные комиссии, министерства и управления, реализующие свои властные полномочия в отдельных аспектах противодействия отмыванию (легализации) доходов, например, регулирование банковского и страхового секторов, реагирование на события, связанные с иностранной валютой и др.

¹ A Review of China's Anti-money Laundering Laws on combating the illegal trade in wild species, June 2024. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.traffic.org/site/assets/files/24135/a_review_of_chinas_anti-money_laundering_laws_on_combating_the_illegal_trade_in_wild_species.pdf (дата обращения: 30.05.2024).

² China Anti-Money Laundering Monitoring and Analysis Center – A Brief Introduction [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pbc.gov.cn/en/3688241/3688777/3688780/3819925/index.html#:~:text=According%20to%20the%20Law%20of,laundrying%20operation%20by%20financial%20institutions> (дата обращения: 30.05.2024).

Постоянный комитет ВСНП 27 декабря 2015 г. принял Закон о борьбе с терроризмом — основной нормативно-правовой акт, устанавливающий базовые принципы борьбы с терроризмом. В положениях рассматриваемого нормативного правового акта содержатся определения таких понятий, как: терроризм, террористическая деятельность и иные, причем используемая в тексте закона формулировка учитывает не только положения международных Конвенций, к которым присоединился Китай, но и национальные подходы ряда государств к определению понятий, перечисленных автором выше. Так, в соответствии с требованиями Закона КНР о борьбе с терроризмом под понятием «терроризм» необходимо понимать предложения или деяния, которые создают панику, подрывают общественную безопасность, нарушают права личности и имущественные права, а равно принуждают государственные учреждения и международные организации к реализации идеологических целей, преследуемых террористами³.

Автор обращает внимание на тот факт, что китайский законодатель проводит четкое разграничение между административными правонарушениями и уголовно наказуемыми деяниями: в качестве критерия выступает степень причиненного вреда. Так, в качестве уголовно наказуемого деяния признается только та террористическая деятельность, которая причиняет серьезный ущерб обществу, тогда как пропаганда терроризма и экстремизма, подстрекательство к совершению террористических и экстремистских актов влечет за собой привлечение к административной ответственности. Поскольку серьезность причиненного ущерба обществу является достаточно размытым критерием, судебные органы Китая разработали условия определения террористической деятельности в качестве преступного посяательства, а также установили стан-

³ Counter-Terrorism Law of the People's Republic of China. – China Law Translate. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.chinalawtranslate.com/en/counter-terrorism-law-2015/> (дата обращения: 30.05.2024).

дарты для судебного преследования¹. В качестве одной из особенностей привлечения правонарушителя к административной ответственности можно выделить невозможность назначения нескольких наказаний за совершенное правонарушение, то есть если имеет место нарушение нескольких норм права, в качестве наказания назначается самый большой по сумме штраф.

С 1 августа 2021 г. в законную силу вступили изменения в части осуществления надзора и управлению мерами по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма, опубликованные Народным банком Китая. Так, в частности, был расширен перечень финансовых учреждений, на которые распространяются обязательства по борьбе с отмыванием денежных средств, полученных преступным путем. В качестве таковых были признаны компании, предоставляющие услуги по кредитованию клиентов, страховые брокеры и агенты, небанковские платежные учреждения и т.д.

Кроме того, в конце января 2022 г. на территории Китайской Народной Республики стартовала трехлетняя кампания по борьбе с отмыванием денежных средств, полученных преступным путем. Цель данной инициативы, возглавляемой Народным банком Китая и Министерством общественной безопасности, состоит в защите национальной безопасности и обеспечении социальной стабильности.

Твердо высказав свою позицию о том, что финансирование терроризма является ключевой основой для существования и развития террористической деятельности, Китайская Народная Республика последовательно подписала Конвенцию ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности, а также Конвенцию ООН против коррупции. Поддержав Резолюции ООН 1368 и 1373, Китай подпи-

сал Международную Конвенцию ООН о борьбе с финансированием терроризма и Шанхайскую Конвенцию о борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом.

В качестве недостатка, негативно сказывающегося на осуществлении международного сотрудничества в сфере финансирования терроризма, полагаем возможным выделить факт того, что Китайская Народная Республика не является членом Группы Эгмонт, следовательно, ей доступны ограниченные по количеству и качеству финансовые сведения, предоставляемые и запрашиваемые уполномоченными органами Китая на основании нескольких двусторонних соглашений. В случае возникшей необходимости правоохранительные органы КНР направляют запросы о предоставлении отдельных финансовых сведений через каналы Интерпол. Такой подход является более оперативным, чем направление официальных запросов об оказании взаимной правовой помощи, но при этом менее результативным. Важно отметить, что механизм оказания взаимной правовой помощи в Китае характеризуется сложной многоступенчатой структурой при принятии необходимых решений, что приводит к задержке исполнения поступающих запросов об оказании взаимной правовой помощи или к бездействию уполномоченных органов и должностных лиц.

Таким образом, с начала XXI в. и по настоящее время КНР ведет активную работу по разработке эффективного нормативного правового регулирования в сфере противодействия финансированию терроризма и отмыванию (легализации) доходов, полученных преступным путем. Национальное законодательство Китая не лишено пробелов и недостатков в юридической технике, однако следует признать, что китайским законодателем проделана колоссальная работа по пересмотру ранее существовавших нормативно-правовых актов, в частности, Уголовного закона Китая, так и по разработке и принятию совершенно новых узконаправленных законов — Закон о борьбе с терроризмом от 2015 г. и Закон о борьбе с отмыванием денежных средств от 2017 г.

¹ China's Legal Framework and Measures for Counterterrorism : Full text. – The State Council Information Office The People's Republic of China. – 23.01.2024. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://english.scio.gov.cn/m/whitepapers/2024-01/23/content_116958678_4.htm (дата обращения: 30.05.2024).

Legal regulation of countering terrorist financing and laundering of proceeds from crime: the experience of the People's Republic of China

© Shestak V.A.,

Doctor of Juridical Science, Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

Abstract. The horrific acts of terrorism that occurred at the beginning of the 21st century galvanized the world community and certain states, including the People's Republic of China, to develop measures aimed at countering this threat. This was followed by the need for a mechanism for the implementation of these measures, including through the revision of the existing legislation, as well as through the preparation and adoption of completely new ones. The author conducted a comprehensive study of the national legislation of the People's Republic of China, which provides for criminal and administrative liability for terrorist financing and laundering (legalization) of proceeds from crime.

Keywords: financing of terrorism, administrative and criminal liability, legalization (laundering) of proceeds from crime.

Рецензии на военно-правовые издания

Современное военное право в зеркале учебной литературы: в помощь курсанту, слушателю, нормотворцу и правоприменителю

© Боброва Ольга Геннадьевна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий 20 кафедрой (военного права) ФГКВБОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Минобороны России

© Левенец Елена Владимировна,

кандидат философских наук, доцент, доцент 20 кафедры (военного права) ФГКВБОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Минобороны России

Аннотация. Публикация представляет собой рецензию на учебник «Военное право» (2-е издание, издательство «Юстиция») и учебное пособие «Военное право. Практикум» (издательство «Кнорус») профессора В.М. Корякина. В учебных изданиях изложен современный систематизированный материал о теоретико-правовых основах военного права и военного законодательства с учетом новелл, обусловленных проведением специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины. Издания ориентированы на широкую аудиторию: курсанты и слушатели, адъюнкты и докторанты высших военных учебных заведений Министерства обороны, других войск и воинских формирований военной организации Российской Федерации, а также для студентов, обучающихся в военно-учебных центрах. Книги будут интересны представителям законодательной, исполнительной и судебной власти.

Ключевые слова: военное право; Вооруженные Силы; военная безопасность; специальная военная операция; учебник; практикум.

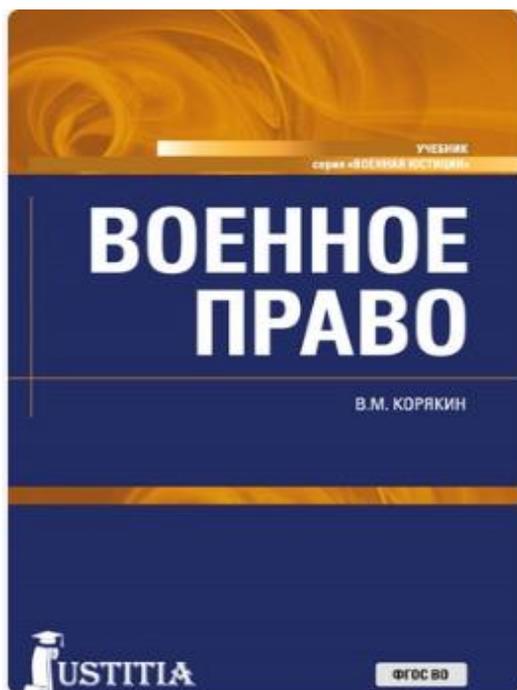
Научные и учебно-методические издания профессора В.М. Корякина давно стали классикой военного права. Работы Виктора Михайловича занимают одно из важнейших мест в доктрине современного военного права, во многом ее формируя.

Помимо фундаментальных теоретических основ, работы профессора В.М. Корякина всегда содержат научно-практическое осмысление современных тенденций развития военного права и военного законодательства, которое в связи с проведением специальной военной операции отличается динамичностью. Законодатель стремится оперативно реагировать на возникающие у правоприменителя потребности и вносить соответствующие новеллы. Такое положение дел предопределяет необходимость инструмента, позволяющего ориентиро-

ваться в быстроменяющейся системе военного законодательства, а также понимать тенденции его дальнейшего развития в экстраординарных условиях правовой действительности, обусловленных борьбой Российской Федерации за право быть суверенным, самостоятельным, независимым государством.

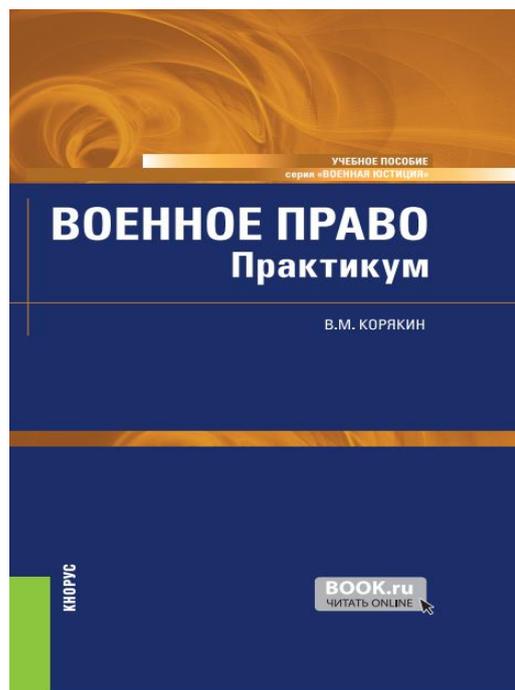
В условиях гибридной войны, проводимой коллективным Западом против России и ее военно-политических союзников, ответом на которую стало проведение СВО, значение всех институтов военного права в государственно-правовом механизме многократно возросло. Можно без преувеличения утверждать, что эффективность развития военного права и военного законодательства самым непосредственным образом влияет на успешное выполнение военной организацией государства задач по

предназначению в целях достижения победы в глобальном противостоянии, навязанном российскому государству. Именно такими актуальными инструментами выступают подготовленные В.М. Корякиным учебник «Военное право» (2-е издание) и учебное пособие «Военное право: Практикум» как в рамках учебного процесса, так и в рамках нормотворческой и правоприменительной деятельности.

Изложенный в учебнике материал позволяет составить полное представление о современном военном праве различным группам обучающихся (курсантам, слушателям, адъюнктам, докторантам, студентам, аспирантам) как по юридическим специальностям (военно-юридическим и классическим юридическим), так и по неюридическим специальностям. Так, при изучении курса «Правоведение» курсантами высших военных учебных заведений неюридических специальностей рецензируемые учебные издания найдут самое широкое применение при подготовке обучающихся ко всем видам учебных занятий, поскольку позволяют углубленно изучить основные институты военного права. Понятное, четко структурированное изложение материала позволяет даже неюристам успешно осваивать правовые знания и оперировать юридическими категориями, понимать их

взаимосвязь, приобрести навыки правовой квалификации.

Учебник и практикум также традиционно представляют большой интерес для слушателей магистратуры по неюридическим военным специальностям ввиду системного и полного изложения в нем материалов, позволяющих сформировать у военнослужащих, не обладающих высшим юридическим образованием, но по роду деятельности занимающихся правоприменительной практикой в отношении личного состава, полноценное представление о системе, источниках, методах военного права, его основных институтах, особенностях различных форм реализации норм военного права.

Представленные учебник и учебное пособие могут быть использованы адъюнктами, докторантами, соискателями, аспирантами при разработке диссертаций по военно-правовой тематике, поскольку содержат изложение фундаментальных теоретических основ институтов военного права, позволяет молодым ученым стереоскопически посмотреть на них с позиции истории и теории государства и права.

Учебные труды В.М. Корякина стали классическим не только для военных вузов Министерства обороны и Вооруженных Сил Российской Федерации, но и высших образовательных организаций иных феде-

ральных органов исполнительной власти, в которых законом предусмотрена военная служба. Широкую известность учебник и практикум В.М. Корякина имеют в среде правоприменителей — военнослужащих и лиц гражданского персонала военной организации государства, в том числе органов военной юстиции, представителей законодательной власти.

Учебник и учебное пособие состоят из 14 глав, их содержание синхронизировано для удобства читателя. Учебник позволяет овладеть теоретическим материалом, практикум — получить навыки правовой квалификации, правоприменения при выполнении заданий.

В первой главе «Введение в военное право» раскрыты понятие и сущность военного права как отрасли права, науки и учебной дисциплины. Сформулировано понятие военного законодательства и раскрыта иерархия актов военного управления как источников военного права, а также рассмотрены особенности правовой работы при подготовке правовых актов командиров (начальников).

Во второй главе «Организационно-правовые основы обороны Российской Федерации» представлена правовая характеристика защиты Отечества как функции государства. В связи с этим сформулированы особенности системы правового регулирования обороны Российской Федерации, включая раскрытие основных положений Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и Военной доктрины Российской Федерации как правовой основы организации обороны страны.

В третьей главе «Правовые основы военной безопасности Российской Федерации» раскрыты понятие и сущность военной безопасности, включая характеристику основных видов и угроз военной безопасности Российской Федерации, актуализировавшихся в связи с проведением специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины как ответа на гибридную войну коллективного Запада против России и ее военно-политических союзников и торгово-экономических партнеров.

Глава четвертая содержит систематизированные сведения о правовом положении военной организации государства, в том числе раскрывается понятие военной организации государства и ее структура. В этой же главе представлена формулировка понятия и правовой природы военного управления и правового положения органов военного управления с учетом особенностей функционирования военной организации государства в особых условиях.

В главе пятой представлены результаты анализа правовых основ комплектования военной организации государства личным составом, включая правовую характеристику воинской обязанности и форм ее реализации, порядок комплектования Вооружённых Сил военнослужащими, проходящими военную службу по контракту с учетом новелл, принятых в период проведения СВО. В этой же главе раскрыты основы трудового и военного законодательства по вопросам комплектования Вооружённых Сил лицами гражданского персонала.

В главе шестой «Военная служба и порядок ее прохождения» сформулировано понятие военной службы и определено ее место в системе государственной службы, раскрыт порядок прохождения военной службы и основания прекращения военной службы с учетом новелл 2022—2024 годов.

Элементы правового статуса военнослужащего как субъекта права раскрыты в главе седьмой. В частности, сформулировано понятие правового статуса военнослужащих с учетом характеристики конституционных прав и свобод, общих, специальных и должностных обязанностей военнослужащих, запретов и ограничений, связанных с военной службой, которые возложены не только на военнослужащих, но и на членов их семей.

Глава восьмая «Правовые основы материального обеспечения военнослужащих» содержит систематизированный материал по вопросам денежного довольствия (его многочисленных составных частей, варьирующихся в зависимости от степени участия в боевых действиях), продовольственного и вещевого обеспечения, а также механизм реализации права на жилище

военнослужащими в денежной и натуральной формах.

Вопросы социально-правовой защиты военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей раскрыты в главе девятой. В ней, в частности, рассмотрены многочисленные социальные гарантии и компенсации, установленные для военнослужащих и членов их семей, а также страховые гарантии и единовременные пособия военнослужащим и их семьям. В третьем параграфе главы представлена система пенсионного обеспечения лиц, проходивших военную службу, и их семей в связи с потерей кормильца.

В главе десятой изложены основания и порядок привлечения военнослужащих к пяти видам юридической ответственности военнослужащих, включая такие общетеоретические вопросы как понятие юридической ответственности военнослужащих. Подробно рассмотрены материальные и процессуальные нормы привлечения к административной, дисциплинарной, гражданско-правовой и материальной ответственности военнослужащих.

Вопросам правового регулирования обеспечения законности, правопорядка и воинской дисциплины посвящена глава одиннадцатая. В ней дана характеристика воинской дисциплины и правовых средств ее обеспечения; сформулированы способы обеспечения в Вооруженных Силах законности и правопорядка; раскрыты материальные и процессуальные аспекты права жалобы военнослужащих как средства обеспечения законности и правопорядка.

В главе двенадцатой «Правовое положение воинских частей и военных организаций» последовательно изложены основы гражданского права и военного права о правовом положении военных организаций как субъектов права, правовом режиме военного имущества, включая вопросы снабжения воинских частей материальными средствами. Раскрываются организационно-правовые основы хозяйственной деятельности в воинской части.

Глава тринадцатая раскрывает правовые средства противодействия коррупции в Вооруженных Силах Российской Федера-

ции. Сформулирована правовая характеристика сущности коррупции, специфика и формы ее проявления в условиях воинской деятельности. Систематизированы организационно-правовые основы противодействия коррупции в Вооруженных Силах, включая основные правовые средства указанной деятельности.

Учебник завершается *изложением военных аспектов международного права в главе четырнадцатой.* Последовательно рассмотрены вопросы территории в международном праве, раскрыты понятие и содержание права вооруженных конфликтов, изложены основы международного гуманитарного права.

Таким образом, содержание и структура учебника «Военное право» и учебного пособия «Военное право: практикум», подготовленных профессором В.М. Корякиным, охватывают все институты военного права, дают полное, глубокое, всестороннее представление о современном правовом регулировании и правоприменительной практике в военной организации российского государства в условиях специальной военной операции. Учебник и учебное пособие, несомненно, вносят вклад в правовое обеспечение победы русского оружия в навязанном России глобальном противостоянии. Изучение материалов учебника и решение заданий практикума позволит повысить правовую грамотность как личного состава Вооруженных Сил, воинских формирований и органов, так и широкого круга читателей, интересующихся вопросами современного военного права. Несомненно, учебные издания будут с интересом восприняты всем военно-юридическим сообществом России, государств-членов ОДКБ и ШОС, а среди его читателей будет немало учеников и последователей их автора — профессора В.М. Корякина

Библиография

1. Корякин, В.М. Военное право : учебник / В.М. Корякин. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : ЮСТИЦИЯ, 2024. — 496 с.
2. Корякин, В.М. Военное право. Практикум : учебное пособие / В.М. Корякин. — Москва : КНО-РУС, 2024. — 368 с.

Modern military law in the mirror of educational literature: to help the cadet, the listener, the rule-maker and the law enforcer

© **Bobrova O.G.**,

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the 20th Department (Military Law) of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Prince Alexander Nevsky Military University"

© **Levenets E.V.**,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the 20th Department (Military Law) of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Prince Alexander Nevsky Military University"

Annotation. The publication is a review of the textbook "Military Law" (2 edition, edition "Justice") and the textbook "Practicum "Military Law" (edition "Knorus") by Professor V.M.Koryakin. The educational publications present modern systematic material on the theoretical and legal foundations of military law and military legislation, taking into account the novelties caused by the conduct of a special military operation to demilitarize and denazify Ukraine. The publications are aimed at a wide audience: cadets and students, adjuncts and doctoral students of higher military educational institutions of the Ministry of Defense, troops and military formations of the military organization of the Russian Federation, as well as for students studying at military training centers. The books will be of interest to representatives of the legislative, executive and judicial authorities.

Keywords: military law; Armed Forces; military security; special military operation; textbook; workshop.

Теория и практика конституционализации военного права современной России

© Сидоркин Александр Иванович,
доктор юридических наук, профессор,
профессор 28 кафедры ФГКВООУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на коллективную монографию «Конституционализация военного права в современной России: вопросы теории и практики». Книга является первым научным изданием, в котором на основе системного анализа прослеживается роль Конституции Российской Федерации в формировании военного права как отрасли российского права. Рассмотрены теоретические и практические вопросы конституционализации военно-уголовного права, влияние конституционных положений на регуляцию гражданских отношений в сфере военной службы, обороны и безопасности страны. Дан системный анализ базовых конституционных положений, лежащих в основе военно-социального права. Раскрыты конституционные основы обеспечения международной безопасности России и проанализирован международный опыт защиты прав военнослужащих.

Ключевые слова: военное право, военнослужащие, специальная военная операция, военно-уголовное право, конституционализация права, военно-социальное право, вооруженный конфликт, международное гуманитарное право, военный омбудсмен.

Основа действующей правовой системы России — Конституция, определяет направления развития всех современных отраслей российского права, в том числе и военного. Именно в Конституции содержатся такие базовые понятия как «обеспе-

чение обороны страны» (ч. 3 ст. 55, ст. 114); «оборона» (ст. 71); «вопросы обороны» (ст. 83, 102); «оборонное производство» (ст. 71); «определение порядка продажи и покупки оружия, боеприпасов, военной техники и другого военного имущества» (ст. 71); «защита Отечества» (ст. 59); «военная служба» (ст. 59), «прокуроры военных прокуратур» (ст. 83, 129), «война» (ст. 71, 106), «военная доктрина» (ст. 83), «военное положение» (ст. 87, 102, 109), «режим военного положения» (ст. 87), «Вооруженные Силы Российской Федерации» (ст. 83, 87, 102), «высшие воинские звания» (ст. 89) и др.

Вместе с тем, Конституция не может быть статичной, ее содержание должно отвечать реалиям и развиваться вместе со страной. По словам Президента Российской Федерации В.В. Путина, Конституция «... это живой развивающийся организм и её положения должны работать в изменяющемся правовом поле»¹. Поэтому внесение

¹ Конституция – это живой организм [Электронный ресурс]: <https://gazeta-karelia.ru/news/2023/12/konstitutsiya-eto-zhivoj-organizm/> (дата обращения: 20.08.2024).

изменений и дополнений в действующую Конституцию Российской Федерации 1993 г. представляется вполне закономерным процессом, отражающим насущные потребности развития Российского государства и общества. Особенно важной следует признать поправку, внесенную в Конституцию Российской Федерации в 2020 г.¹, которая привела ее содержание в соответствии с духом времени, отчасти предвосхитив новые вызовы и угрозы российской государственности и традиционным ценностям. Президент Российской Федерации В.В. Путин обратил внимание, что обновление Конституции повлекло за собой большую работу по приведению законодательства в соответствие с новыми нормами².

В связи со сказанным, представляется весьма актуальным выход в издательстве «Перо» в 2024 г. монографии, подготовленной коллективом кафедр Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации. В монографии на основе системного анализа прослеживается роль Конституции Российской Федерации в формировании военного права как отрасли российского права³. Диапазон выбранных направлений научного анализа авторов обширен и не ограничивается каким-то отдельным направлением правового регулирования в военной сфере, что делает монографию интересной для широкого круга читателей. Применив метод диахронного сравнения правовых средств обеспечения обороноспособности и военной безопасности страны, авторы предприняли попытку спрогно-

зировать эволюцию институтов военного права современной России.

Структурно монография разделяется на шесть глав. В **главе первой** исследуются теоретико-правовые проблемы конституционализации военного права. Авторы последовательно рассматривают военное право в его конституционно-правовом измерении, не оставляя без внимания и конституционно-философские подходы исследования теории военного права. Детально раскрываются процессы конституционализации военного законодательства Российской Федерации, законодательства о воинской обязанности и военной службе в период проведения специальной военной операции. Констатируются и предлагаются пути решения проблемы конституционализации высшего военного образования и дальнейшего развития военно-правовой науки.

Глава вторая монографии посвящена конституционно-правовым началам институализации военного права России. На основе анализа современной обстановки авторами обозначены военно-правовые средства защиты суверенитета российского государства. Исследуются актуальные вопросы политико-правового обоснования и практической реализации федерализма при изменении военных округов в контексте принятия Конституции Российской Федерации 1993 г. В свете последних событий, особенно актуальным следует признать обращение авторов к проблематике формирования добровольческих подразделений и их законодательное оформление участия в защите Отечества, а также к проблеме конституционализации деятельности частных военных компаний в России, хотя, на взгляд рецензента, последний вопрос авторами монографии раскрыт не столь глубоко, как остальные. Это как раз тот случай, когда предмет правового регулирования имеет огромную актуальность. Дважды, в 2012 и 2014 гг., была проявлена законодательная инициатива, путем внесения законопроектов «О государственном регулировании создания и деятельности частных военных компаний» и «О частных военнo-охраннo-компаниях». Предполагаемые к принятию законопроекты являлись именно «базовыми и инновационными», однако

¹ Закон Российской Федерации о поправке в Конституцию Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти».

² Путин заявил о начале «масштабной законотворческой работы» после поправок [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/07/2020/5eff2a789a79472fd9bd7687> (дата обращения: 18.08.2024).

³ Конституционализация военного права в современной России: вопросы теории и практики: монография / С.В. Тарадонов [и др.]; под общей редакцией профессора С.В. Тарадонова, доцента Д.И. Самодурова. М.: ВУ, 2024.

«острота» регулируемого вопроса, а также вызываемые ими опасения потребовали отложения рассмотрения инициативы на неопределенный срок. Поэтому на данный момент законодательство Российской Федерации по-прежнему не предусматривает возможность создания и функционирования ЧВК. Несмотря на это, на территории России действует ряд предприятий, которые фактически выполняют функции ЧВК за рубежом, при этом действуя внутри Российской Федерации в рамках Федерального закона «О частной охранной и детективной деятельности» на правах частных охранных предприятий либо консалтинговых компаний. Серьезным доводом в пользу правового закрепления деятельности ЧВК в Российской Федерации является возможность обеспечить правовые гарантии для сотрудников таких предприятий, которые, в большинстве своем, являются гражданами России. Так, например, законодательно закрепленное обязательство о дополнительном страховании сотрудников российских ЧВК стало бы эффективным механизмом защиты жизни и здоровья специалистов, работа которых связана с повышенным риском в условиях проведения специальной военной операции.

Немаловажными представляются выводы и предложения авторов монографии, полученные ими в ходе исследования полномочий органов местного самоуправления в области обороны. Вхождение в состав Российской Федерации новых территорий актуализировало проблематику реализации конституционных прав их жителей, теперь уже как граждан России. Отрадно, что авторы и эти проблемы не оставили без внимания.

Третья глава монографии «Уголовно-правовые средства обеспечения военной безопасности» раскрывает суть конституционализации военно-уголовного права. Авторы исследуют теоретико-правовые основы международного сотрудничества по делам о военных преступлениях. Подробно проанализированы организационно-правовые основы участия военных следственных органов СК России в международном сотрудничестве по делам о военных преступлениях и уголовно-правовые

средства обеспечения экологической безопасности Российской Федерации в условиях вооруженного конфликта.

Четвертая глава рецензируемой монографии именуется «Конституционно-цивилистические ландшафты военного права». Исходя из имеющегося зарубежного и отечественного опыта, авторы рассуждают о совершенствовании некоторых элементов системы инновационной деятельности в Министерстве обороны Российской Федерации. В условиях быстрорастущей «цифровизации» жизни, в том числе и военной, большое внимание уделяется проблеме защиты интеллектуальных прав как одному из гарантов обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации. Вычлняются конституционные основы возмещения убытков по «военизированному» праву страны, где рассматривается частноправовой спор, когда происходит переход от условий, всегда диктуемых победителем (а побежденные должны быть готовы к любому ухудшающему их положение требованию), к превентивной и резолютивной репарациям.

Большое значение имеет **глава пятая**, раскрывающая конституционные положения о социальном государстве и их воплощение в военном праве. Авторы с позиции конституционного права пытаются обосновать положение о том, что военно-социальное право является подотраслью военного права. Не обошли они вниманием и проблемные вопросы реализации положений военно-социального законодательства в условиях военного времени, а также социальной защиты и поддержки участников специальной военной операции и членов их семей, что, безусловно, можно расценить как существенный вклад в развитие теории и практику науки военно-социального права. Уделяется внимание и вопросам репродуктивного права военнослужащих.

Глава шестая открывает читателям конституционные горизонты международной безопасности России. Авторы акцентируют внимание на военно-правовых аспектах в системе обеспечения международной безопасности Российской Федерации. В условиях современных вооруженных кон-

фликтов большое значение приобретают конституционные положения международного гуманитарного права, особенности которого детально проанализированы в параграфе 6.2 данной главы.

Защита прав военнослужащих, как специальных субъектов права обладает своей спецификой. В связи с этим, представляет практический интерес имеющийся мировой опыт организации и деятельности военных омбудсменов, исследованный авторами монографии на примере такого института в Норвегии.

Таким образом, рецензируемая монография будет интересна научным работникам, адъюнктам, аспирантам и соискателям ученых степеней, а также практическим работникам, словом всем, кто интересуется вопросами военного права.

Библиография

Конституционализация военного права в современной России: вопросы теории и практики: монография / С.В. Тарадонов [и др.]; под общей редакцией профессора С.В. Тарадонова, доцента Д.И. Самодурова. — Москва: Военный университет им. князя Александра Невского Минобороны России, 2024. — 370 с.

Theory and practice of the constitutionalization of military law in modern Russia

© Sidorkin A.I.,

Doctor of Law, Professor. Professor of the 28th Department of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Prince Alexander Nevsky Military University" of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Annotation. The article is a review of the collective monograph "The Constitutionalization of military Law in monalization of military criminal law, the influence of constitutional provisions on the regulation of civil relations in the field of military service, defense and security of the country are considered. A systematic analysis of the basic constitutional provisionsodern Russia: issues of theory and practice". The book is the first scientific publication in which, based on a systematic analysis, the role of the Constitution of the Russian Federation in the formation of military law as a branch of Russian law is traced. The theoretical and practical issues of the constituti underlying military and social law is given. The constitutional foundations of ensuring Russia's international security are revealed and the international experience of protecting the rights of military personnel is analyzed.

Keywords: military law, military personnel, special military operation, military criminal law, constitutionalization of law, military social law, armed conflict, international humanitarian law, military ombudsman.
